Борис БЕЙЛИ

ЧЕРЧИЛЛЬ БЕЗ ЛЖИ

ЗА ЧТО ЕГО НЕНАВИДЯТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хотя в России это имя знает каждый, УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ остается у нас фигурой полумифической – его охотно цитируют, к месту и не к месту, ему приписывают афоризмы, которые он никогда не произносил (самый знаменитый из них – о Сталине, якобы «получившем Россию с сохой, а оставившем с атомной бомбой»), и грехи, в которых он неповинен; его привычно проклинают как «заклятого врага русского народа» и ненавидят за то, чего он не совершал.

Был ли Черчилль виновником обеих Мировых войн и главой «заговора против России»? Натравил ли он Гитлера на СССР? Намеренно ли тянул с открытием «Второго фронта», чтобы максимально обескровить Красную Армию? Умолял Сталина спасти Британию от полного разгрома? Был законченным алкоголиком, потребляя армянский коньяк ящиками? Что известно о скандальных похождениях его матери, невестки и одной из дочерей, какие «скелеты в шкафу» имелись у самого сэра Уинстона? И за что на самом деле его проклинают и превозносят, прославляют и ненавидят?..

Опровергая самые расхожие мифы о Черчилле, эта книга восстанавливает подлинную биографию «несгибаемого премьера», рисуя правдивый портрет величайшего политика XX века – без гнева и пристрастия, без умолчаний, без лжи!

- Борис Бейли
- К читателям
- Происхождение
- Черчилль – военный
-
- Черчилль и авиация
- Дарданелльский провал
- Черчилль – масон
- Любовные романы Черчилля
- Черчилль и живопись
- Черчилль и Советская Россия
- Черчилль и мировой финансовый кризис
- Его звездный час
- Операция «Морской лев»
- Битва за Британию
- Черчилль и Сталин
-
-

-
-
-
-
-
- Арденнское сражение. Просил ли Черчилль помощи у Сталина
- «Немыслимое»
- Фултонская речь
- Черчилль и спорт
- Диета Черчилля
- Черчилль и армянский коньяк
- Смерть Черчилля
- Образ Черчилля

Борис Бейли
Черчилль без лжи. За что его ненавидят

К читателям

Самый великий из британских политиков и, наверное, не только XX, но и всех веков существования Англии, сэр Уинстон Черчилль, дважды становившийся премьер-министром Соединенного Королевства и приведший Британскую империю к победе во Второй мировой войне, был фигурой яркой, харизматичной, противоречивой. В опросе 2002 года, проведенном корпорацией Би-би-си, чтобы определить 100 великих британцев, Черчилль был назван величайшим британцем в истории. У него было не так уж много друзей, зато врагов – с избытком. Это обстоятельство породило ряд негативных «черчиллевских мифов», особенно за пределами Великобритании. Но и на родине в настоящее время Черчиллю не очень-то везет. Сегодня каждый пятый британский школьник уверен, что Уинстон Черчилль – это выдуманный персонаж вроде Робин Гуда или Гарри Потгера, и что самого знаменитого британского премьера никогда не существовало в действительности. Впрочем, насчет Робин Гуда многие школьники уверены, что предводитель вольных стрелков и хозяин Шервудского леса существовал на самом деле. Черчилль удивительным образом сочетал страсть к консервативным идеалам со страстью ко всему новому и необычному.

Уинстон Черчилль – одна из наиболее мифологизированных исторических фигур в нашей стране. Его обвиняют в зоологической русофобии, в участии в масонском заговоре против России и всего мира, в отсутствии военного опыта, в сумасбродстве. Утверждают также, будто руководимая им «Битва за Британию» не сыграла существенной роли в войне, и Гитлер *отказался* от захвата Британских островов только потому, что собирался напасть на Советский Союз. Иногда встречаются утверждения, якобы британский премьер был главным виновником двух мировых войн, а когда союзники стали терпеть поражение в Арденнах, он будто бы слезно умолял Сталина побыстрее начать наступление, чтобы спасти союзников от полного разгрома. Черчилль будто бы намеренно тянул с открытием Второго фронта, чтобы максимально ослабить СССР в борьбе с нацистской Германией. Он якобы способствовал возвеличиванию Сталина и считал его выдающимся политиком. Но сам Черчилль при этом, даже возвеличивая Сталина, все равно оставался «мировым злодеем». Адепты Сталина обычно обращаются к вырванным из контекста положительным высказываниям Черчилля о Сталине для того, чтобы доказать

величие и положительные качества генералиссимуса. При этом они не задумываются о том, насколько искренни могут быть характеристики, данные человеком, который, по их же утверждениям, всегда оставался лютым ненавистником всего советского.

Считается, что именно с Черчилля Кукрыниксы, Борис Ефимов и другие советские художники рисовали буржуина для своих политических карикатур. В СССР сам облик Черчилля стал символом буржуа-империалиста, стремящегося любой ценой сохранить Британскую империю и сокрушить первое в мире государство рабочих и крестьян.

Когда Черчилль родился, и впоследствии, когда он еще только начинал свою политическую карьеру, Великобритания и возглавляемая ею Британская империя была сильнейшим государством в мире. Но уже в его звездный час, в годы Второй мировой войны, Соединенное Королевство безвозвратно уступило мировое первенство Соединенным Штатам Америки, от которых Англия оказалась в полной финансовой, экономической, военной и политической зависимости, утратив возможность проводить самостоятельную мировую политику. После победы во Второй мировой войне значение Англии в сильнейшей степени упало. Отправив Черчилля в отставку в июле 1945 года, английские избиратели избавили его от того, чтобы присутствовать при начале процесса распада Британской империи, но когда Уинстон вновь вернулся в премьерское кресло, процесс распада империи принял необратимый характер, и у Черчилля было достаточно политической мудрости, чтобы не пытаться его остановить. Впрочем, он еще в годы войны понял неизбежность распада империи, поскольку вопрос о независимости Индии был предрешен, а США ясно дали понять, что они выступают за независимость колоний европейских держав.

Черчилль рассчитывал заменить Британскую империю союзом англо-саксонских народов, включающим, кроме Соединенного Королевства, США, доминионы с преобладающим или значительным британским населением (Австралию, Канаду, Новую Зеландию и Южную Африку), а также те британские колонии, которые захотят к нему присоединиться. В основе своей эта конструкция существует и сегодня, имея также весомое дополнение в виде военно-политического блока НАТО. Хотя Черчилль не выиграл и не мог выиграть «британский мир» после Второй мировой войны, в глазах всех британцев он остался победителем и самым великим из всех британских политиков.

Франклин Рузвельт говорил о Черчилле: «У Уинстона в голове за день рождается сотня идей, из которых три или четыре

действительно стоящие». В то же время маршал авиации Портал рассказывал, как закончился их бурный спор с Черчиллем в годы Второй мировой войны: « Я был совершенно не согласен с одним из планов Черчилля и оттого говорил с ним довольно резко. В продолжение моей тирады он не сводил с меня ледяного взгляда, и в конце концов я извинился за свою грубость. Тогда он широко улыбнулся и сказал: «На войне главное не вежливость, а здравый смысл».

Обычно обращают внимание, что за время второго премьерства Черчилля в 1951–1955 годах ни одна британская колония не получила независимости. Это часто трактуют как намерение премьера сохранить империю любой ценой. Но на самом деле в это время шла подготовка объявления независимости ряда британских колоний в Африке, а также Малайзии. В частности, в Кении главным образом при Черчилле было подавлено повстанческое движение «Мау-Мау», отличавшееся крайней антиевропейской направленностью. Было также опасение, что его могут поддержать СССР и его союзники. После подавления восстания Кения благополучно получила независимость в 1963 году. Что же касается того, что второе премьерство Черчилля было куда менее ярким, чем первое, то иначе и быть не могло. В первой половине 50-х годов в мире не было больших войн (локальные в Корее и Индокитае – не в счет), существованию Англии ничего не угрожало, но ее значение как мировой державы по сравнению с 1939 годом значительно упало, и Черчилль уже не мог творить великие дела, хотя и не сделал сколько-нибудь заметных ошибок в период своего второго премьерства.

Многие мифы о себе Черчилль творил сам, в своих литературных трудах и речах, утверждая, что «история меня оправдает, ведь я сам пишу ее». Поскольку есть только официальная 8-томная биография Черчилля, но столь же фундаментальной неофициальной биографии самого великого британца XX века пока не существует, мы и сегодня не в состоянии до конца понять, что в его жизни – истина, а что – только миф. В этой книге рассмотрены лишь несколько самых известных мифов о Черчилле, преимущественно связанных с Россией, опровергнуть которые не составляет большого труда.

Против Черчилля есть и совсем скандальные обвинения. Так, в вышедшей в 1967 году пьесе немецкого драматурга Рольфа Хохута «Солдаты» утверждается, будто Черчилль был всего лишь «слугой» Сталина, сообщником преступления, совершенного Советами в Катыни, убийцей главы польского эмигрантского правительства генерала Владислава Сикорского, а также военным

преступником, приказавшим британским ВВС истребить сотни тысяч мирных граждан Германии. Правда, пилоту самолета, на котором погиб Сикорский, удалось выиграть иск о клевете к Хохуту и театрам, поставившим эту пьесу. Сам этот факт основательно подорвал доверие к «Солдатам» и к версии, что Сикорский стал жертвой покушения, устроенного британскими спецслужбами. В этом случае вряд ли бы кто оставил в живых пилота как опасного свидетеля. Хохут, не зная, что пилот остался жив, как раз и построил сюжет пьесы на версии, согласно которой Черчилль отдал приказ об убийстве пилота, который был вместе с Сикорским на борту разбившегося самолета.

Происхождение

Широко распространено мнение, что сэр Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль, наверное, самый знаменитый из британских премьер-министров, приведший Британскую империю к победе во Второй мировой войне, имел чрезвычайно знатное, почти королевское происхождение. Но это не совсем так. Отец Уинстона лорд Рэндольф Спенсер-Черчилль, был третьим сыном Джона Уинстона Спенсера-Черчилля, 7-го герцога Мальборо и многолетним депутатом британского парламента. По этой линии будущий британский премьер был потомком знаменитого полководца конца XVII – начала XVIII века Джона Черчилля, 1-го герцога Мальборо. Уинстон написал его биографию «Мальборо: его жизнь и время». Стоит заметить, что в России герцог Мальборо стал известен как Мальбрук, персонаж известной шуточной песенки, весьма вольно переведенной с французского в 1792-м и в 1812 году, причем в последнем случае под Мальбруком явно подразумевался Наполеон. Именно поэтому песенка 1812 года была снабжена непристойными подробностями, отсутствующими во французском оригинале:

Мальбрук в поход собрался,
Наелся кислых щей…
Он к вечеру обклался
И умер в тот же день.
Четыре генерала
Портки его несли,
И тридцать три капрала
Г…о из них трясли…

На самом деле 1-й герцог Мальборо был храбрым воином и талантливым полководцем, которого многие историки признают вообще лучшим британским полководцем всех времен. По преданию, песенку о Мальбруке сочинили в сентябре 1709 года накануне битвы при Мальплаке, когда распространился ложный слух о гибели герцога Мальборо. В этой битве британские войска под командованием Мальборо в союзе с австрийской армией принца Евгения Савойского разбили французскую армию маршала Клода Луи Эктора де Виллара, усиленную баварцами, что решило исход войны за Испанское наследство. Правда, в этой битве победители, хотя и захватили 16 орудий и множество знамен и штандартов, потеряли 17 тыс. убитыми и ранеными, тогда как потери французов и баварцев составили лишь 15 тыс. Даже с учетом того, что в результате битвы при Мальпаке австрийцы и британцы смогли также в октябре овладеть

крепостью Моне и пленить 4-тысячный франко-испанский гарнизон, британские и австрийские потери казались слишком большими. Враги Мальборо говорили, что он больше заботился о своей карьере, чем о жизнях своих солдат. Любопытно, что почти теми же словами два с лишним века спустя генерал армии Андрей Иванович Еременко отзывался о маршале Георгии Константиновиче Жукове: «Я с товарищем Жуковым уже работал и знаю его как облупленного. Это человек страшный и недалекий. Высшей марки карьерист… Следует сказать, что жуковское оперативное искусство – это превосходство в силах в 5–6 раз, иначе он не будет браться задело, он не умеет воевать не количеством и на крови строит себе карьеру». Другое сражение против французов и баварцев, которое выиграл герцог Мальборо, также в союзе с Евгением Савойским, Бленхеймский бой 13 августа 1704 года, тоже отразилось в русской поэзии. Эта победа утвердила Мальборо в статусе величайшего британского полководца. Благодарная британская нация выстроила для герцога Мальборо Бленхеймский дворец в Вудстоке, графство Оксфордшир, где и появился на свет Уинстон Черчилль. Русский поэт Алексей Плещеев перевел посвященную этому сражению поэму Роберта Саути. Английский поэт подчеркивал бессмысленность сражения, в котором пали 30 тыс. французов и баварцев и 12 тыс. австрийцев и британцев. Алексей Плещеев в своем переводе еще усилил антивоенный пафос оригинала. Баллада – это рассказ старого крестьянина внукам о великой битве:

«В Бленгейме жили мы с отцом…
Пальба весь день была…
Упала бомба в домик наш,
И он сгорел дотла.
С женой, с детьми отец бежал,
Он бесприютным нищим стал.
Все истребил огонь, и рожь
Не дождалась жнеца.
Больных старух, грудных детей
Погибло без конца.
Как быть! На то война, и нет,
Увы, без этого побед!
Мне не забыть тот миг, когда
На поле битвы я
Взглянул впервые. Горы тел
Лежали там, гния.
Ужасный вид! Но что ж?
Иной Побед нельзя купить ценой.

В честь победивших пили все,
Хвала гремела им».
– Как? – внучка деда прервала. —
Разбойникам таким?
– Молчи! Гордиться вся страна
Победой славною должна
Да! принц Евгений и Мальброг
Тот выиграли бой».
Тут мальчик перебил: «А прок
От этого какой?»
– Молчи, несносный дуралей!
Мир не видал побед славней!

Как видим, великому предку Уинстона Черчилля не слишком повезло в России, как, впрочем, и самому еще более великому потомку 1-го герцога Мальборо. Победителя при Бленхейме представляли в лучшем случае кровавым мясником, а в худшем – еще и жалким трусом, смеялись над его славой. Точно так же Уинстона Черчилля в Советском Союзе выставляли ярым ненавистником коммунизма и русофобом, чьи империалистические авантюры неизменно проваливались. Исключением был период 1941–1945 годов, когда СССР и Англия были союзниками по Антигитлеровской коалиции.

Распространено мнение, что судьба Черчилля могла бы сложиться совсем иначе, если бы старший брат его отца Джордж Черчилль, герцог Мальборо, не имел бы сыновей. Тогда, согласно закону, титул герцога и право заседать в Палате лордов унаследовал бы Уинстон Черчилль. А в этом случае он будто бы не мог занять пост премьер-министра, и вся британская и мировая история могла бы пойти иначе. Однако никакого законодательного запрета на то, чтобы пост премьера занимал член Палаты лордов, в Соединенном Королевстве не существует. Последний раз на пост премьер-министра член Палаты лордов был назначен в 1895 году. Это был маркиз и граф Роберт Солсбери. Сам Черчилль, будучи премьером, в апреле 1953 года был удостоен титула лорда, что не помешало сэру Уинстону еще два года возглавлять правительство. Так что титул герцога Мальборо в любом случае не мог бы стать непреодолимым препятствием на пути Черчилля к посту премьер-министра. Другое дело, что, заседая и выступая в Палате лордов, политическое значение которой было гораздо меньше, чем Палаты общин, Черчилль имел бы гораздо меньше шансов возглавить правительство. Однако не надо забывать, что премьером он стал в критической ситуации, когда союзники терпели поражение во Франции. Пребывание в Палате лордов

нисколько не помешало бы Черчиллю критиковать «политику умиротворения» и предупреждать о германской опасности. А именно эти его действия стали главным аргументом для того, чтобы назначить его премьер-министром.

В отличие от отца мать Черчилля не отличалась аристократическим происхождением. Зато у леди Рэндольф Черчилль, в девичестве Дженни Джером, было другое немаловажное преимущество – она была дочерью простого американского миллионера, а семейство Черчиллей давно уже не было богатым, и третьему сыну герцога Мальборо не светили ни титул, ни солидное наследство. В свое время премьер-министр Бенджамин Дизраэли с иронией заметил о Мальборо: «Они недостаточно богаты, чтобы быть герцогами». Пришлось потихоньку продавать земельные участки, фамильные драгоценности и картины. Состояние жены помогло удовлетворить политические амбиции. К тому же Дженни была одной из первых красавиц своего времени. Королева Румынии Мария свидетельствовала: «Леди Рэндольф обладала ослепительной красотой, ее скорее можно было принять за итальянку или испанку. Глаза ее были большими и темными, изгиб губ был изысканным и почти озорным, волосы – иссиня-черными и блестящими, в ней было что-то креольское. Она была очень оживленной и много смеялась, показывая белоснежные зубы и всегда выглядя счастливой и хорошо проводящей время». Все эти достоинства перевесили отсутствие знатных предков. Ее отец, Леонард Джером, крупный биржевой игрок, основатель Американского Жокейского Клуба, владелец акций «Нью-Йорк Таймс» и Тихоокеанской почтовой пароходной компании, а также театра на Мэдисон авеню, друг и деловой партнер знаменитого мультимиллионера Корнелиуса Вандербильта, был потомком изгнанного из Франции гугенота Тимоти Джерома, высадившегося в британских колониях в Северной Америке в 1717 году. Это, кстати, опровергает появившуюся в начале 90-х годов версию, будто дед Черчилля был евреем, сменившим свою исконную еврейскую фамилию Якобсон на английскую Джером. За масштабные спекуляции нью-йоркской недвижимостью Леонарда Джерома прозвали Король Уолл-стрит. Свадьба Дженни и Рэндольфа в 1874 году была одной из первых свадеб британского аристократа и дочери американского миллионера Вскоре такие браки стали делом обыденным. Миллионеры из-за океана искали громкие титулы, а обедневшие аристократы – деньги. Отец герцог запретил Рэндольфу жениться, пока он не станет парламентарием, но тут он неожиданно для всех выиграл выборы. Британские родственники жениха резко возражали

против пожелания отца невесты, чтобы капитал Дженни был независимым от мужа В итоге молодая чета получила 3600 фунтов в год, из них 2500 гарантировал отец невесты, предоставивший капитал в 50 000 фунтов в приданое. Он же оплатил долги Рэндольфа в 2000 фунтов. Однако в дальнейшем из-за неудачной игры на бирже финансовые дела Леонарда Джерома ухудшились, и он несколько лет не мог помогать дочери в прежнем объеме. Брак же с Рэндольфом перерос просто в дружескую связь в 1886 году, когда супруги стали вести независимую друг от друга сексуальную жизнь. Среди любовников Дженни оказались даже коронованные особы – принц Уэльский Берти, будущий король Эдуард VII и король Сербии Милан IV Обренович, а также немало влиятельных британских политиков, что немало помогло политической карьере мужа, а потом и Уинстона. Но Рэндольфа погубил сифилис – сухотка спинного мозга свела его в могилу в 1895 году в возрасте 45 лет. Близкий друг лорд Дерби так говорил о Рэндольфе: «При всей неотразимости он ведет весьма сомнительный образ жизни, вряд ли достойный настоящего джентльмена Мне иногда кажется, что его разум помутился». В наследство сыну Рэндольф оставил долгов на 67 тыс. фунтов стерлингов.

Мать Уинстона не слишком долго оставалась вдовой. В 1900 году она вышла за бравого капитана шотландской гвардии 26-летнего Джорджа Корнуоллиса-Уэста, который был ровесником Уинстона и уступал в возрасте супруге аж 20 лет. Но уже через 14 лет супруги развелись, причем одной из причин развода стало ухудшившееся после смерти отца финансовое положение Дженни. В 1918 году она вышла замуж в последний раз – за 41 – летнего Монтегю Фиппен Порча, сумевшего составить состояние в Африке. Этот брак в отличие от предыдущего мать Уинстона назвала удачным, но не романтичным. Но вместе супруги прожили недолго. В 1921 году Дженни упала с лестницы и сломала ногу. Началась гангрена, и врачи не смогли спасти леди Рэндольф Черчилль.

Существует версия, будто между Черчиллем и президентами США: Франклином Рузвельтом, Улиссом Грантом и Джорджами Бушами – старшим и младшим, а также Аланом Шепардом, первым американским астронавтом, совершившим суборбитальный полет, – родственная связь. Никаких доказательств этого не было найдено, но сам Черчилль с гордостью утверждал: «.Я – воплощение союза англосаксонских стран». С другой стороны, некоторые американские историки утверждают, будто Дженни вообще имела среди предков индейцев-ирокезов, что будто бы способствовало ее

необыкновенной красоте, смуглой коже и черным волосам. Якобы индейской кровью мать Уинстона наградила бабушка Дженни по материнской линии Кларисса Виллкокс, которую как будто изнасиловал индеец-ирокез. Никаких документальных доказательств эта версия не имеет, а черные волосы и смуглую кожу гораздо проще объяснить присутствием в родословной выходца из Южной Европы.

Как известно, Черчилль 30 ноября 1874 года родился семимесячным. Это породило подозрения, что его родители еще до свадьбы, состоявшейся 15 апреля того же года, имели сексуальные отношения и что в действительности Уинстон появился на свет точно в срок. В чопорной и ханжеской викторианской Англии добрачный секс безусловно осуждался, что не мешало аристократам и буржуа развратничать направо и налево. Однако в письмах Рэндольфа и Дженни содержится указание на то, что их первенец действительно появился на свет недоношенным. Рэндольф винил в этом местного вудстокского врача, недосмотревшего за беременной леди Черчилль.

Черчилль – военный

Вопреки распространенному мнению, Черчилль не был дилетантом в военных вопросах, штафиркой, возомнившим себя полководцем, а, будучи кадровым офицером, хорошо знал британскую армию изнутри и лично участвовал в сражениях.

От знаменитого предка-полководца Уинстон унаследовал если не герцогский титул, то страсть к военному делу. Он был убежден, что «сражения есть самые знаменательные события мировой истории» и что судьбы народов и государств зависят от воли великого человека, особенно полководца. Черчилль утверждал в одной из своих речей: «Во всех великих битвах прошлого успеха добивался тот, кто проявлял высшую силу воли, способную вырвать победу из лап противника». И в биографии герцога Мальборо Уинстон подчеркивал, явно вспоминая и собственное детство: «Нужно в юности пройти через тернии соперничества, выдержать суровые испытания обстоятельствами, стерпеть уколы насмешек и прочие унижения, чтобы воспитать стойкость духа и сосредоточиться на единственной цели. Только так можно совершить нечто великое».

С детства Черчилль увлекался войной и собрал коллекцию в несколько тысяч оловянных солдатиков, с помощью которых разыгрывал воображаемые сражения. Позднее, уже в бытность Черчилля военно-морским министром, профсоюзный лидер и будущий министр Клайнз утверждал, что «Черчилль всегда оставался солдатом в штатском». Также английский историк Эли Халеви считал, что «в душе этот либеральный, даже ультралиберальный политик всегда был солдатом».

Тем не менее сам Уинстон неоднократно утверждал, что военная карьера не его призвание. Однако ему довелось достаточно долго прослужить в армии младшим офицером и получить неплохой боевой опыт. В 1895 году он признавался в одном из писем: «Чем дольше я служу, тем больше мне нравится служить, но тем больше я убеждаюсь в том, что это не для меня».

На военную службу Уинстона привели, как это ни покажется странным… лень и нелюбовь к дисциплине. Когда ему исполнилось восемь лет, юного Черчилля отдали в привилегированную школу Сент-Джордж. Там были узаконены телесные наказания, и Уинстон получил изрядную порцию их, поскольку терпеть не мог дисциплину. После первого года учебы Уинстон по дисциплине оказался на последнем месте в классе. Директор школы сообщил родителям, что их сын – «вечная причина всех беспорядков», «постоянно попадает в какие-то

переделки», уже не надеясь, что юный Уинстон «научится вести себя как должно». По воспоминаниям одноклассника Черчилля искусствоведа Роджера Фрая, в результате порки «попки несчастных мальчиков превращались в кровавое месиво». Остальных школьников сажали около открытой двери в библиотеку, где проходила экзекуция, чтобы они, «дрожа от страха, слушали вопли» наказуемых. Считалось, что это научит еще не наказанных быть дисциплинированными. По мнению Фрая, директор школы Герберт Снейд-Киннерсли был садистом, получавшим от порки детей настоящее удовольствие. Уинстон мечтал отомстить директору за свои унижения, но того покарал Бог: в 1886 году в возрасте 38 лет садист скончался от сердечного припадка. А однажды, после того как за кражу сахара из кладовки один из учителей высек его, Уинстон изрезал в клочки любимую соломенную шляпу учителя.

Когда в 1886 году няня Черчилля Элизабет Энн обнаружила на теле воспитанника следы, Уинстона немедленно перевели в школу сестер Томсон в Брайтоне, менее престижную, но с более щадящим режимом, где выпускников не пороли. Зато взаимоотношения между учениками там были суровые. Уже через три месяца после пребывания в Брайтоне Уинстон схватился в рукопашной с одним из одноклассников, хорошенько врезав ему в ухо. Тот в ответ схватился за нож и легко ранил Черчилля в грудь.

В 1887 году посредственные успехи Уинстона в учебе и его скверное поведение заставили родителей предпочесть более престижному колледжу Итон, где традиционно учились Мальборо и Черчилли, менее престижный Хэрроу, где требования к поступающим были более чем щадящие. Перед экзаменами лорд Рэндольф переговорил с директором школы, и Черчилль был принят, хотя на письменном экзамене по ненавистной латыни не смог написать ни слова.

Уже в 1888 году Уинстон написал сочинение о будущей мировой войне, где точно предсказал год ее начала – 1914-й. А вот в составе противоборствующих коалиций Черчилль немного ошибся. В его сочинении Англия воевала с Россией, тогда как в Первой, равно как и во Второй мировой войнах, эти государства оказались союзниками. В 1891 году Черчилль признался своему однокласснику Мюрланду Эвансу: «Мне снятся сны, в которых я вижу громадные перемены, которые вскоре произойдут в нашем спокойном мире. С нами случатся великие потрясения, ужасные битвы, война, масштабы которой сейчас нельзя вообразить… Я смотрю в будущее и вижу, что Лондон будет в опасности. Наша страна подвергнется страшному нападению… Я возглавлю оборону Лондона и спасу его и всю Англию от катастрофы».

Впоследствии в своих книгах Уинстон стремился убедить своих читателей, что обладает даром пророчества и, кажется, искренне в это верил.

Три года спустя после поступления Черчилля перевели в «армейский класс», где учеников готовили к военной карьере. Выбор военной профессии произошел на каникулах летом 1889 года. Отец застал Уинстона и его младшего брата Джорджа за игрой в солдатики и прямо спросил: «Уинстон, ты хочешь стать военным?» И тот уверенно ответил: «Да».

В «военном классе» будущий премьер стал учиться более прилежно. Видно, военная служба в тот момент его привлекала. Хэрроу Черчилль закончил в числе всего 12 учеников, сумевших выдержать экзамены по всем предметам, особые успехи показав при изучении истории. Он также стал чемпионом школы по фехтованию, зато по дисциплине находился в классе на последнем месте. Позднее Уинстон признавался: «Если какой-либо предмет не возбуждал моего воображения, то я просто не мог его изучать. За все двенадцать лет, что я провел в учебных заведениях, ни одному преподавателю не удалось заставить меня написать даже стих на латыни или выучить хоть что-нибудь из греческого языка, исключая алфавит». В Хэрроу Черчилль прославился как один из самых злостных хулиганов. Ему очень нравилось сталкивать товарищей в бассейн. Правда, порой перепадало и самому Уинстону. Однажды несколько товарищей затолкали его в постель и устроили своеобразный контрастный душ, облив сначала горячей, а потом холодной водой. Но даже в столь беспомощном положении Черчилль кричал своим обидчикам: Я все равно буду великим, а вы так и останетесь никем».

В конце 1892 года после провала на вторых вступительных экзаменах в Сэндхерст, отец забрал Уинстона из Хэрроу. Его определили в Лексэм-Гарденс-Эрлскорт в Лондоне на курсы к капитану Уолтеру Генри Джеймсу, который натаскивал нерадивых учеников для поступления в Сэндхерст. От уровня подготовки своего нового воспитанника капитан был не в восторге и честно сказал лорду Рэндольфу: «Ваш сын слишком невнимателен и чрезмерно заносчив. К тому же он постоянно поучает своих преподавателей, заявляя им, что его познания в истории настолько обширны, что он не желает продолжать дальнейшую учебу в данной области».

В 1893 году Черчилль лишь с третьей попытки сдал экзамены в престижное Королевское военное училище в Сэндхерсте. Его подвело плохое знание латыни. Показав 92-й результат из 102 поступивших курсантов, Уинстон первоначально был определен в

менее престижный кавалерийский класс. Перевестись в пехотный класс ему удалось только благодаря тому, что часть абитуриентов с более высокими экзаменационными баллами отказалась от поступления в училище. Позднее Уинстон признавался матери: «Если я не преуспею, для меня это будет катастрофой! Неудачи разобьют мне сердце, ведь амбиции – моя единственная опора». Готовили курсантов основательно, не давая расслабиться. Первые занятия начинались в 6.45 утра и продолжались с небольшими перерывами на завтрак и обед до 16.00. Затем у курсантов было свободное время – они могли заняться спортом, чтением или просто гулять. До отбоя в 23.00 Черчилль много читал военную литературу, в том числе труды по стратегии и тактике, а также описания последних войн – Гражданской войны в США 1861–1865 годов, Франко-прусской войны 1870–1871 годов и Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Курсанты занимались картографией, тактикой, фортификацией, военной администрацией, полковым счетоводством, а также юриспруденцией, осваивали стрелковое и артиллерийское вооружение. Не последнее место занимали физические упражнения в гимнастическом зале, стрельба, копание окопов, строевая подготовка, марши и верховая езда.

В 1894 году Черчилль окончил училище 20-м из 130 выпускников, что было довольно неплохим результатом, и в феврале 1895 года стал младшим лейтенантом.

Уинстон так характеризовал преимущества военной службы: «Военное дело – это путь к быстрому продвижению и великолепная возможность отличиться». Он, сознавая родство войны и политики, признался одному из друзей: « Я хочу быть политиком или солдатом».

Черчилль мечтал прославиться на военном поприще, имея перед собой в качестве образцов Оливера Кромвеля и первого герцога Мальборо. В душе он всегда оставался стратегом, и политика влекла его во многом из-за ее очевидного сходства с военным делом. Не случайно звездный час Черчилля наступил именно во время войны.

Тянуть лямку младшего офицера в элитном 4-м гусарском полку Уинстону не очень-то хотелось. Благодаря связям матери в том же 1895 году он был направлен на Кубу военным корреспондентом газеты «Дейли График» освещать борьбу кубинских повстанцев против испанских войск, будучи прикомандированным к последним, но оставаясь при этом на действительной военной службе в британской армии. На Кубе Черчилль впервые побывал в бою, хотя непосредственно в нем не участвовал и ни в кого не стрелял. Отряд испанцев, при котором

находился Черчилль, попал в засаду. В ходе перестрелки одна из пуль попала в стоящую рядом с Черчиллем лошадь. Уинстон задумчиво произнес: «А ведь пуле не хватило всего лишь двенадцати дюймов, чтобы долететь до моей головы». Во время следующей стычки, когда партизаны напали на испанцев во время привала, одна из пуль попала в шляпу, которой спящий Черчилль накрыл лицо.

За пять опубликованных статей, часть из которых перепечатала «Нью-Йорк Таймс», он получил гонорар 26 фунтов и 5 шиллингов, что для небогатого аристократа было существенной прибавкой к скромному лейтенантскому жалованью. Правительство Испании наградило его медалью «Красный крест», что дало повод британской прессе усомниться в нейтральности корреспонденций Черчилля. На Кубе он пристрастился к гаванским сигарам и послеобеденной сиесте. В конце жизни он шутил: «Говорят, что сигары негативно влияют на взаимоотношения с женщинами. Это полная чушь! Старость влияет гораздо *хуже».*

По дороге на Кубу Черчилль посетил Соединенные Штаты. Позднее он говорил брату Джеку: «Америка – великая страна, где практичность ставится во главу угла, заменяя американцам романтику и красоту. Они больше напоминают огромного здорового парня, презирающего твои сокровенные чувства, возраст и традиции, но с таким непосредственным добродушием решающего свои практические проблемы, что им позавидуют более старые нации».

В октябре 1896 года Черчилль с полком отправился в индийский город Бангалор, где стал одним из лучших игроков сборной полка по поло. Мы-то все знаем Черчилля в основном по портретам периода Второй мировой войны как толстяка-увальня, и нам трудно вообразить, что в молодые годы он был очень неплохим спортсменом. Ведь спорт тогда был занятием аристократов.

Служба в индийской глуши Черчиллю вскоре наскучила. Он рвался в бой. Осенью 1897 года Уинстон добился отправки в экспедиционный корпус, подавлявший восстания пуштунских племен в горной области Малаканд, на северо-западе страны. Здесь ему пришлось впервые повоевать по-настоящему. В первом же бою в Мамундской долине 16 сентября 1897 года Уинстон убил или ранил четверых неприятелей. Черчилль воевал храбро, но саму войну с пуштунами считал бессмысленной. Своей бабушке, герцогине Мальборо, он писал: «Люди племен пытают раненых и уродуют убитых. Наши солдаты никогда не оставляют в живых пленных, независимо от того, ранены те или нет. Полевые госпитали и конвои с больными особенно

привлекательны для врага в качестве целей для нападения, мы разрушаем резервуары, которые являются единственным источником воды летом, и применяем против них пули – новые пули «Дум-дум»… разрушительный эффект которых просто ужасен… Это разорительно финансово, безнравственно морально, сомнительно с военной точки зрения и является грубым политическим промахом». В письме одному из своих боевых товарищей Уинстон рассказал, как пехотинцы сикхского полка бросили раненого повстанца в печь для мусора и сожгли его заживо.

По окончании экспедиции Черчилль опубликовал книгу «История Малакандского полевого корпуса». Там он писал: «По всей афганской границе каждый дом превратился в крепость, каждая деревня – в фортификацию. Каждый житель с самых ранних лет, когда он уже достаточно силен, чтобы бросить камень и до последнего вздоха, пока у него есть силы нажать на курок, превратился в солдата». И сразу же стал хлопотать о новой командировке, на этот раз в Судан, для освещения подавления махдистского восстания. Его назначили на сверхштатную должность лейтенанта, специально оговорив, что в случае гибели или тяжелого ранения Черчилль или его семья не сможет рассчитывать на страховые выплаты из армейских страховых фондов. Уинстон участвовал в решающем сражении при Омдурмане, в том числе и в последней атаке британской кавалерии в конном строю. Черчилль так описал ее в книге о Суданской кампании «Война на реке», ставшей бестселлером: «Дервиши сражались самоотверженно – резали лошадям жилки, рубили поводья и стремянные ремни. Они расстреливали наших солдат в упор, закидывали острыми копьями, выпавших из седла безжалостно рубили мечами, пока те не переставали подавать признаков жизни… Я перешел на рысь и поскакал к отдельно стоящим неприятелям, стреляя им в лицо из пистолета, и убил нескольких – троих наверняка, двоих – с большой долей сомнения и еще одного – весьма сомнительно». Поскольку потери суданцев («дервишей», как называли последователей Махди, чьи останки англичане и египтяне после победы выбросили в Нил, а череп доставили в Каир) в том бою составили лишь 23 убитых, Черчилль, по всей видимости, несколько преувеличил свои успехи. Всего в битве при Омдурмане англо-египетские войска (8 тыс. британцев и 18 тыс. египтян, имевших 50 современных орудий и 80 пулеметов) потеряли 48 убитыми и 428 ранеными. Потери суданцев, которых будто бы насчитывалось 60 тыс. человек, никто толком не считал. В отчете Китченера говорилось о 5 тыс. пленных (что, вероятно, близко к истине) и 9,7 тыс.

убитых и 25 тыс. раненых (потери убитыми и ранеными, скорее всего, значительно преувеличены).

Эту же атаку Черчилль рассматривал как философское отражение сути жизни: «С некоторой точки зрения кавалерийская атака очень похожа на обычную жизнь. Пока вы в порядке, твердо держитесь в седле и хорошо вооружены, враги далеко вас обходят. Но стоит вам потерять стремя, лишиться узды, выронить оружие или получить ранение – самому или лошади, – и тут же со всех сторон на вас ринутся враги».

Черчилль критиковал главнокомандующего генерала Китченера за жестокое отношение к пленным и неуважение к мусульманским обычаям. Он утверждал: «Китченер – великий полководец, но его трудно обвинить в том, что он – великий джентльмен». Подобное вопиющее нарушение субординации никаких негативных последствий для молодого лейтенанта не имела. После возвращения из Судана Черчилль вышел в отставку, собираясь начать политическую карьеру в рядах консервативной партии.

В то же время в письме матери Черчилль пытался дать рациональные объяснения своей храбрости: «Быть все время на виду, блистать, обращать на себя внимание, так надо вести себя, чтобы стать героем в глазах публики, в этом залог успешной политической карьеры. Однажды я проскакал на своей серой лошадке по самой линии огня, тогда как все спрятались в укрытие. Может, это и глупо, но ставки велики, тем более когда у тебя есть зрители. Если на тебя никто не смотрит, то и храбрость ни к чему».

Но скорее Уинстону просто с юных лет было присуще бесстрашие. И никакими рациональными мотивами отвагу Черчилля не объяснишь. Ведь какой смысл пытаться заслужить похвалу от генералов за храбрость и в то же время открыто их критиковать, что никак не способствовало карьере.

Уже в период Второй мировой войны, весной 1943 года, лайнер «Куин Мэри», на борту которого Черчилль пересекал Атлантический океан, вошел в опасную зону активности немецких подлодок. Узнав об этом, Черчилль заявил сопровождавшему его американскому послу Авереллу Гарриману, что если корабль потопят, он прикажет установить пулемет на своей спасательной шлюпке, и добавил: «В плен они меня не возьмут. Самая достойная смерть – это смерть в пылу сражения с врагом!»

Англо-бурская война заставила Черчилля вновь вернуться к профессии военного корреспондента, непосредственно участвующего в боевых действиях.

15 октября 1899 года он отправился в Южную Африку корреспондентом «Морнинг Пост» с месячным жалованьем 250 фунтов в год. Один из корреспондентов, работавших в Южной Африке, вспоминал: «Уинстон просто удивительный человек. Он не питает ни малейшего почтения к старшим по званию и положению, разговаривая с ними, словно со своими сверстниками. Он одинок и держится с излишней самоуверенностью, недоступной другим. Я еще ни разу не встречал столь амбициозного, храброго и открыто эгоистичного типа». Из Кейптауна Уинстон писал матери: «Мы недооценили военную силу и дух буров, и я сильно сомневаюсь, что одного армейского корпуса будет достаточно, чтобы сломить сопротивление. Так или иначе, нам предстоит жестокое, кровавое сражение, в котором мы, скорее всего, потеряем десять или двенадцать тысяч человек. Я же верю, что буду сохранен для будущих событий». Первоначально Черчилль хотел попасть в осажденный бурами Ледисмит и предлагал 200 фунтов тому, кто сможет провести его сквозь неприятельские позиции, но проводников так и не нашлось. Уже 15 ноября Черчилль отправился на бронепоезде в рейд в районе Эсткорта. Вскоре бронепоезд был обстрелян артиллерией буров. Двигаясь задним ходом, состав врезался в валуны, которыми буры перегородили путь. Ремонтная платформа и два броневагона сошли с рельсов, а единственное орудие ставшего неподвижным бронепоезда было выведено из строя прямым попаданием. Черчилль командовал расчисткой пути. Он бесстрашно вел себя под огнем, но когда путь был расчищен, выяснилось, что сцепка оставшегося на рельсах вагона перебита снарядом. Тяжелораненых погрузили на паровоз и отправили в тыл. Когда паровоз оторвался от неприятеля, Черчилль спрыгнул и присоединился к 50 оставшимся британским солдатам, вместе с которыми и был взят в плен. Он объяснил, что не мог бросить их на произвол судьбы. Их поместили в лагерь военнопленных в Претории. Капитан Энтони Уэлдон впоследствии утверждал: «Я беседовал с машинистом поезда и путевым рабочим, они сходятся во мнении, что никто не вел себя отважнее и хладнокровнее, чем мистер Черчилль». А другой капитан Джеймс Вили, принимавший участие в расчистке путей, полагал: «Уинстон очень храбрый малый, хотя и без царя в голове». Черчилль был легко ранен и взят в плен бурским генералом Луисом Ботой, с которым они позднее стали друзьями.

Уже 12 декабря Черчилль бежал из плена. За его поимку буры назначили награду в 25 фунтов. Они выпустили следующее объявление: «Разыскивается Уинстон Черчилль, британский

подданный, возраст 25 лет, рост 5 фугов 8 дюймов (173 см) (это, кстати, опровергает широко распространенное мнение, что Черчилль был низкого роста. – *Б. Б.),* без особых примет, ходит с высоко поднятой головой. Кожа бледная, волосы рыжеватые, носит короткие усы. Говорит в нос, слегка шепелявит. Не владеет языком африкаанс, одет в коричневый пиджак, находится в бегах…» К счастью, по такому неконкретному описанию найти человека было трудно, тем более что и усы, и коричневые пиджаки носили многие местные жители.

Два других участника побега – командир бронепоезда лейтенант Холдейн, бывший сослуживец Уинстона по кампании в Мапаканде, и главный сержант Бруки были схвачены охраной при попытке перелезть через стену. Черчилль так и не дождался их в кустах на противоположной стороне стены. Впоследствии его обвиняли, будто он бросил товарищей, но доказательств этому не было, а в 1912 году Черчилль вынудил журнал «Блэквуде Мэгазин» напечатать опровержение и принести извинения за подобные утверждения. На товарном поезде он добрался до Уитбанка, где горный инженер англичанин Даниэл Девснап несколько дней прятал его в шахте, а затем помог тайно переправиться на поезде через линию фронта. Ходили также слухи, будто Черчилль бежал, переодевшись в женское платье. В действительности он был одет в полевую форму и имел в карманах 7 5 фунтов денег и 4 плитки шоколада.

После тридцати часов скитаний голодному Черчиллю необычайно повезло. Он постучался в единственный дом на 20 миль в округе, принадлежащий англичанину – Джону Ховарду, управляющему трансваальскими шахтами. Он, будучи гражданином Трансвааля, тем не менее отказался воевать против соотечественников, но, как ценного специалиста, буры его не трогали. Несколько дней Ховард прятал Черчилля в заброшенных шахтах, где тот коротал время за чтением романа Стивенсона «Похищенный», а потом в товарном вагоне переправил его, уже в другом пиджаке, на территорию португальского Мозамбика, откуда беглец уже беспрепятственно прибыл в Дурбан.

После побега Черчилль получил должность лейтенанта легкой кавалерии без жалованья, оставшись специальным корреспондентом «Морнинг Пост».

Когда ему советовали побыстрее вернуться в Англию, он отвечал: «Не волнуйтесь! У меня твердое предчувствие, что я создан для чего-то большего и меня хранит Бог». Уинстон участвовал во многих боях и в деблокаде гарнизона Ледисмита. За мужество, проявленное в ходе сражения при горе Спионкоп 24 января 1900 года, его представили к Кресту Виктории, но

поскольку он сразу после этого боя ушел в отставку, ходу этому представлению не дали. В бою при горе Спионкоп англичане потеряли 1733 убитыми и ранеными, а у Черчилля в очередной раз оказалась прострелена шляпа.

Став депутатом парламента, Черчилль свою первую речь там 18 февраля 1901 года посвятил проблеме мирного урегулирования в Южной Африке, призвав проявить милосердие к побежденным бурам и «помочь им смириться с поражением». Он заявил: «Будь я буром, надеюсь, что я сражался бы на поле брани».

Последний раз непосредственно на поле боя Черчилль оказался в Первую мировую войну. 3 октября 1914 года Черчилль прибыл в Антверпен и лично возглавил оборону города, который бельгийское правительство предлагало сдать немцам. Порт Антверпен, окруженный поясом укреплений, обороняла бельгийская армия, и Черчилль предложил срочно направить туда британские войска, командование которыми он готов взять на себя, чтобы не отдать порт противнику и обеспечить защиту остальных портов Северного моря – от Остенде до Кале. Он привлек к обороне кадровую бригаду морской пехоты и две военно-морские бригады, только что сформированные из моряков, плохо экипированные и слабо подготовленные к сухопутным боям. Вместе с другими молодыми офицерами первого лорда сопровождали поэт Руперт Брук и сын премьер-министра Раймонд Асквит, и оба они вскоре были убиты.

Во время обстрелов Черчилль невозмутимо разгуливал под пулями, несмотря на беспокойство своего помощника-адмирала. Черчилль отправил телеграмму в Лондон, в которой сообщал о своей готовности оставить адмиралтейство, чтобы на месте руководить британской армией. Разрешение ему не было дано. Антверпен пал 10 октября, причем погибло 2500 британских и бельгийских солдат. Черчилля обвиняли в неоправданной трате ресурсов и жизней, хотя многие отмечали, что оборона Антверпена помогла англичанам удержать Кале и Дюнкерк.

В ноябре 1915 года Черчилль ушел из правительства и отправился на Западный фронт, в звании подполковника, приняв командование 6-м батальоном Шотландских Королевских фузилеров, и оставался на этом посту вплоть до мая 1916 года. Он не боялся лезть под пули, заявляя окружающим: «Глупо укрываться от той пули, которая уже просвистела. Раз она вас не задела, значит, она предназначена не вам». Черчилль был гуманным и заботливым командиром и снискал любовь и уважение подчиненных, которые искренне сожалели, когда он их покинул.

Когда в сентябре 1911 года Черчилль был назначен военно-морским министром, он провел масштабные реформы на флоте, добившись его перевода с угля на нефть и поощряя строительство новых суперлинкоров класса «супердредноут», повысив главный калибр их орудий до 15 дюймов. Он отменил телесные наказания, поднял жалованье матросам и открыл им путь для производства в офицеры, а также сделал воскресенье выходным днем. Чтобы гарантировать поставки нефти, Черчилль убедил правительство установить финансовый контроль над Англо-персидской нефтяной компанией, вложив в нее 2 млн фунтов стерлингов, и добился одобрения этой сделки парламентом. Он следующим образом характеризовал различия между ролью военного флота для Англии и для Германии: «Для Англии флот – жизненная необходимость, а для Германии – предмет роскоши и орудие экспансии. Как бы силен ни был наш флот, он не страшен самой маленькой деревушке на Европейском континенте. Но надежды нашего народа и нашей империи, и все наши ценности, накопленные за века жертв и подвигов, погибли бы, окажись под угрозой господство Англии на море. Только британский флот делает Соединенное Королевство великой державой. Германия же была великой державой, с которой считался и которую уважал весь цивилизованный мир, еще до того, как у нее появился первый военный корабль».

Черчилль был всегда сторонником научно-технического прогресса в военном деле. В качестве председателя «Комиссии по сухопутным кораблям» (Landships Committee) Черчилль принял участие в разработке первых танков и создании танковых войск. Весной 1917 года он говорил: «Машины могут заменить людей… Различные механизмы способны сделать человека сильнее, служить опорой венцу творения». Танки должны были уменьшить потери и стать главным средством для обеспечения прорыва германского фронта на Западе. И в «черный день» германской армии, 8 августа 1918 года, Черчилль присутствовал при танковой атаке союзников, которая привела к прорыву германского фронта. В годы Второй мировой войны он также был инициатором разработки и внедрения новых видов вооружений, в частности радара и ядерного проекта. Только в конце жизни Черчилль осознал, что прогресс науки грозит человечеству самоуничтожением. Особенно укрепило его в этом мнении появление ядерных и водородных бомб, к чему он имел самое непосредственное отношение. Своему другу Максу Бивербруку он признавался: «Если честно, то я теперь жалею, что человечество все-таки научилось летать». Вопреки мифам, распространявшимся советскими пропагандистами, Черчилль отнюдь не был

воинственным империалистом и не стремился сокрушить Советский Союз. В период своего второго премьерства в первой половине 50-х годов он стремился если не прекратить, то смягчить «холодную войну», предотвратить военную конфронтацию между США и СССР, сознавая ее разрушительные последствия. Уинстон, безусловно, был за сдерживание коммунизма, но не за его отбрасывание ценой мирового термоядерного конфликта. Он предупреждал: «Мы живем в эпоху, когда в любой момент Лондон со всем населением можно стереть с лица Земли за одну ночь». И еще он утверждал, что «лучше покончить с войной, чем с человечеством». С Черчиллем здесь трудно не согласиться.

Черчилль и авиация

В свою бытность первым лордом Адмиралтейства в 1911–1915 годах Черчилль стал отцом военно-морской авиации, которая уже во Вторую мировую войну благодаря появлению авианосцев стала играть решающую роль в боевых действиях на море. Он сам поднялся в воздух в качестве пассажира, а потом заявил: «Сейчас самолеты хрупки и ломки, но, поверьте мне, настанет день, когда они, сделавшись надежными, будут представлять огромную ценность для нашей страны». Его любовь к Королевским ВВС отразилась в том, что в годы Второй мировой войны Черчилль чаще всего щеголял в мундире высокопоставленного офицера авиации. Широко распространено заблуждение, что на встречах Большой тройки Черчилль красовался в форме маршала авиации, хотя иной раз появлялся на публике в адмиральском мундире, равно как и в мундире армейского генерала. На самом деле Черчилль имел звание почетного командора ВВС (Hon. Air Commodore), что позволяло ему носить авиационный мундир, но отнюдь не маршальский, который он, естественно, никогда не надевал. Черчилль имел также звание полковника 4-го гусарского полка, пожалованное ему в 1941 году, а также старшего брата Дома Тринити (корпорации, занимающейся обеспечением безопасности мореплавания, подготовкой и социальным обеспечением моряков), мундир которого был похож на адмиральский. Самозваным маршалом авиации или адмиралом Черчилль никогда не был.

В 1912–1913 годах Черчилль с энтузиазмом брал уроки пилотирования, совершая до десяти вылетов в сутки. Летал он и на дирижаблях. Потом он восторженно говорил жене: «Это удивительное транспортное средство. Им так легко управлять, что мне даже в течение целого часа разрешили побыть первым пилотом». Впрочем, настоящим асом Уинстон так и не стал. Пилотировал он самолет довольно уверенно, но с взлетом и посадкой все время возникали проблемы. Черчиллю мешали замедленная реакция и излишняя эмоциональность. Для пилота он был недостаточно хладнокровен. Будущий британский премьер одним из первых оценил боевой потенциал авиации, предложив установить на самолетах пулеметы, торпеды и приспособления для сбрасывания бомб. Ему также еще до начала Первой мировой войны пришла в голову идея создания авианосцев. Не случайно первый авианосец в мире был построен в Англии. Черчилль также стал инициатором создания самолета,

способного взлетать с водной поверхности и садиться на нее, и он же придумал название этой машины – «гидросамолет».

После нескольких авиакатастроф, происшедших с его друзьями-пилотами, Клементина безуспешно пыталась убедить Уинстона поменьше летать: «Заклинаю тебя, не поднимайся в воздух этим утром – обещали сильный ветер, и вообще сегодня не самый удачный день для воздухоплавания».

– Тебе не о чем беспокоиться, – успокоил супругу Черчилль. – На аэродроме одновременно взлетают по двадцать самолетов, и тысячи вылетов обходятся без единого несчастного случая».

Но тут же добавил: «Ты так хорошо меня знаешь. С помощью своей интуиции ты видишь все мои достоинства и недостатки. Иногда мне кажется, что я способен завоевать целый мир, но я тут же понимаю, что я не более чем тщеславный дурак… Твоя любовь ко мне – самое великое счастье, выпавшее на мою долю. Ничто в этом мире не может изменить мою привязанность к тебе. Я хочу стать лишь еще более достойным тебя».

Он продолжал полеты почти до самого начала Первой мировой войны, совершил 140 вылетов и готовился сдать экзамен на самостоятельное пилотирование. Клементина как раз ждала третьего ребенка, и он не хотел, чтобы она нервничала из-за его полетов. Главное же, с началом Первой мировой войны военно-морскому лорду Черчиллю стало не до пилотирования.

Но после окончания войны, когда либеральная партия победит на выборах, Черчилль станет военным министром и по совместительству министром авиации и решит завершить свою летную подготовку и сдать экзамен. 18 июля 1919 года он вместе со своим инструктором, асом Первой мировой войны полковником Джеком Скоттом попал в аварию. Когда Уинстон стал поднимать самолет в воздух, на высоте около 20–25 метров машина вдруг начала резко терять скорость. Скотт взял управление на себя, но тщетно – самолет перешел в свободное падение. К счастью, он не успел набрать высоту, а Скотт перед самым падением успел отключить мотор, что предотвратило возгорание. Черчилль вспоминал: «Я увидел под собой залитый солнцем аэродром и успел подумать, что у солнечных бликов какой-то зловещий оттенок. И тут я понял, что это Смерть». Но Уинстону, как всегда, повезло. От удара о землю его выбросило из кабины, но все ограничилось легкой контузией и несколькими ссадинами на лице. Скотт же получил более серьезные повреждения. После этого инцидента Черчилль внял наконец слезным просьбам жены и других своих родных и навсегда завязал с пилотированием. Но авиация навсегда останется его любовью. В 30-е годы он будет ратовать за создание эффективной

системы ПВО, станет одним из инициаторов разработки радаров. Уже во время Второй мировой войны Черчилль предложил разбрасывать алюминиевую фольгу, чтобы радарные станции противника не могли распознать самолеты, поскольку фольга оставляла на экране примерно такой же след, как и летящий строй самолетов. Он также изобрел навигационный прибор, позволяющий пилотировать машину в условиях плохой видимости. И он по-прежнему много летал, но теперь уже в качестве пассажира. Американский генерал Дуглас Макартур уже после войны заметил, что Черчилль, более чем кто-либо иной, достоин Креста Виктории, высшей военной награды Британской империи, вручаемого за героизм, проявленный в боевой обстановке, поскольку «пролететь десятки тысяч миль над неприятельской территорией – это дело юных пилотов, а не убеленного сединами государственного мужа». Победитель Японии здесь имел в виду, что Черчилль проявил мужество, далеко выходящее за пределы его служебных обязанностей, тогда как для летчиков ежедневно бомбить врага – это обычная боевая работа. Награждать же Крестом Виктории и другими высшими военными наградами следует за подвиги, которые не требует сам по себе служебный долг героев.

Дарданелльский провал

В бытность первым лордом Адмиралтейства Черчилль в конце 1914-го и в начале 1915 года был горячим сторонником проведения Дарданелльской операции – захвата Черноморских проливов и Стамбула (Константинополя), что, по его мнению, привело бы к капитуляции Османской империи и открыло бы путь для прямых поставок вооружений и военных материалов в Россию через Средиземное и Черное моря. Вместо того чтобы, по его выражению, «жевать колючую проволоку» и жертвовать десятками тысяч жизней на Западном фронте, Черчилль предлагал использовать преимущество британского флота и обойти с фланга Центральные державы. Можно было попытаться сокрушить их самое слабое звено – Турцию. Таким образом, Дарданелльская операция задумывалась как операция по оказанию помощи России, призванная обеспечить ее способность продолжать затяжную войну. Да и предпринималась она в ответ на просьбу из Петербурга. В советской же, равно как и в позднейшей российской историографии утвердилось мнение, что Дарданелльская операция была направлена против России, поскольку призвана была отнять у нее главную добычу в будущей войне – Константинополь и Проливы.

Черчилль сперва наивно думал, что для падения Константинополя хватит чисто морской операции с небольшим десантом морской пехоты, но эксперты убедили его, что без высадки значительных сухопутных сил не обойтись. Однако операция готовилась в большой спешке и в условиях, когда английское и французское командования стремились минимизировать численность войск, снимаемых с Западного фронта.

Британцы недооценили оборонительные возможности турок, которым помогали германские советники и германские корабли – линейный крейсер «Гебен» и крейсер «Бреслау», а главное, недооценили минную опасность. Вообще, будущий театр боевых действий был практически не разведан. Только 13 января 1915 года было принято решение о проведении Дарданелльской операции. Первоначально рассчитывали обойтись небольшим десантом морской пехоты. Уже 18 марта англо-французская эскадра подавила турецкие форты и вошла в Мраморное море, но потеряла на минах четыре броненосца. Еще два броненосца были повреждены.

Пришлось разрабатывать масштабную десантную операцию, которая последовала 25 апреля. В первой волне на полуостров

Галлиполи должны были высадиться 12 тыс. пехотинцев. Из них более 3 тыс. оказались убиты или ранены. Начались затяжные бои, ряды франко-британского экспедиционного корпуса редели от болезней. Уже 17 мая Черчилля убрали из Адмиралтейства, назначив на малозначительный министерский пост канцлера Ланкастерского герцогства.

Имела ли Дарданелльская операция шансы на успех и могла ли она решающим образом повлиять на ход Первой мировой войны? Думаю, что на оба вопроса можно ответить положительно, оговорившись, что создать условия для ее успеха в конкретных обстоятельствах весны 1915 года было очень трудно. Цель вывода из войны Турции, сохранения фронта против Австро-Венгрии на Балканах и широких поставок в Россию через Проливы была вполне достижима. Турция и турецкие войска были внутренне слабы, а германских войск на территории Оттоманской империи тогда еще не было. Но слабость турок сыграла с союзным командованием и, в частности, с Черчиллем, злую шутку. Понадеялись закидать турок шапками. Между тем все шансы на успех у Дарданелльской операции были, но только при условии, если бы она была тщательно подготовлена и проводилась с использованием достаточных сил и средств. Следовало сразу же высаживать на Галлиполи мощный десант, а союзный флот оснастить необходимым числом тральщиков. На практике же происходило очень постепенное наращивание численности десанта, что давало время туркам как следует подготовиться к отражению атак на Константинополь.

Тут самое время задать вопрос: а был ли Черчилль полководцем. На него можно ответить так. Если бы Уинстон продолжил службу в армии и она складывалась бы в высшей степени успешно, возможно, полководцем он бы стал. Для этого ему надо было бы непременно дослужиться до генеральского звания, а затем получить под свое командование как минимум армию. Это могло произойти если не в Первой, то во Второй мировой войне. И тогда среди победителей Гитлера и Муссолини вполне мог оказаться и фельдмаршал (или главный маршал авиации, памятуя о любви нашего героя к авиации) Уинстон Черчилль. В этом случае, постепенно делая военную карьеру, Черчилль был бы в курсе многих тактических деталей, равно как и проблем снабжения и тылового обеспечения, без чего трудно надеяться на успех операций. Трудно сказать, повезло бы Черчиллю на военной службе. Подобно Бонапарту, прыгнуть из лейтенантов в генералы и полководцы он не мог. В британской армии конца XIX – начала XX века довольно строго соблюдался принцип старшинства в чинах и выслуги лет. Помочь карьере

могла главным образом протекция со стороны влиятельных военных или политиков. Положим, связи у семейства Черчиллей были, но за время службы Уинстона никаких карьерных взлетов не наблюдалось. Вероятно, если бы он продолжал служить, то окончил бы карьеру полковником или бригадным генералом и командовал бы в лучшем случае дивизией, что для настоящего полководца слишком мало. Кстати сказать, когда Черчилль отправился на Западный фронт после ухода из правительства, была идея присвоения ему звания бригадного генерала, что дало бы ему некоторые возможности для проявления полководческого таланта. Однако производству Черчилля в генералы категорически воспротивился тогдашний командующий британскими экспедиционными силами во Франции и Бельгии генерал Дуглас Хейг. Наверное, и к лучшему. Черчилль все-таки был прав, выбрав политическую карьеру. Политика влекла его больше всего на свете. И, возможно, только Черчилль мог привести Англию к победе во Второй мировой войне. Но привести именно как политик, а не полководец. Черчилль всегда был хорошим стратегом, но, для того чтобы сделаться настоящим полководцем, ему не хватало внимания к чисто тактическим вопросам ведения боевых действий.

Что же касается Дарданелльской операции, то в случае ее успеха картина войны могла бы радикально измениться. После капитуляции Турции Сербия и Черногория вполне могли бы с помощью англо-французских войск удерживать фронт против Австро-Венгрии. Болгария в этом случае наверняка не выступила бы на стороне Центральных держав, как это она в действительности сделала, когда стал ясен неуспех Дарданелльской операции, а либо сохранила бы нейтралитет, либо присоединилась бы к Антанте. Также к Антанте уже в 1915 году присоединилась бы Румыния. В Россию бы весной 1915 года потек широкий поток военных грузов, а русские войска, освободившиеся на Кавказском фронте, укрепили бы фронты против Австро-Венгрии и Германии. В результате поражение русской армии весной – осенью 1915 года было бы гораздо менее серьезным, и они остановились бы западнее тех рубежей, на которых в действительности оказались. В результате у Антанты были бы все шансы заставить Германию и Австро-Венгрию капитулировать уже к концу 1916 года. Тогда не было бы ни революции в России, ни Второй мировой войны, по крайней мере, в том виде, в каком она была в действительности.

В реальности же было совсем другое. В ноябре 1915 года франко-британские войска, так и не сумев захватить Стамбул, были эвакуированы с Галлиполийского полуострова. Эвакуация

завершилась 8 декабря. При этом только британские потери составили 47 тыс. убитых, раненых и пленных. Позднее, в мемуарах «Мировой кризис», Черчилль утверждал, что во время войны генералы и адмиралы почти всегда ошибались, тогда как гражданские политики почти всегда действовали правильно. Но объективный анализ Дарданелльской операции приводит к выводу, что ошибки в равной мере совершали и те, и другие. Черчилль говорил первому морскому лорду Фишеру: Я никогда ни в каких интригах не участвовал. За все, чего я в жизни добился, мне пришлось бороться. И тем не менее нет человека, которого у нас ненавидели бы так, как меня».

Черчилль – масон

В 1871 году отец Уинстона лорд Рэндольф Черчилль вместе со своим старшим братом Джорджем Спенсером-Черчиллем стеши членами масонской ложи. Также масоном 7 мая 1894 года стал двоюродный брат Черчилля Чарльз Ричард Джон Спенсер-Черчилль. 24 мая 1901 года Уинстон последовал по стопам отца, дяди и брата и был принят в состав ложи Стадхолм № 1591 в Лондоне. 19 июля 1901 года Черчилль получил вторую масонскую степень, а 5 марта 1902 года стал полным мастером. Замечу, что среди его предков были довольно видные масоны. Так, лорд Генри Джон Спенсер-Черчилль, 4-й сын 5-го герцога Мальборо, в 1835 году стал заместителем Великого Мастера Англии. Но Уинстон относился к масонству без большого энтузиазма и не поднялся выше статуса мастера и в октябре 1912 года навсегда оставил ложу в связи с назначением первым лордом Адмиралтейства, хотя и не перестал формально быть масоном. По свидетельству коллег по ложе, Черчилль не принимал сколько-нибудь активного участия в ее жизни. Нет никаких сведений, что масонство оказало хоть какое-нибудь влияние на мировоззрение Черчилля или на его политическую карьеру. Он стал масоном, следуя семейной традиции и светской моде конца XIX – начала XX века. Впрочем, 4 января 1918 года подписал петицию в числе 95 масонов – сотрудников министерства вооружений с просьбой разрешить свою ложу в министерстве, поскольку многие масоны из колоний, а также из других городов Англии в Лондоне оказались оторваны от своих лож. Но разрешение тогда не было получено. А в октябре 1943 года масоны Белфаста просили у Черчилля разрешение назвать новую ложу его именем, но получили отказ на том основании, что из-за занятости премьер не сможет участвовать в деятельности ложи, поэтому неудобно называть ее его именем.

Помимо масонской ложи Черчилль был членом еще нескольких масоноподобных обществ. В ноябре 1904 года он стал почетным членом Хауторнской ложи ордена древних свободных садовников, в апреле 1907 года он стал членом ложи «Преданных Ватерлоо» ордена чудаков в Манчестере, а в сентябре 1908 года в Оксфорде – членом ложи Альбиона Древнего ордена друидов. Вероятно, во все эти общества Черчилля вела тяга к романтике, но сколько-нибудь активно деятельностью в их рядах он не занимался, поскольку все его время поглощала государственная, политическая и литературная деятельность. Назвать все эти общества тайными язык не поворачивается. И масонские, и

другие общества в Англии в начале XX века действовали практически открыто, издавали литературу и журналы и не боялись внимания ни полиции, ни британского общества. Но по старой традиции некоторые сторонники теории всемирного «масонского заговора» нередко записывают Черчилля в одного из творцов этого заговора. Хотя, кажется, еще никому в голову не приходило говорить о мировом «друидском заговоре».

Из всех христианских конфессий Черчилль отдавал предпочтение англиканской церкви. Он высоко ценил ее открытость и дух терпимости, утверждая: «Ее заслуга в том, что она всегда принимала, а не отвергала разнообразие религиозных верований и воззрений». Черчилль отрицательно относился к католицизму, называя его «восхитительным наркотиком, который облегчает страдания и прогоняет прочь тревогу, но тормозит развитие и лишает человека силы». В англиканской церкви Уинстону нравилось отсутствие догматизма и наличие разумных начал.

Вопреки распространенному мнению Черчилль не был атеистом, хотя в юности не миновал увлечения атеистическими идеями. В 1898 году он писал матери: «Я не приемлю ни христианской, ни какой-либо другой формы религиозных верований» и «надеюсь, что смерть положит конец всему, я материалист до кончиков ногтей». Но военный опыт постепенно излечил Черчилля от атеизма. Его сын Рэндольф вспоминал, что неоднократно слышал, как отец задавался вопросом о цели бытия. В 1916 году боевой товарищ Черчилля капитан Спирс записал в дневнике беседу с ним. Дело происходило во Франции, где Черчилль командовал батальоном. Выяснилось, что он верит, что дух человека продолжает жить и после его смерти. Черчилль верил, что призван Небом и ниспослан Судьбой для блага и спасения Англии, Британской империи и всего мира.

Любовные романы Черчилля

Черчилль определенно не был донжуаном. За почти полвека, прошедших с момента его смерти, не появилось каких-либо мемуаров или документов, позволяющих уличить его в адюльтере. Добрачные же любовные увлечения Уинстона были хорошо известны еще при его жизни, причем до сих пор нельзя с уверенностью сказать, имели ли они чисто платонический характер, или там было что-то более серьезное.

Черчилль не обращал особого внимания на женщин, поскольку был сосредоточен на своем великом предназначении, которое видел в занятиях политикой. А о симпатичных женщинах он говорил: «Возможно, она и красива для вас, но только не для меня». Среди женщин он чувствовал себя неловко, и остроумием блистал лишь в мужской компании. К тому же в молодости он не был любителем танцев. Природный эгоизм также не способствовал привлечению женских симпатий. Черчилль привык подавлять собеседника, подчинять его своей воле, а это не могло способствовать его успеху у прекрасного пола, к которому Черчилль, к слову сказать, никогда не стремился. Уинстон говорил: Я туп и неуклюж в женском вопросе, поэтому мне приходится быть самодостаточным». В отношениях с женщинами у Черчилля романтизм сочетался с неуклюжестью, из-за чего он нередко выглядел смешным в глазах предмета своего обожания, да и всего высшего света.

В ноябре 1896 года Черчилль на турнире по поло в Секундерабаде встретился с дочерью британского резидента в Хайдарабаде Памелой Плоуден. Он радостно сообщил матери: «Она самая прекрасная девушка, какую я когда-либо видел! Она очень умна и красива! Мы собираемся вместе отправиться в Хайдарабад верхом на слоне!» Но во время поездки и последующих встреч дальше поцелуев дело не пошло, и любовь быстро переросла в дружбу, продолжавшуюся вплоть до смерти Уинстона. Летом 1902 года Памела вышла замуж за графа Виктора Литтона. Черчилль признавался, что «Памела единственная женщина, с которой я смог бы прожить долгую и счастливую жизнь». Именно ей принадлежит следующая афористичная характеристика Черчилля: «Первый раз, когда вы встречаете Уинстона, вы видите все его недостатки, и только в течение всей оставшейся жизни вы начинаете открывать его достоинства». В письмах к ней Черчилль утверждал: «Я способен любить. К тому же мои чувства постоянны и не подвержены переменчивым любовным капризам, навеянным сиюминутным

увлечением. Моя любовь глубока и сильна. Ничто не сможет ее изменить».

Нет никаких свидетельств, что какой-либо из мимолетных романов Черчилля до женитьбы вышел из платонической стадии. После мисс Плоуден Черчилль сватался к Мюриэль Уилсон, дочери очень богатого судовладельца, что было немаловажно для Уинстона, почти не имевшего собственных средств, но живущего по принципу: «Если расходы превысили доходы – поступления должны быть увеличены». Он предложил ей руку и сердце, но получил отказ. То ли Мюриэль не понравился эгоизм жениха, то ли она рассчитывала на более выгодную партию. Но друзьями они остались.

Следующий отказ Уинстон получил от американской актрисы Этель Бэрримор, которая, по ее собственному признанию, «никогда не считала себя способной к нормальному существованию в мире большой политики».

Наконец летом 1904 года во время одного из светских приемов наш герой познакомился с 19-летней Клементиной Огилви Хозье, дочерью полковника сэра Генри Монтагю Хозье и леди Бланч, старшей дочери десятого графа Д'Эйрли. Для обоих это оказалась любовь на всю жизнь, хотя первоначально они не произвели особенного впечатления друг на друга. А вот насчет того, что полковник Хозье действительно был отцом Клементины, существовали серьезные сомнения. Дело в том, что к моменту развода супругов Хозье в 1891 году леди Бланч имела уже девять известных любовников. Она призналась, что родила Клементину и ее старшую сестру Кити от капитана 12-го уланского полка Джорджа Миддлтона, который погиб в 1892 году в возрасте 46 лет, упав с лошади. Полковник Хозье от Клементины и Кити отрекся и лишил жену содержания. Некоторые исследователи выдвигают другую кандидатуру настоящего отца Клементины – дипломата Бертрама Мит-форда, работавшего в британских посольствах в России, Японии и Китае. Митфорд прожил долгую жизнь и умер в 1916 году в возрасте 79 лет. Известный лейбористский политик Рой Дженкинс был прав, когда утверждал: «Удивительно, как Уинстон и Клементина, будучи оба отпрысками ветреных дам, создали один из самых знаменитых в истории брачных союзов, прославившись как своим счастьем, так и своей верностью».

Как вспоминала Клементина, «Уинстон держался со мной слишком скованно. Он не только не решился пригласить меня потанцевать, но даже постеснялся проводить на ужин». Потом они не виделись целых четыре года. Новая встреча случилась только в марте 1908 года на приеме у леди Сент-Хелье, где Уинстон

присутствовал как заместитель министра по делам колоний. Сначала Черчилль не собирался быть на приеме, но вспомнил, что в свое время леди Сент-Хелье немало способствовала его устройству в суданскую экспедицию, и переменил свое решение. На этот раз Клементина оказалась соседкой Уинстона на банкете. Он спросил свою будущую жену, читала ли она его книгу «Лорд Рэндольф Черчилль», и, получив отрицательный ответ, обещал прислать книгу на следующий день. Но обещание так и не выполнил, чем очень расстроил Клементину. Однако на этот раз Черчилль действительно полюбил. В апреле по его просьбе мать пригласила к себе в арендуемый особняк в Солсбери Холл леди Бланч с дочерью. Теперь Уинстон признался Клементине если не в любви, то в растущей симпатии к ней: «Мне очень понравилась наша беседа в это воскресенье. Что за радость встретить такую умную и благородную молодую девушку. Я надеюсь, мы еще встретимся и узнаем друг друга получше. Я не вижу причин, почему бы нам не продолжить общаться».

4 августа 1908 года Уинстон после свадьбы своего брата Джека остановился загородном доме своего кузена капитана Фредерика Геста, где среди ночи из-за аварии отопительной системы возник пожар. Черчилль начал руководить эвакуацией из горящего дома ценных вещей еще до приезда пожарных и сам с риском для жизни спасал из огня бюсты и древние манускрипты. Клементине, находившейся тогда в Италии, он писал: «Пожар был великолепным развлечением, мы здорово повеселились. Жаль лишь, что подобное веселье обходится слишком дорого». Позднее Клемми узнала, что Уинстон чуть не погиб на пожаре, когда за его спиной обрушилась крыша. Задержись он на пару минут, мог бы погибнуть под обломками. Такая безрассудная храбрость девушке только понравилась, и она начала понимать, что Уинстон ей не безразличен. После возвращения из Италии она воспользовалась приглашением Черчилля посетить родовое поместье герцогов Мальборо Бленхейм. На третий день пребывания в поместье, когда они осматривали розарий, Уинстон преподнес Клементине «самое замечательное кольцо» с огромным красным рубином и двумя бриллиантами. Свадьбу назначили на середину сентября. Вечером Клементина нарисовала для жениха большое сердечко с надписью «Уинстон» внутри. В несколько оставшихся дней, что они жили в Бленхейме, влюбленные обменивались записочками примерно такого содержания: «Моя дорогая, как ты? Я шлю тебе мою лучшую любовь. Я только что встал, не желаешь прогуляться со мной после завтрака в розарии?

Всегда твой У.».

«Мой дорогой. Я в полном порядке и с огромным

удовольствием прогуляюсь с тобой в розарии.

Всегда твоя Клементина».

За год до свадьбы Уинстона и Клементины сэр Генри Хозье умер, и Черчилль просил у леди Бланч руки дочери. Он честно заявил: Я не богат и не слишком влиятелен, но я люблю вашу дочь, и это чувство достаточно сильно для того, чтобы взять на себя великую и священную ответственность за нее. Я смогу сделать ее счастливой, обеспечить ей положение в обществе, достойное ее красоты и добродетели». И будущая теща дала свое согласие. Она полагала, что «трудно сказать, кто из них влюблен больше. Зная характер Уинстона, думаю, что он. Весь мир слышал о его замечательных умственных способностях, но какой, оказывается, он очаровательный и любящий в частной жизни».

Влюбленные писали друг другу письма. Клемми признавалась: «И как я только жила все эти двадцать три года без тебя? Все, что произошло за пять последних месяцев, кажется мне каким-то прекрасным сном». Уинстон отвечал в том же духе: «У меня просто нет слов, чтобы передать тебе любовь и радость, которые переполняют меня, когда ты находишься рядом».

15 августа о предстоящей свадьбе было официально объявлено. Правда, в последний момент Клементина порывалась отменить свадьбу, возможно, опасаясь, что Уинстон слишком часто будет изменять ей с политикой. Но ее брат Билл убедил сестру, до этого трижды разрывавшей помолвки, не делать этого в четвертый раз.

Мюриэль Уилсон поздравила Уинстона с предстоящей свадьбой: «Я ужасно рада, что ты женишься. Я прекрасно знаю, как тебе порой одиноко и как поможет тебе жена. Поздравь от меня Клементину, желаю тебе от чистого сердца удачи и счастья».

Уинни и Клемми обвенчались 12 сентября в два часа пополудни в церкви Святой Маргариты в Вестминстере. Черчилль был в традиционном фраке и цилиндре, по поводу чего некоторые издания иронизировали, что жених похож на принарядившегося кучера. Клементина была в бриллиантовых серьгах, подаренных женихом, в сверкающем платье из белого атласа со струящейся белой фатой из нежного тюля, украшенной флердоранжем. В свадебном букете, который она несла в руках вместе с Квангелием, были традиционные миртовые веточки и лилии. Новобрачных поздравили министр финансов Ллойд Джордж, предполагаемый отец невесты Бертрам Митфорд, леди Рэндольф и бабушка невесты графиня Эйрли.

Поздравляя жену с 78-летием, Черчилль писал: «Признаюсь тебе в своей величайшей любви и шлю сотни поцелуев. Хотя я изрядно поглупел и вывожу на бумаге едва ли не каракули,

карандашом, которым я пишу тебе, водит мое сердце.

Твой любящий У.».

Надо сказать, что в браке Черчилля не все складывалось гладко. Клемми по натуре была романтичной идеалисткой и не очень уютно себя чувствовала в мире политики, в который был погружен ее супруг. В 1920 году Клемми, вероятно, из-за недостаточного внимания со стороны вечно занятого мужа, впала в тяжелую многомесячную депрессию. Впоследствии приступы депрессии повторялись. Кпемми несколько раз уезжала отдыхать одна. Дочь Мэри характеризовала свою мать как женщину «с натянутыми как струна нервами» и «неуравновешенным характером».

Когда в декабре 1943 года Черчилль застрял в Тунисе с воспалением легких, усугубленным сердечным приступом, он был тронут приездом Кпемми. Но сама она с улыбкой сказала доктору: «О, да! Он очень рад моему приезду, но через пять минут и не вспомнит, что я здесь». А дочь Сару отец успокоил довольно своеобразно: «Не волнуйся, если я умру: война уже выиграна!»

В 1935 году в круизе вокруг Индонезии и Филиппин Кпемми увлеклась своим попутчиком, продавцом картин Теренсом Филипом. Романтическая страсть стареющей женщины к образованному и остроумному молодому мужчине была чисто платонической, поскольку Филип был гомосексуалистом. Все кончилось очень быстро, хотя и дало Уинстону повод для ревности. Но никаких серьезных угроз их браку никогда не возникало.

Черчилль и живопись

В 1969 году Клементина рассказывала Мартину Гилберту, автору наиболее фундаментальной биографии Черчилля в восьми томах (первые два тома написал сын Черчилля Рэндольф): «Провал в Дарданеллах преследовал Уинстона всю жизнь. После ухода из Адмиралтейства он считал себя конченым человеком. Он думал, что никогда больше не вернется в правительство. Я думала, что он никогда больше не придет в норму, и боялась, что он умрет от горя». В тот раз Черчилль вышел из депрессии благодаря обращению к живописи, ставшей его любимым хобби. Тогда в Саррее он создал несколько неплохих пейзажных акварелей. Сам Черчилль признавался: «Я даже не знаю, как бы я смог пережить эти ужасные месяцы с мая по ноябрь, когда ушел из кабинета министров, если бы в мою жизнь не вошло это новое большое увлечение. Все лето я самозабвенно рисовал. Нет другого такого рода деятельности, которая полностью отвлекала бы от мрачных мыслей. Вот, например, гольф. Он совершенно не подходит для этой цели. Играя партии, я большую часть времени думаю о делах. Даже между чаккерами в поло то и дело мелькают печальные мысли. В живописи же все иначе. Я не знаю какого-либо другого занятия, которое, абсолютно не изматывая тело, настолько полно поглощает ум. Какие бы заботы ни принес день, какие бы угрозы ни таило в себе будущее, едва картина начинает рождаться, все тревоги отступают, для них больше нет места в голове. Они уходят в тень и исчезают во мраке».

Во время армейской службы в 1915–1916 годах Черчилль, командуя батальоном шотландских стрелков, нарисовал четыре картины, одну в укрытии, а три – непосредственно на линии огня. На солдат и офицеров батальона подобное спокойное мужество произвело сильное впечатление. Каждый раз, когда батальон оказывался на линии фронта, Черчилль невозмутимо делал зарисовки, не обращая внимания на неприятельский огонь.

Всего за более чем 40 лет занятий живописью Черчилль создал около 500 картин. Но когда в конце 40-х годов ему предложили устроить выставку его работ, Уинстон отказался: «Они не стоят того, чтобы их выставлять. Их ценность только в том, что они написаны знаменитой личностью». А позднее он признавался: «Мне как-то неловко выставлять свои картины публично, ведь они для меня, как дети: даже если ведут себя плохо, то все равно остаются любимыми.

Тем не менее в 1947 году Черчилль направил две картины в Королевскую академию искусств, подписавшись вымышленным

именем – мистер Дэвид Винтер. К его удивлению, работы были приняты, и в 1948 году Черчилль стал почетным членом Королевской академии искусств. В дипломе, подписанном покровителем Академии королем Георгом VI, отмечалось: «Это уникальное назначение стало возможно благодаря постоянной службе нашему Королевству и его людям, а также Вашим достижениям в искусстве живописи».

В 1950 году при содействии бизнесмена Джойса Клайда Холла 12 картин Черчилля все же были выставлены анонимно для американской Ассоциации директоров искусствоведческих музеев. Профессионалы оценили их довольно высоко, утверждая: «Кто бы ни был их автор, он явно не художник воскресного дня». А Черчилль-то как раз творил свои полотна только по выходным и в немногие свободные от других дел, вроде политики или литературы, минуты и часы.

Первая персональная выставка Черчилля под своим именем, включившая 35 работ, была организована в Канзас-Сити (Миссури) в 1958 году. В первый день ее посетило более 5 тыс. человек. Как писала одна из местных газет, «еще никогда в истории Нельсоновской галереи за день не было столько посетителей. Хотя их и привлекло имя Черчилля, большинству экспозиция понравилась и сама по себе». Общее же число посетителей выставки отставного британского премьера, которая после Канзас-Сити отправилась в турне по американским городам, превысило полмиллиона. Среди них был и давний друг Черчилля президент Гарри Трумэн, который похвалил его за реализм: «Они чертовски хороши. По крайней мере, вы ясно видите, что именно на них изображено. А о работах многих современных художников этого не скажешь». Также и директор галереи Лоуренс Сикман утверждал: «По большей части Уинстон реалист. Его деревья выглядят как деревья, дома – как дома. Достаточно одного взгляда на его работы, чтобы понять, что он предпочитает яркие тона». А фельдмаршал Алексендер, отбивая хлеб у профессиональных искусствоведов, сказал о работах Черчилля: «Он очень любит краски и берет их слишком много, отчего его картины так резки. Он не может устоять, чтобы не использовать всю палитру красок». В живописи, как и во всем остальном, начиная от политики и кончая едой, Черчилль был максималистом.

После США выставка его работ побывала в Канаде, Австралии и Новой Зеландии. А в следующем году Уинстон впервые выставился на родине, в лондонской Диплома-галерее. На выставке, проходившей под патронажем Королевской академии искусств, публике были представлены 62 картины. За всю

историю Черчилль был пятым академиком, удостоенным столь большой прижизненной выставки. На открытии Уинстон не присутствовал. Клементина писала ему, что в день открытия выставку посетило 3210 человек, тогда как годом раньше на открытии выставки Леонардо да Винчи было только 1172 человека. Когда открывшуюся в марте выставку в мае наконец почтил своим присутствием Черчилль, число посетителей превысило 100 тыс. А всего на выставке побывало более 140 тыс. человек. Искусствовед Джон Лондон писал, что от картин Черчилля исходит яркость, сила и самоуверенность, а дюжина картин смело могла бы соперничать с лучшими полотнами французских импрессионистов. Отмечали также высокий профессионализм черчиллевских картин. Сам он после отставки стал охотно дарить картины своим друзьям, утверждая: «Мои картины слишком плохи, чтобы их продавать, и слишком дороги, чтобы дарить их кому-то другому, кроме близких друзей». Но со временем круг тех, кто удостоился столь желанных подарков, расширился. Туда попали и политики других государств, например, премьер-министр Австралии сэр Роберт Мензис.

Справедливости ради отметим, что, как и у всякого художника, среди искусствоведов у Черчилля были как свои поклонники, так и суровые критики. Например, Роберт Пейн утверждал, что Черчилль никакой не крупный живописец, а лишь жалкий любитель, которому никогда не удавалось написать хороший портрет, так как люди выглядят у него плоско и безжизненно. Черчилль действительно редко рисовал портреты, предпочитая им пейзажи, поскольку «деревья никогда не жалуются», а рисовать живых людей ему никогда не хватало терпения. Однако людей он рисовал в технике импрессионистов – несколько небрежных мазков, соединенных в единое целое. А ведь Ренуару или Дега претензий на этот счет сегодня никто не предъявляет, хотя в первые годы существования импрессионизма представителей этого течения критиковали примерно так же, как Пейн критиковал Черчилля. Так что можно не сомневаться, что Уинстон был действительно крупным художником, а если бы отдал живописи всю жизнь, его имя наверняка бы стояло в одном ряду с лучшими художниками XX века – Сальвадором Дали, Полем Сезанном, Пабло Пикассо и др.

Другой искусствовед, Денис Саттон, видел в Черчилле-художнике лишь жалкого любителя, а его творения считал «живописью на отдыхе» и способом релаксации. А по мнению Эрика Ньюмена, многие работы Черчилля восхитительны, но в них нет «волшебства, присущего действительно крупным художникам, всю жизнь посвятившим поискам таинственной

красоты природы». Конечно, если бы Черчилль стал профессиональным художником, он бы вообще мог достичь в мастерстве живописца заоблачных высот. Несомненно, огромный интерес к его картинам был вызван прежде всего той ролью, которую Черчилль сыграл в истории. Но столь же очевидно, что работы Черчилля обладали также и эстетической ценностью. Ряд искусствоведов полагал, что, хотя Черчилль и не стал великим художником, в некоторых его работах можно увидеть искры гениальности. Через много лет после смерти Уинстона, в 1982 году, президент Королевской академии искусств сэр Хью Кэссон охарактеризовал Черчилля как «любителя с ярко выраженным природным талантом» и заметил, что «если бы у него было больше практики и академических знаний, из него получился бы хороший профессионал. Особенно хорош он был как колорист». Такого же мнения был и сэр Освальд Бирли: «Если бы Уинстон уделял живописи столько же времени, сколько политике, он стал бы одним из величайших художников мира».

При этом спрос на картины Черчилля сохранился и через много лет после его смерти. Так, в 1977 году одна из работ британского премьера была продана за 148 тысяч фунтов стерлингов. В декабре 2006 года его «Вид на Тинхерир», написанный в 1951 году в Марокко, ушел за 612,8 тысячи фунтов. А в июле 2007 года во время лондонских торгов аукционного дома Сотби стоимость работы Черчилля «Чартвелл: пейзаж с овцами» превысила рубеж в 1 миллион фунтов. Искусствовед доктор Артур Фракфуртер, вероятно, прав, когда полагает, что в популярности картин Черчилля среди коллекционеров в равной мере повинны как его личность, так и художественные достоинства его творений. Ведь, кроме Черчилля, не было больше ни одного выдающегося художника, который стал бы великим премьер-министром одной из великих держав мира, да еще в экстремальный период Второй мировой войны.

Как известно, главный противник Черчилля во Второй мировой войне, Адольф Гитлер, в молодости тоже был художником. И как полагают сегодня многие искусствоведы, художником довольно выдающимся (хотя, конечно, высокие цены, которые сегодня платят за его работы на аукционах, определяются исключительно личностью автора). Кстати, как и Черчилль, Гитлер рисовал в импрессионистической манере и предпочитал пейзажи, а не портреты. Историки и философы любят рассуждать на тему, что было бы, если бы Гитлера в свое время приняли бы в Венскую академию художеств и он посвятил бы свою жизнь не политике, а живописи. Наверное, тогда он не стал бы фюрером Германии, и не было бы ни Второй мировой

войны, по крайней мере, в том виде, в каком мы ее знаем, не было бы холокоста и других преступлений нацистов. Но точно такая же альтернатива могла быть и насчет Черчилля. Если бы Уинстон настолько увлекся живописью, что забросил бы политику, весь ход Второй мировой войны мог бы пойти иначе. В этом случае Черчилль никогда бы не стал британским премьером, и вполне возможно, что летом 1940 года, после краха Франции, британское правительство без Черчилля, возглавляемое мюнхенцами, заключило бы мир с Германией. А тогда в войну вряд ли бы вступили Соединенные Штаты, и у Гитлера появилась бы возможность разгромить Советский Союз и обрести гегемонию в Европе. Поэтому для Англии и всего человечества стало благом, что Черчилль предпочел стать политиком, а не художником. Замечу только, что живописью, равно как и литературным трудом, Уинстон занимался главным образом в то время, когда оказывался вне активной политической деятельности.

Между прочим, вопреки распространенному мнению, Черчилль высоко оценивал лидерские качества Гитлера, хотя всегда считал его смертельным врагом Британской империи, которого необходимо уничтожить. В статье, опубликованной в 1935 году, Уинстон отдал должное «мужеству, упорству и энергии Гитлера, позволившие ему взять власть. Черчилль не обошел своим вниманием гитлеровские преступления, в заключение оговорился, что «история полна примеров, когда людей, достигших вершины власти путем жестоких, отвратительных мер, потом возводили в ранг великих, оценивая в целом их жизнь, и считали этих кровавых героев украшением истории человечества. Не исключено, что так будет и с Гитлером». Но британский премьер сделал все, чтобы с Гитлером так не было.

Черчилль и Советская Россия

Черчилль не раз говорил о необходимости «задушить большевизм в колыбели». Став в июле 1917 года министром вооружений, он был одним из инициаторов британской военной интервенции в России после того, как там в ноябре 1917 года победили большевики. Ленина он называл «чудовищем, карабкающимся по пирамиде, сложенной из черепов». И предупреждал: «В конечном счете коммунистический нигилизм ведет к тому, что большевики разрушают все, что попадается на их пути… Они, как вампиры, высасывают кровь из своих жертв». Как считал Черчилль, России не на что надеяться, пока «гнусная шайка фанатиков-космополитов продолжает держать за волосы и тиранить русский народ». Его вывод был однозначным: «Большевистская тирания – самая страшная в истории человечества, самая разрушительная и постыдная».

У Черчилля даже был план, согласно которому несколько десятков тысяч солдат англо-французского экспедиционного корпуса должны были соединиться с белыми армиями и свергнуть большевиков. Однако очень скоро стало ясно, что солдаты, особенно французские, сыты по горло Первой мировой войной и вмешиваться в Гражданскую войну в России не имеют никакого желания. Пришлось ограничиться снабжением белых армий вооружением и боеприпасами, но это оказалось недостаточно для их победы. С конца 1919 года, после поражений армий Деникина и Колчака, Англия прекратила помощь белым армиям.

Черчилль считал коммунистическую опасность весьма актуальной как для Англии, так и для стран Британской империи и требовал «задушить коммунизм в колыбели». Михаил Булгаков, автор сатирической повести «Роковые яйца», где рожденные из-за красного луча, открытого профессором Владимиром Ипатьичем Персиковым, пародирующим Владимира Ильича Ленина, гигантские гады пожирают людей и едва не завоевывают Москву, но гибнут от внезапно ударивших морозов, сохранил в своем архиве следующее сообщение ТАСС от 24 января 1926-го, озаглавленное «Черчилль боится социализма». Там говорилось, что 22 января министр финансов Великобритании Уинстон Черчилль, выступая с речью в связи с забастовками рабочих в Шотландии, указал, что «ужасные условия, существующие в Глазго, порождают коммунизм», но «мы не желаем видеть на нашем столе московские крокодиловые яйца (подчеркнуто Булгаковым. – *Б. Б.). Я* уверен, что наступит время, когда либеральная партия окажет всемерную помощь консервативной

партии для искоренения этих доктрин. Я не боюсь большевистской революции в Англии, но боюсь попытки социалистического большинства самочинно ввести социализм. Одна десятая доля социализма, который разорил Россию, окончательно погубила бы Англию…» Таким образом, Черчиллем двигала не русофобия, а скорее русофильство. Он по-своему жалел Россию – жертву коммунистического эксперимента.

Еще в 1908 году Черчилль провозгласил: «Либерализм – это не социализм и никогда им не будет… Социализм стремится искоренить богатство, либерализм – бедность. Социализм уничтожает личную заинтересованность, либерализм ее охраняет, примирив с правами общества. Социализм губит предпринимательство, либерализм лишь освобождает его от гнета привилегий… Социализм ставит во главу угла регламент, либерализм – человека. Социализм критикует капитал, либерализм – монополии». До конца своих дней Уинстон пребывал в убеждении, что коммунисты «ведут нескончаемую войну против цивилизации, чтобы уничтожить все институты власти, все правительства, все государства в мире. Они стремятся создать международный союз нищих, преступников, бездарностей, бунтовщиков, больных, дебилов и дураков, который должен охватить весь мир». Будучи убежден, что коммунисты вгонят человечество в каменный век, Черчилль в 1949 году заявил: «Если бы мы задушили русский большевизм при его рождении, человечество было бы безмерно счастливо».

Чтобы британские рабочие не заболели «русской болезнью», Черчилль выступал за развитие социальных программ. В то же время ему не удалось убедить премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа начать полномасштабную интервенцию с использованием в боевых действиях десятков и сотен тысяч британских солдат. Премьер сознавал, что британская армия очень устала за годы Первой мировой войны и вряд ли будет в восторге, что ей вновь придется воевать, теперь против России, которая еще вчера была союзницей по Антанте, причем воевать в ходе интервенции, цели которой были совершенно неясны миллионам жителей Соединенного Королевства. Когда в 1924 году Черчилль покинул ряды либералов и вернулся к консерваторам, чтобы стать министром финансов в новом правительстве, он мотивировал свой переход тем, что только консерваторы могут противостоять коммунистическому влиянию в Англии и победить лейбористов, которые, как полагал Уинстон, во многом разделяли коммунистические идеи.

И в том же 1924 году советский поэт Владимир Маяковский в стихотворении «Наши поправки в англо-советский договор»

вдоволь поиздевался над Черчиллем:

Достопочтенный лорд Черчилль совсем в ругне переперчил: орет, как будто чирьи вскочили на Черчилле.

Стихотворение было написано в связи с подписанием лейбористским правительством 8 августа 1924 года англо-советского договора. Маяковский даровал Черчиллю титул лорда, которого у того в тот момент не было. Консерваторы, в том числе Черчилль, выступили против этого договора, считая его капитуляцией перед советскими коммунистами, и после поражения лейбористов отказались ратифицировать договор. В 1927 году эти строки про Черчилля были также напечатаны отдельно в газете «Комсомольская правда» в качестве подписи под карикатурой на британского министра финансов.

Вопреки распространенному мнению Черчиллю никогда не были чужды интересы простого народа. Его часто обвиняли в нелюбви к трудящимся. Но когда в 1 908 году, в возрасте 33 лет, Черчилль стал самым молодым министром торговли и промышленности в британской истории и сразу же добился установления минимальной оплаты труда, улучшения системы медицинского страхования и пенсионной системы, а также принятия закона об учреждении бирж труда. Он также предложил на рассмотрение проект закона о пособии по безработице, принятый в 1911 году. А став в 1910 году шефом МВД, Уинстон всерьез озаботился проблемой улучшения условий содержания заключенных. И именно Черчилль, будучи министром финансов после Первой мировой войны, добьется выплаты пенсий всем вдовам и сиротам погибших на войне. В то же время, незаконные забастовки Черчилль всегда подавлял весьма жестко, видя в них угрозу государственной стабильности. Кстати сказать, в молодости в одной из статей Черчилль писал, что, «для того чтобы насадить добродетель в обществе, прежде всего нужно улучшить социальные условия жизни и развить образование, а не слушать, раскрыв рот, ханжеское словоблудие». Только таким образом он рассчитывал противостоять «красной опасности».

Черчилль и мировой финансовый кризис

24 октября 1929 года, в день краха нью-йоркской фондовой биржи, Черчилль, будучи министром финансов, как раз находился в Нью-Йорке. В честь Черчилля в доме Перси Рокфеллера был дан банкет, на котором Бернард Барух невесело пошутил, обращаясь к пятидесяти наиболее влиятельным членам биржи: «Друзья и бывшие миллионеры!» Черчилль тогда еще не понял масштаба свершившейся катастрофы. 30 октября, покидая Америку, Уинстон заявил журналистам: «Биржевой крах – лишь преходящее событие в жизни отважных и трудолюбивых людей, и он никак не скажется на их финансовом благополучии». Хотя, возможно, британский министр финансов хотел лишь успокоить американскую и мировую общественность, справедливо полагая, что паника только усугубит положение. Сам Черчилль в результате кризиса лишился всех своих сбережений, вложенных преимущественно в ценные бумаги. Но в 30-е годы он смог компенсировать потери за счет литературного труда, опубликовав мемуары «Мировой кризис», биографию первого герцога Мальборо и многочисленные публицистические работы и первые тома «Истории англосаксонских народов». По подсчетам его биографа Мартина Гилберта, только в 1929–1937 годах литературные доходы Черчилля составили свыше 100 тыс. фунтов стерлингов. Черчиллю помогло то, что он был настоящим трудоголиком. Один из его помощников вспоминал: «Я никогда не видел его усталым. Он всегда действовал точно, как часовой механизм. Он знал, как правильно распределять и расходовать жизненную энергию. Во время работы Уинстон превращался в настоящего диктатора. Он сам устанавливал для себя безжалостные временные рамки и выходил из себя, если кто-то ломал его график». О том же свидетельствовала и секретарша Черчилля Грейс Хемблин: «Уинстон строгий начальник. Он постоянно подгонял нас, редко балуя похвалой. Погружаясь в работу с головой, он требовал и от других такой же самоотдачи. С годами мы осознали, что нам, работающим с ним в условиях стресса и перегрузок, дается уникальная возможность наблюдать всю прелесть его динамичной натуры и испытывать на себе проявления его благородного характера». Но только-только литературные заработки поправили финансовое положение Черчилля, как произошел новый крах. В результате неудачных финансовых спекуляций в Америке Черчилль получил 18 тыс.

фунтов стерлингов долга. Если бы не помощь друзей-банкиров, ему наверняка пришлось бы продать свое любимое поместье Чартвелл.

Его звездный час

В годы Второй мировой войны в Соединенном Королевстве Черчилль воспринимался как настоящий спаситель нации. После войны этот ореол немного поблек, поскольку Вторая мировая война закончилась для Англии весьма плачевно. Находились историки и публицисты, утверждавшие, что Британская империя погибла и отныне Англия выступает лишь в унизительной роли сателлита Соединенных Штатов. Обвиняли же в этом Черчилля, который, дескать, слишком много ностальгировал по славному прошлому, да к тому же был одержим навязчивой и вредной идеей о войне до победного конца и о безоговорочной капитуляции, чем привел Англию к истощению и упадку. В оправдание Черчилля надо сказать, что падение Британской империи, достижение независимости ее доминионами и колониями было процессом объективным, и остановить его не мог ни один политик. Во-вторых, в тотальной войне речь могла идти только о безоговорочной капитуляции, иначе любой мир превращался лишь в перемирие.

После прихода Гитлера к власти Черчилль активнее всех в Англии выступал против вооружения Германии, ревизии Версальского договора и политики «умиротворения». После заключения Мюнхенского соглашения Черчилль заявил в Палате общин: «У вас был выбор между войной и бесчестьем. Вы выбрали бесчестье, теперь вы получите войну… Боюсь, что теперь Чехословакия не сможет сохранить свою политическую независимость. Вот увидите, пройдет какое-то время, может быть, годы, а может быть, месяцы, и нацистская Германия поглотит ее… Мы потерпели поражение, не участвуя в войне, и последствия этого поражения еще долго будут напоминать о себе… Не думайте, что опасность миновала. Это еще далеко не конец, это только начало грандиозного сведения счетов. Это лишь первый тревожный звонок. Мы лишь омочили губы в чаше бедствий, из которой мы будем пить не один год, если не сделаем последнего усилия, чтобы вновь обрести бодрость духа и силы сражаться».

3 сентября 1939 года, в день вступления Англии во Вторую мировую войну, Уинстону Черчиллю было предложено занять пост Первого Лорда Адмиралтейства с правом голоса в Военном Совете. Выступая в этот день в парламенте, Черчилль заявил: «Мы сражаемся не за Данциг и не за Польшу. Мы сражаемся, чтобы спасти целый мир от фашистской тирании, подобной чуме, чтобы защитить все самое святое, что есть у человека».

Существует легенда, что, узнав о назначении Черчилля,

корабли британского флота и военно-морские базы обменялись сообщением с текстом: «Уинстон вернулся». Хотя документальных свидетельств, что данное сообщение действительно было отправлено, до сих пор не обнаружено.

С самого начала войны Черчилль рассматривал Советский Союз как потенциального союзника в противостоянии с Гитлером. 6 октября 1939 года, вслед за заключением советско-германского договора о дружбе и границе, Черчилль пригласил к себе советского посла И.М. Майского и в ответ на его вопрос: «Что вы думаете о мирных предложениях Гитлера?» – сказал: «Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм». Далее он разъяснил позицию британского правительства, которая, согласно записи Майского, сводилась к следующему: «1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в нашу, а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании». Не исключено, что советский дипломат преувеличил меру радости Черчилля по поводу включения Прибалтики в советскую сферу влияния и его готовности признать советские приобретения по пакту Молотов – Риббентроп. К тому времени британское правительство уже располагало достоверными донесениями о содержании секретного дополнительного протокола к Советско-германскому пакту о ненападении.

10 мая 1940 года, после начала немецкого наступления во Франции, Черчилль возглавил коалиционное правительство. В своей первой речи «Кровь, пот и слезы», произнесенной 13 мая 1940 года в Палате общин в качестве премьер-министра, Черчилль утверждал: Я повторю перед Палатой то, что уже сказал присоединившимся к новому Правительству: Я не могу предложить ничего, кроме крови, тяжелого труда, слез и пота». Нам предстоит суровое испытание. Перед нами много долгих месяцев борьбы и страданий. Вы спрашиваете, какова наша политика? Я отвечу: вести войну на море, суше и в воздухе со всей нашей мощью и со всей той силой, которую Бог может даровать нам; вести войну против чудовищной тирании, равной

которой никогда не было в мрачном и скорбном перечне человеческих преступлений. Такова наша политика. Вы спрашиваете, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа – победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы; победа, независимо от того, насколько долог и тернист может оказаться к ней путь; без победы мы не выживем. Необходимо понять: не сможет выжить Британская империя – погибнет все то, ради чего она существовала, погибнет все то, что веками отстаивало человечество, к чему веками стремилось оно и к чему будет стремиться. Однако я принимаю свои обязанности с энергией и надеждой. Я уверен, что люди не дадут погибнуть нашему делу. Сейчас я чувствую себя вправе потребовать помощи от каждого, и я говорю: «Пойдемте же вперед вместе, объединив наши силы».

После разгрома Франции Черчилль, по его собственным словам, осознал, что на карту поставлены «дальнейшее существование Великобритании, ее миссия в мире и ее величие». После посещения Парижа 16 мая он понял, что капитуляция Франции не за горами и что Британской империи какое-то время придется сражаться в одиночестве. 19 мая командир британского экспедиционного корпуса генерал Горт, осведомленный благодаря работе дешифровального устройства «Энигма» («Ультра») о передвижениях германских войск и их намерении окружить основные французские и британские силы в Бельгии, решил отступить к побережью. Это решение было одобрено Черчиллем.

4 июня 1940 года, после эвакуации 200-тысячного британского экспедиционного корпуса и 130 тыс. французских солдат из Дюнкерка, Черчилль произнес свою знаменитую речь «Мы будем сражаться на побережье»: «Несмотря на то, что значительные пространства Европы и многие старые и славные государства подпали или могут подпасть под власть гестапо и всего отвратительного аппарата нацистского господства, мы не сдадимся и не покоримся. Мы пойдем до конца, мы будем сражаться во Франции, мы будем сражаться на морях и на океанах, мы будем сражаться с возрастающей уверенностью и растущей силой в воздухе; мы будем оборонять наш Остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться в пунктах высадки, мы будем сражаться на полях и на улицах, мы будем сражаться на холмах, мы не сдадимся никогда, и даже, если случится так, во что я ни на мгновение не верю, что этот Остров или большая его часть будет порабощена и будет умирать с голода, тогда наша Империя за морем, вооруженная и под охраной Британского флота, будет продолжать сражение, до

тех пор, пока в благословенное Богом время Новый Мир, со всей его силой и мощью, не отправится на спасение и освобождение старого».

18 июня, после капитуляции Франции, родилась речь «Их звездный час», где Черчилль утверждал: «То, что генерал Вейган называл битвой за Францию, окончено. Со дня на день начнется битва за Англию. От исхода этого сражения зависит судьба христианской цивилизации. От этого зависят наша собственная британская жизнь и длительная непрерывность наших учреждений и нашей Империи. Скоро на нас обрушатся вся ярость и мощь врага. Гитлер знает, что или ему надо сломить нас на нашем острове, или он проиграет войну. Если мы выстоим в борьбе с ним, вся Европа может стать свободной, и жизнь всего мира двинется вперед на широкие, залитые солнцем высоты. Но если мы потерпим поражение, весь мир, включая Соединенные Штаты, включая все, что мы знаем и любим, погрузится в бездну нового Темного века, который лучи извращенной науки сделают более губительным и, возможно, более длительным. Поэтому соберемся с духом для выполнения нашего долга и будем держаться так, что если Британская империя и Британское Содружество просуществуют тысячу лет, то и тогда, через тысячу лет, люди скажут: «Это был их звездный час».

Летом 1940 года Черчилль оставил Британский флот в Восточном Средиземноморье, несмотря на предложение ряда адмиралов отвести его к Гибралтару. Он считал Италию слабейшим звеном вражеской коалиции и считал необходимым сосредоточить против нее основные усилия.

Операция «Морской лев»

Главный миф, связанный с операцией «Морской лев», заключается в утверждении, неоднократно повторявшемся советской пропагандой, что эта операция, предусматривающая высадку вермахта на Британские острова, никогда не рассматривалась Гитлером в качестве реально осуществимой, а была только средством давления на Англию, чтобы вынудить ее заключить мир, а также средством дезинформации для прикрытия намерения Германии напасть на Советский Союз.

Перед нападением на Россию, чтобы избежать войны на два фронта, Гитлер решил покончить с Англией. 2 июля 1940 года он отдал приказ о подготовке плана высадки в Англии, а 16 июля он издал директиву о подготовке операции по высадке десанта на Британские острова, которой было присвоено кодовое наименование «Морской лев». Еще до появления плана «Морской лев», 21 июня 1940 года, Генштаб германских сухопутных сил сообщил командованию флота, что не разрабатывает плана высадки в Англии, поскольку считает такую высадку неосуществимой. Также и Люфтваффе еще в январе 1940 года считали высадку в Англии неосуществимой из-за невозможности нейтрализовать британскую авиацию. Флот, напротив, занимался разработкой планов вторжения в Англию еще с середины ноября 1939 года, но только после капитуляции Франции, последовавшей 22 июня 1940 года, эти планы встали в практическую плоскость. Однако еще 21 мая 1940 года, когда определился решающий успех вермахта во Франции, Гитлер обсудил с главнокомандующим флотом гросс-адмиралом Эрихом фон Редером возможность высадки в Англии после завершения Французской кампании.

В директиве от 16 июля говорилось: «Учитывая, что Англия, несмотря на свое безнадежное военное положение, не проявляет никаких признаков готовности к соглашению, я решил начать подготовку и, если возникнет необходимость, высадить десант в Англии. Цель этой операции – устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если это потребуется, полностью захватить ее». Германские войска должны были форсировать Ла-Манш, высадиться между Дувром и Портсмутом в составе 25 дивизий, а затем наступать, чтобы окружить Лондон. Фронт предполагалось растянуть от Фолкстона до Богнора. Командовать армией вторжения должен был только что произведенный в фельдмаршалы Рундштедт.

Уже 17 июля был отдан приказ о размещении на побережье

Ла-Манша тринадцати дивизий, которые должны были составить первую волну вторжения численностью 260 тыс. человек. В первом эшелоне предполагалось высадить 90 тысяч. Всю операцию главнокомандующий сухопутными войсками фельдмаршал Вальтер фон Браухич рассчитывал завершить в течение месяца, причем упорное сопротивление британских войск предполагалось лишь на протяжении первых двух недель. Однако высадка при этом предполагалась на широком фронте в 200 миль, что, по заключению адмирала Редера, было непосильной задачей для германского флота. Для того, чтобы высадить на таком широком фронте 90 тыс. солдат с боевой техникой, требовалось 1722 баржи, 1161 моторный катер, 471 буксир и 155 транспортов. Даже если бы эту армаду удалось сконцентрировать в портах Ла-Манша (а это действительно удалось сделать), Люфтваффе никак не смогли бы защитить их в портах от ударов британской авиации, а тем более в море в период высадки – от атак Британского флота.

К середине сентября Черчилль имел на Британских островах уже 20 боеспособных дивизий. Этих сил должно было хватить, чтобы остановить продвижение первой волны вторжения. А затем можно было надеяться, что королевская авиация и флот уничтожат германские десантные средства и вынудят армию вторжения капитулировать. Для немедленного же десанта в конце июля у германского флота просто не было необходимых транспортных средств в районе Ла-Манша, поскольку «Морского льва» до завершения Французской кампании никто не планировал и заранее десантные средства не собирал.

На совещании 21 июля Редер предлагал перенести операцию «Морской лев» на май 1941 года. Однако Гитлер резонно возразил, что к этому времени германский флот все равно не сможет сократить разрыв с британским флотом, а британская *сухопутная* армия к тому времени наверняка усилится. И приказал готовить операцию к середине сентября. Ее начало в это время или перенос на май 1941 года зависели от того, сможет ли Люфтваффе нанести английской авиации и флоту, а также военной промышленности такой урон, который исключит эффективное противодействие высадке.

В качестве предпосылки для осуществления десанта фюрер требовал: «Английская авиация должна быть настолько морально и фактически подавлена, чтобы она больше не могла противодействовать переправе германских войск в качестве заслуживающей упоминания силы… Желательно незадолго до переправы сковать британские военно-морские силы как в Северном, так и в Средиземном морях, где будут действовать

итальянцы. Уже сейчас надо попытаться нанести урон британскому флоту с помощью авиации и торпедных атак». Для достижения этих целей было предпринято массированное воздушное наступление на Британию.

Командование германских сухопутных сил настаивало на том, что армия вторжения должна состоять из 40 дивизий. Однако Редер полагал, что численность десанта не должна превышать 25 дивизий, иначе флот не сможет его снабжать. Но тогда десант уступал по численности личного состава и тяжелой техники британской армии, что существенно снижало шансы на успех.

13 августа начальник штаба оперативного руководства Йодль в меморандуме в качестве обязательных условий проведения операции «Морской лев» назвал гарантированное недопущение британского флота к району высадки и полное господство Люфтваффе в воздухе над всей территорией Англии. Оба эти условия были практически невыполнимы. Даже если бы воздушное наступление на Англию имело бы успех, Люфтваффе не смогли бы полностью нейтрализовать британскую авиацию. А для нанесения тяжелых потерь флоту, укрывавшемуся в отдаленных базах, у Германии отсутствовала авианосная авиация.

16 августа фюрер решил отказаться от десанта в заливе Лайм, чтобы высадка производилась меньшими силами и на более узком фронте.

Директива ОКБ от 27 августа за подписью Кейтеля устанавливала окончательные планы десантирования в четырех основных районах на южном побережье между Фолкстоном и Селси Билл и восточнее Портсмута, чтобы овладеть рубежом Портсмут, Темза, восточнее Лондона у Грейвсенда. Одновременно проводилось демонстрационное сосредоточение плавсредств против восточного побережья Англии, которые в день «Д» должны были направиться к предполагаемым районам высадки, а с полпути лечь на обратный курс.

1 сентября началось сосредоточение десантных средств в портах Ла-Манша. Ранее делать это опасались из-за угрозы британских бомбардировок. 3 сентября 1940 года Гитлер определил 21 сентября днем проведения операции «Морской лев». Он рассчитывал, что к тому времени британские истребители будут нейтрализованы. Транспорты должны были выйти в море 20 сентября, а окончательный приказ о начале операции должен был быть отдан 11 сентября. 7 сентября 625 германских бомбардировщиков в сопровождении 648 истребителей произвели самый сильный налет на Лондон. Многие сочли его преддверием вторжения. Однако уже 10

сентября британские ВВС начали наносить чувствительные удары по германским транспортам.

13 сентября легкие корабли британского флота обстреляли Остенде, Кале, Булонь и Шербур, а авиация потопила 80 барж в Остенде. Стало ясно, что английская авиация не уничтожена и сохраняет боеспособность. А 1 5 сентября при еще более мощном налете на Лондон Люфтваффе потеряли 56 самолетов, еще несколько десятков получили тяжелые повреждения. Из строя была выведена четверть всех бомбардировщиков. Это был проигрыш Люфтваффе «битвы за Британию». Поэтому германское вторжение в Англию пришлось 17 сентября отложить на неопределенный срок. Этому решению Гитлера способствовали и большие потери, которые английская авиация нанесла германским судам, сосредоточенным в портах Ла-Манша. К тому времени был потоплен или поврежден 21 транспорт из 170 и 214 десантных барж из 1918. Уже 18 сентября пришлось отдать приказ о рассредоточении транспортов, чтобы не подставлять их под неприятельские бомбы. 12 октября было объявлено, что вторжение переносится на весну 1941 года, но в его успех уже никто не верил.

Необходимо подчеркнуть, что вплоть до сентября 1940 года операция «Морской лев» рассматривалась Гитлером и германским военным командованием как вполне реальный проект. Это доказывается тем, что для ее выполнения были привлечены основные силы Люфтваффе и сосредоточен внушительный десантный флот. Однако в отсутствие господства в воздухе и на море этот флот, даже в случае успешной высадки, был бы очень быстро уничтожен британской авиацией и военно-морским флотом, которому слабый германский военно-морской флот не смог бы противостоять. Германские войска на британском берегу остались бы без снабжения и в скором времени вынуждены были бы капитулировать. Именно так произошло с германо-итальянскими войсками в Тунисе три года спустя, в мае 1943 года. Гитлер действительно начал бы операцию «Морской лев» в сентябре 1940 года, если бы Люфтваффе к тому времени удалось бы завоевать господство в воздухе над Британскими островами.

Формально операция «Морской лев» была отменена Гитлером только 9 января 1941 года. Однако уже с конца сентября 1940 года, когда проигрыш воздушного сражения над Англией исключил успешную высадку на Британские острова, операция «Морской лев» стала использоваться в качестве дезинформационного прикрытия будущего германского нападения на СССР.

Решающую роль в срыве планировавшегося германского

вторжения на Британские острова сыграла британская авиация – любимое детище Черчилля. Но и личные заслуги премьера нельзя недооценивать. Он сумел своими речами вдохновить британцев на борьбу, а как премьер успешно скоординировал все усилия по отражению германских атак.

Битва за Британию

Нередко утверждается, что битва за Британию была проиграна Люфтваффе из-за ошибок Геринга и других руководителей германской авиации и что у Германии были шансы ее выиграть в случае принятия правильной стратегии. При ближайшем рассмотрении, учитывая силы сторон, а также географические реалии, приходится сделать вывод, что шансов на победу у немцев практически не было.

Чтобы завоевать господство в воздухе, необходимое для проведения операции «Морской лев», Люфтваффе с 9 июля 1940 года начали массированное наступление на Англию, постепенно наращивая удары. Первоначальной целью были прибрежные конвои и порт Дувр, но постепенно география и цели бомбардировок расширились.

1 августа 1940 года Гитлер издал директиву № 17 «О ведении воздушной и морской войны против Англии». Там говорилось: «С целью создания предпосылок для окончательного разгрома Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой, нежели до сих пор, форме. Для этого приказываю:

1. Германским военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию…

2. По достижении временного или местного превосходства в воздухе продолжать действия авиации против гаваней, особенно против сооружений, предназначенных для хранения запасов продовольствия… Налеты на порты южного побережья производить с учетом запланированной операции в возможно меньшем масштабе…

4. Усиленную воздушную войну вести таким образом, чтобы авиация в любой момент могла быть привлечена к поддержке операций военно-морского флота… Кроме того, она должна сохранить свою боеспособность для операции «Морской лев».

5. Терроризирующие налеты в качестве возмездия остаются в моей компетенции».

Новое наступление предполагалось начать уже 5 августа, но реально массированные удары начались только после 15 августа.

Для битвы за Англию Люфтваффе имели 929 истребителей, 875 бомбардировщиков и 315 пикирующих бомбардировщиков в составе 2-го и 3-го воздушных флотов, базировавшихся в Северной Франции, Бельгии и Голландии. Кроме того, против Британских островов могли действовать 123 бомбардировщика и

34 истребителя 5-го воздушного флота в Норвегии. Британские королевские ВВС могли выставить лишь 700 истребителей и 500 бомбардировщиков. Однако у англичан было одно решающее преимущество. Их самолеты действовали с аэродромов в Южной Англии и могли быстро вернуться на базы для пополнения запасов горючего и боеприпасов, совершая таким образом по несколько вылетов в день. Германские же самолеты действовали на пределе своего радиуса и не могли делать ежедневно более одного вылета. Кроме того, подбитые британские самолеты имели гораздо больше шансов дотянуть до своих баз, чем германские, многие из которых падали на обратном пути в воды Ла-Манша. Также и британские летчики, спасшиеся со сбитых машин на парашюте, как правило, возвращались в строй, тогда как их немецкие коллеги отправлялись до конца войны в лагеря военнопленных. Британские «спитфайеры» были не хуже немецких Ме-109, а большие потери опытных летчиков Люфтваффе быстро уравняли позиции сторон и в сфере уровня боевой подготовки пилотов. Англичанам также очень помогли радары, также одно из любимых детищ Черчилля. Как только немецкие самолеты поднимались в воздух с аэродромов в Западной Европе, радары уже на дистанции 200 км обнаруживали их и очень точно определяли курс полета, и английские истребители уже поджидали их перед целями.

12 августа налетам подверглись британские радары, но лишь один из них оказался серьезно поврежден. 13 и 14 августа 1500 машин Люфтваффе бомбили английские аэродромы, но результат оказался совершенно ничтожен. Было уничтожено всего 13 английских самолетов при потере 47 немецких. 15 августа 800 самолетов бомбили южное побережье Англии. Рассчитывая, что все силы британской истребительной авиации были стянуты туда, 100 бомбардировщиков в сопровождении 34 истребителей – двухмоторных Ме-110 5-го флота попытались атаковать восточное побережье, но были перехвачены семью эскадрильями «харрикейнов» и «спитфайеров», которым тяжелые Ме-110 не могли противостоять из-за худшей маневренности и меньшей скорости. Англичане потерь не понесли, а немцы лишились 30 машин. На юге Англии в этот день немцы потеряли 75 самолетов против 34 английских. Отсутствие у немцев тяжелых стратегических бомбардировщиков ограничивало бомбовую нагрузку и заставляло вести преимущественно прицельное бомбометание с малых высот, что делало бомбардировщики уязвимыми для средств ПВО.

15 и 16 августа, в решающие дни наступления Люфтваффе, Черчилль прибыл в штаб командования истребительной

авиацией, а затем – в штаб 11-й авиационной бригады, которая приняла на себя основной удар противника. На обратном пути сопровождавший премьера начальник его личного штаба генерал Хейстингс Лайонел Исмей услышал, как потрясенный Уинстон воскликнул: «Никогда за всю историю войн столь многие не были так обязаны столь немногим!» 20 августа он повторил эту ставшую крылатой фразу в Палате общин.

С июля по октябрь 1940 года королевские ВВС потеряли 415 пилотов, почти вдвое меньше, чем во время сражений во Франции. Это произошло потому, что почти все воздушные схватки в ходе битвы за Британию происходили над британской территорией и большинство пилотов, спустившихся с парашютами, смогли снова вернуться в строй, да и дотянуть до аэродрома подбитым машинам было значительно легче. Во время же битвы во Франции большинство британских пилотов были сбиты над боевыми порядками немецких войск, так что уцелевшие либо попадали в немецкий плен, либо вынуждены были скрываться и числились пропавшими без вести.

24 августа Люфтваффе переключились на уничтожение секторных станций – подземных центров управления, наводящих самолеты на цели с помощью радаров. С этого дня и вплоть до 6 сентября удары наносились главным образом по наземным объектам британских ВВС. Пять передовых аэродромов истребительной авиации на юге Англии были основательно разрушены, а шесть из семи ключевых секторных станций подверглись ожесточенной бомбардировке. До 6 сентября англичане потеряли 295 самолетов и 103 летчика. Еще 170 машин были повреждены. Немцы лишились 385 самолетов, включая 214 истребителей. Затем Люфтваффе переключились на бомбардировки Лондона. Это рассматривалось как непосредственная подготовка вторжения. Расчет был на то, что массированные налеты вызовут панику в британской столице и беженцы забьют дороги, ограничив возможности по переброске британских войск для отражения германского десанта. Вечером и ночью 7 сентября Лондон бомбили 625 бомбардировщиков и 648 истребителей. Было убито 842 человека и ранено 2347. Британские истребители этот налет прозевали, и потери Люфтваффе были ничтожны. Но дневной налет на Лондон 15 сентября закончился катастрофой. 200 бомбардировщиков, которых сопровождали 600 истребителей, попали под атаки «спитфайеров» и «харрикейнов», наведенных с помощью радаров. Было сбито 56 немецких самолетов, включая 34 бомбардировщика. Англичане потеряли 26 машин. После этого немцы перешли исключительно к ночным налетам на Лондон, но

они имели уже только моральное, а не стратегическое значение, поскольку операция «Морской лев» была отложена на неопределенный срок. 14 ноября 1940 года в рамках этой стратегии, направленной на подрыв морального духа британцев, был подвергнут жестокой бомбардировке Ковентри, но военного значения это уже не имело. Во второй половине ноября массированные налеты на Англию были прекращены.

Всего к исходу октября 1940 года, когда воздушная «Битва за Британию» закончилась, немцы безвозвратно потеряли 1733 машины, а англичане – только 915. При этом англичане легче могли восполнить потери в самолетах, так как британские заводы выпустили 9924 машины, а немецкие – только 8070. Еще тяжелее были безвозвратные потери Люфтваффе в пилотах. Причиной поражения Люфтваффе стала не частая смена стратегии, а действие постоянных долговременных факторов – географического преимущества англичан в виде близости баз, наличия радаров и секторных станций. В условиях примерного качественного равенства истребителей сторон эти преимущества с лихвой компенсировали численное превосходство Люфтваффе. Частая смена стратегии Герингом была вызвана постепенным истощением сил и постоянным поиском слабых мест Англии. Растущие потери не позволяли продолжать те стратегии, к которым англичане уже успевали приспособиться.

Широко распространено мнение, что благодаря дешифровальной системе «Ультра» англичане еще за три дня знали о грядущем налете Люфтваффе на Ковентри, последовавшем в ночь с 14-го на 15 ноября 1940 года. Но Черчилль будто бы запретил эвакуацию, чем обрек на гибель тысячи людей, но зато не выдал немцам, что англичане читают их шифры. В действительности же британская разведка знала только, что готовится крупный налет, но вплоть до середины дня 14 ноября не знала, какой именно город будет его целью, склоняясь к мысли, что жертвой налета, скорее всего, будет Лондон. Только во второй половине 14 ноября стало известно, что удар планируется по Ковентри, но в этот момент времени на эвакуацию все равно уже не было. Так что Черчилль не стоял перед дьявольской дилеммой – спасти тысячи жизней или сохранить военную тайну.

И уж совсем фантастичной является версия, будто благодаря дешифровщикам Черчилль заранее знал о предстоящем 7 декабря 1941 года японском нападении на Перл-Харбор, но не предупредил об этом Рузвельта, так как надеялся, что благодаря этому США вступят в войну с Германией. Другой вариант этой легенды гласит, что Черчилль Рузвельту о японском плане все-

таки сообщил, но затем они совместно решили дать возможность японцам потопить американские линкоры, чтобы тем вернее втянуть Америку во Вторую мировую войну. На самом деле японская атака на Перл-Харбор стала для Черчилля такой же неожиданностью, как и для Рузвельта, а британская разведка не читала японских шифров. Здесь ее возможности далеко уступали возможностям американской разведки.

Черчилль и Сталин

Надежды на победу в войне с Германией Черчилль связывал с привлечением на свою сторону могущественных союзников – США и СССР. Он предупреждал Сталина о грядущем нападении Германии на Советский Союз. Первое послание Черчилля Сталину датировано 1 июля 1940 года. Британский премьер предлагал забыть былые распри и начать переговоры о совместных действиях по предотвращению «германского господства» над Европой, в том числе путем разделения сфер ответственности на Балканах. Сталин на него не ответил. Столь же безответным осталось и второе послание от 19 апреля 1941 года, где сообщалось о переброске германских танковых дивизий из Югославии обратно в Румынию, что говорило о возможном скором начале войны Германии против СССР. Двусторонней переписка стала после 22 июня 1941 года. Для Сталина главным в переписке был вопрос открытия Второго фронта и поставок по ленд-лизу.

Судя по всему, было еще одно предупреждение от Черчилля, непосредственно перед 22 июня 1941 года. Климент Ефремович Ворошилов в 60-е годы оставил любопытное свидетельство того, как Сталин и другие представители советского руководства оценивали ситуацию накануне войны: «Следует подчеркнуть, что война с гитлеровской Германией оказалась внезапной лишь для народа и войск, расположенных далеко от границы. Начиная от дивизий, находившихся непосредственно вблизи государственной границы, штабов армий, округов и выше, о ней знали, ее ждали, так как об этом говорили многие признаки. Еще за несколько месяцев до ее возникновения о приближении войны свидетельствовали интенсивные переброски с запада и сосредоточение гитлеровским командованием соединений и частей вдоль западных границ Советского Союза. Все это делалось под видом организации «отдыха» войск после Французской кампании. Но этот «отдых», по наблюдениям пограничных войск, сводился к непрерывным работам явно не мирного характера: строились укрепления, выселялось население из приграничной зоны, разведывательные самолеты систематически нарушали нашу границу, проникая на значительную глубину (замечу, что все эти мероприятия могли расцениваться и как подготовка к нападению на СССР, и как, наоборот, подготовка к отражению возможного советского нападения, особенно это касается занятия немцами укреплений на границе и разведывательных полетов самолетов Люфтваффе. – *Б. Б.)*. Подготовка противника к

нападению не могла пройти незамеченной в приграничных военных округах. Оттуда, естественно, начали поступать тревожные сигналы, посыпались просьбы разрешить принять соответствующие контрмеры, вывести в свои полосы войска, занять оборону. Всесторонняя оценка действия немецкого командования, проверенная на основании данных различных источников, в том числе не вызывающих сомнений, многих крупных военных и политических работников привела к одному и тому же выводу – война не за горами. Но решающее слово оставалось за И.В. Сталиным, стоявшим тогда во главе государства. Он, безусловно, также видел опасность войны, всеми силами стремился отдалить ее, многое сделал для этого и поэтому считал, что она не так близка. В своей оценке создавшегося международного положения Сталин исходил прежде всего из начавшейся войны между капиталистическими государствами на Западе и невозможности для Германии вести борьбу на два фронта.

Играл при этом свою роль, конечно, и заключенный в августе 1939 года договор о ненападении, которым на какое-то время война была отодвинута от границ СССР. Немаловажное значение имели и непрерывные происки империалистов, пытавшихся еще до возникновения Второй мировой войны столкнуть Советский Союз и Германию. В этом отношении особенно показательно было поведение англо-французской делегации при переговорах с нами в 1939 году о мерах коллективной безопасности против агрессивного блока фашистских государств. Они приняли все меры к тому, чтобы сорвать начавшиеся переговоры и показать тем самым Гитлеру путь на восток.

В такой обстановке требовалась большая осторожность, чтобы не дать повода для нападения. Путем заключения договора с Германией советскому правительству удалось сорвать коварные замыслы англо-французских правящих кругов, но продажность политики империалистов и их стремление разрешить свои противоречия за счет Советского Союза, вовлечь его в войну с фашистской Германией не могла не оставить следа в сознании Сталина и не вызвать его постоянного недоверия. Все это привело к тому, что предложения, направленные на проведение практических мероприятий по повышению боеготовности войск приграничных округов, им отвергались во избежание осложнений в отношениях с Германией. Даже доклады дипломатов не учитывались, не принимались во внимание.

Мне вспоминается донесение одного из наших послов, присланное им за несколько дней до войны. В нем сообщались сведения, во многом раскрывавшие замысел гитлеровского

командования, указывалось количество и наименование соединений немецких войск, подготовленных к нападению на СССР, установлен день вторжения. Казалось, это должно бы насторожить, вынудить еще раз более внимательно проанализировать имевшиеся сигналы, пересмотреть свое отношение к ним. Но во взглядах И.В. Сталина и сделанной им оценке обстановки ничего не изменилось.

Послом, приславшим тревожное донесение, был находившийся в Лондоне И.М. Майский. За несколько дней до 22 июня 1941 года британское правительство, основываясь на данных разведки, читавшей немецкие армейские шифры, составило сводку с указанием точной группировки вермахта на границе с СССР, где точно назывались номера соединений и указывалось на 22 июня как срок нападения. По решению Черчилля с этими данными был ознакомлен советский посол, тут же пославший донесение в Москву. Но Сталин Майскому не поверил. Вот что писал по этому поводу Ворошилову военный историк генерал-майор П.А. Жилин 2 декабря 1964 года: «Глубокоуважаемый Климент Ефремович! Будучи у Вас на даче года три тому назад вместе с главным редактором «Военно-исторического журнала» генерал-майором тов. Павленко Н.Г., Вы поделились с нами некоторыми воспоминаниями, относящимися к кануну и первым дням Великой Отечественной войны. Работая над изучением этого периода, я закончил рукопись «Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз». В ней я касаюсь, правда, очень кратко, как реагировал И.В. Стешин на поступавшие сообщения о готовящемся нападении Германии на СССР. Пользуясь записями, которые я сделал после беседы с Вами, в рукописи я привожу такую фразу: «В беседе с автором К.Е. Ворошилов, вспоминая последний предвоенный день, рассказывал: «Стешин до последнего дня не верил, что Гитлер нападет на нас. В субботу, 21 июня, после работы мы, члены Политбюро, собрались в приемной у Сталина. Он вышел из кабинета возбужденный и, опускаясь по лестнице, с раздражением говорил: «Опять наш посол в Англии информирует об упорно распространяемых слухах в Лондоне, будто бы со дня на день может вспыхнуть война между нами и Германией. Это все Черчилль мутит воду, а Майский панику разводит». В плане раскрытия конкретной обстановки последнего предвоенного дня Ваши воспоминания представляют несомненный интерес. Я прошу Вас разрешить их привести в моей рукописи в таком виде или в каком Вы сочтете возможным. С глубоким уважением и пожеланием Вам доброго здоровья. Генерал-майор П. Жилин». На этом письме Ворошилов оставил резолюцию: «Не помню. К.В.». А

на конверте, в который было вложено письмо, написеш: «Обязательно ответить». Однако, как свидетельствует позднейшеш рукопись «Четыре дня на Западном фронте», написанная ворошиловским адъютантом генерешом ЛА. Щербаковым на основе собственного дневника, донесение Майского действительно поступило к Стешину, но не заставило его изменить общую оценку ситуации.

22 июня 1941 года, когда Гитлер уже напал на Советский Союз, Черчилль выступил с речью, где заявил о своей поддержке Москвы. Однако заметил при этом: «Нацистский режим неотличим от худших черт коммунизма. Он лишен каких-либо принципов и основ, кроме ненавистного аппетита к расовому доминированию. Он изощрен во всех формах человеческой злобы, в эффективной жестокости и свирепой агрессии. За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое, с его преступлениями, безумствами и трагедиями, отступает. Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома; их матери и жены молятся – о, да – потому что в такое время все молятся о сохранении своих любимых, о возвращении кормильца, покровителя и защитника… У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока с Божьей помощью не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига.

Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, – наши враги… Поэтому опасность, угрожающая России, – это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, – это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара». Черчилль от имени правительства обещал оказать «России и русскому народу всю помощь, какую только возможно».

Перед этой речью он сказал своему секретарю Джону Колвиллу: «У меня лишь одна цель – уничтожить Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по

меньшей мере благожелательно отозвался бы о Сатане в Палате общин».

В мемуарах Черчилль писал: «Сейчас нам предстоит вскрыть ошибочность и тщетность хладнокровных расчетов советского правительства и колоссальной коммунистической машины и их поразительное незнание собственного положения. Они проявили полное безразличие к участи западных держав, хотя это означало уничтожение того самого второго фронта, открытия которого им суждено было вскоре требовать. Они, казалось, и не подозревали, что Гитлер уже более шести месяцев назад принял решение уничтожить их. Если же их разведка поставила их в известность о переброске на Восток огромных германских сил, усиливавшейся с каждым днем, то они упустили многие необходимые шаги, которые следовало предпринять при этих обстоятельствах…

Война – это по преимуществу список ошибок, но история вряд ли знает ошибку, равную той, которую допустили Сталин и коммунистические вожди, когда они отбросили все возможности на Балканах и лениво выжидали надвигавшегося на Россию нападения или были неспособны понять, что их ждет. До тех пор мы считали их расчетливыми эгоистами. В этот период они оказались к тому же простаками. Сила, масса, мужество и выносливость матушки-России еще должны были быть брошены на весы. Но если брать за критерий стратегию, политику, прозорливость и компетентность, то Сталин и его комиссары показали себя в тот момент Второй мировой войны совершенно недальновидными».

Черчилль так и не узнал, что Сталин сам готовил нападение на Германию, причем 11 марта 1941 года был установлен предварительный срок начала будущего наступления – 12 июня. Однако Красная Армия не успела сосредоточить необходимые силы и средства, и вторжение было перенесено на июль, так что Гитлер успел ударить первым.

Ситуация на советско-германском фронте в августе 1941 года была неблагоприятна для Красной Армии. 19-го числа Сталин писал командующему Резервным фронтом Жукову: «Ваши соображения насчет вероятного продвижения немцев в сторону Чернигов – Конотоп – Прилуки считаю правильными. Продвижение немцев в эту сторону будет означать обход нашей Киевской группы с восточного берега Днепра и окружение нашей 3-й и нашей 21-й армий. Как известно, одна колонна противника уже пересекла Унечу и вышла на Стародуб. В предвидении такого нежелательного казуса и для его предупреждения создан Брянский фронт во главе с Еременко. Принимаются другие меры, о которых сообщу особо. Надеемся пресечь продвижение немцев».

Однако принимаемые меры не принесли результатов, и немцы все явственнее замыкали кольцо вокруг Киева. Сталин предчувствовал катастрофу. И всю надежду возлагал на скорейшее, чуть ли не в одночасье, открытие Англией Второго фронта на Западе.

28 августа 1941 года советский посол в Лондоне И.М. Майский с грифом «строго секретно» и с пометкой «немедленно» прислал запись своей беседы с британским министром иностранных дел Энтони Иденом. На следующий день ее расшифрованный текст был на столе у Сталина. Майский сообщал: «Вчера (26 августа. – *Б. Б.),* закончив вопросы, связанные с Ираном, я имел серьезный разговор с Иденом по вопросу о британской помощи СССР. Произошло это так, что Иден в общей форме спросил меня, каковы сейчас настроения в нашей стране. Я воспользовался случаем и, заявив, что говорю только от своего собственного имени, сказал ему примерно следующее.

Судя по целому ряду доходящих до меня сведений и симптомов, в очень широких кругах советского населения все больше возрастают чувства недоумения и разочарования в связи с позицией Англии. В самом деле, как создавшаяся ситуация должна представляться глазам советского человека? В течение 10 недель СССР ведет тягчайшую борьбу против обрушившейся на него, и только на него, германской военной машины, самой могущественной военной машины, какую видел мир. Наша армия и наш народ храбро дерутся и будут драться против сильного и жестокого врага, но потери наши велики: 700 тыс. человек, 5,5 тыс. танков, 4,5 тыс. самолетов, 7,5 тыс. орудий, а сверх того большое количество территорий, причем часть из них весьма ценных и важных с экономической и военной точек зрения. В течение всего этого времени, когда СССР напрягал и продолжает напрягать свои силы в труднейшей битве своей истории – что делала Англия?»

Неизвестно, из какого источника посол взял цифры советских потерь. Не исключено, что просто выдумал. Возможно, что именно у Майского Сталин позаимствовал цифру людских потерь. В речи, произнесенной на торжественном заседании 6 ноября 1941 года, Верховный Главнокомандующий утверждал, что за 4 месяца Красная Армия потеряла убитыми и пропавшими без вести 728 тыс. человек. Правда, о потерях в технике Иосиф Виссарионович предпочел вообще ничего не говорить. Ивану Михайловичу же приходилось добиваться от англичан поставок танков и самолетов, и он назвал потери повнушительнее, не зная, что истинная их величина гораздо выше. Только пленными к началу сентября 1941 года советские войска потеряли не менее

1.5 млн человек. К концу 1941 года Красная Армия, по официальным данным, безвозвратно потеряла 20.5 тыс. танков и 17,9 тыс. боевых самолетов, причем к сентябрю было потеряно не меньше половины от этого числа. Существует и более высокая немецкая оценка потерь советских самолетов в первые два месяца войны – 20 тыс. боевых машин.

Майский продолжал: «В середине июля советское правительство предлагало британскому правительству создание второго фронта на западе, однако по различным причинам, на которых я сейчас не хочу останавливаться, британское правительство отклонило это предложение. Но если британское правительство считало невозможным открывать фронт во Франции, то, казалось бы, тем легче оно могло оказать нам поддержку в другой форме – в форме широкого снабжения потребными нам авиацией, оружием и тому подобное. Говорю «тем легче», ибо, поскольку британское правительство решило, по крайней мере, на ближайший отрезок времени сохранять в основном оборонительно-выжидательную позицию, постольку оно, очевидно, в состоянии срочно перебросить часть своих военных ресурсов (имеющихся или подлежащих получению в непосредственном будущем) на тот участок антигерманского фронта, который находится в настоящий момент в состоянии максимальной активности. На самом деле этого не случилось. Англия не устраивает второго фронта и в то же время не дает нам самолетов и оружия, в сколько-нибудь серьезных количествах. Разумеется, мы благодарны британскому правительству за те 200 «томагавков» (истребителей «Харрикейн». – *Б. Б* .), которые были переданы нам около месяца назад и которые до сих пор еще не доставлены в СССР, но по сравнению с нашими потерями в воздухе, о которых я только что говорил, – что это значит? Или еще пример: мы просили у британского правительства крупных бомб (в мемуарах посол уточнил, что просили 60 таких бомб. – *Б.* Б.), – министр авиации в результате длинных разговоров в конце концов согласился исполнить нашу просьбу, но сколько же бомб он дал нам? Шесть бомб, – не больше и не меньше. Так обстоит дело с военным снаряжением. Чем еще Англия помогала СССР в течение этих 10 недель? В Лондоне очень любят подчеркивать: воздушным наступлением на Германию. Действительно, в этой области кое-что было сделано, и опять-таки мы за это кое-что готовы благодарить британское правительство. Однако Идену должно быть ясно, что бомбежки Германии, при всей своей несомненной полезности, не могут оказать сколько-нибудь серьезного влияния на положение дела на восточном фронте. Мало щипать бешеного зверя за хвост, надо бить его дубиной по

голове. Насколько мне известно, английские бомбежки не заставили немцев снять ни одной эскадрильи с нашего фронта.

Что еще мы имеем от Англии? Массу восторгов по поводу мужества и патриотизма советского народа, по поводу блестящих боевых качеств Красной Армии. Это, конечно, очень приятно (особенно после тех всеобщих сомнений в нашей боеспособности, которые господствовали здесь всего лишь несколько недель назад), но уж слишком платонично. Как часто, слыша похвалы, расточаемые по нашему адресу, я думаю: «Поменьше бы рукоплесканий, а побольше бы истребителей». В учете всего сказанного выше надо ли удивляться чувствам недоумения и разочарования, которые сейчас все больше закрадываются в душу советского человека? Ведь фактически так выходит, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем. Повторяю еще раз, я не имею никаких поручений от советского правительства говорить Идену все то, что я ему сейчас изложил, однако, как советский посол в Англии, который заинтересован в укреплении союза между нашими обеими странами, я считаю своим долгом вовремя предупредить Идена о создавшихся в СССР настроениях.

На Идена мои слова произвели очень сильное впечатление. Это видно было по его лицу, по всему его поведению. Иден сделал попытку защищать британское правительство, хотя чувствовалось, что он делает это без вдохновения, по обязанности. Да и неудивительно, ибо, как я уже сообщал Вам раньше, сам Иден является сторонником второго фронта и вообще самой энергичной помощи СССР. Иден говорил о том, что Англия еще не готова к вторжению во Францию, что США в области производства оружия и самолетов раскачиваются очень медленно, что британское правительство максимально разворачивает воздушное наступление на Германию, что в Иране между Англией и СССР уже практически создалась военная кооперация и что вообще на Ближнем Востоке эта кооперация имеет большие шансы на дальнейшее развитие и укрепление. В этой связи Иден упомянул, что в ближайшем будущем англичане, по всей вероятности, начнут наступательные операции в Ливии.

Я возразил, что, конечно, операция в Иране имеет важное значение, но это все-таки одна из подобных задач в нынешней войне. То же относится и к начинающейся операции в Ливии. Основная проблема состоит в том, как разбить Германию? Что думает по этому поводу британское правительство? Какова его генеральная стратегия в настоящее время? Я помню, как сразу после краха Франции в начале июля прошлого года Черчилль

ответил на мой вопрос о его генеральной стратегии очень кратко и красочно: «Моя генеральная стратегия, – сказал он, – состоит сейчас в том, чтобы выжить в течение ближайших 3 месяцев».

Сам Иден около того же времени, будучи военным министром, развивал мне мысль, что основной задачей британского правительства является превращение Великобритании в неприступную для германского вторжения крепость. Если это будет сделано, то Англия сможет лавировать, мобилизовать свои имперские ресурсы, искать себе союзника и вообще «смотреть и выжидать». И надо прямо сказать, в тот момент такая генеральная стратегия была понятна.

Позднее, зимой 1940–1941 годов, насколько мне известно, в руководящих кругах британского правительства стала утверждаться несколько иная концепция генеральной стратегии, а именно – накоплять силы, строить армию, создавать мощный воздушный флот и, не исключая отдельных ограниченных военных вылазок с острова в различных частях света, в основном готовить переход в большое наступление против Германии в более или менее отдаленном и непосредственном будущем – не то в 1942-м, не то в 1943 году. При этом главная ударная роль в таком наступлении отводилась огромному превосходству Англии в воздухе, которого британское правительство рассчитывало добиться с помощью США. Для меня лично никогда не было ясно, каким образом только что указанная стратегическая концепция должна привести к британской победе (не к избежанию поражения, а именно к победе) – и я в этом духе на протяжении минувшей зимы не раз говорил с Иденом и Батлером (заместителем министра иностранных дел Англии. – *Б. Б.)*. Но, пока Англия в борьбе против Германии оставалась одна, данная концепция, пожалуй, была неизбежна. С 22 июня военная ситуация в Европе круто изменилась, можно сказать, даже революционизировалась. Какова же сейчас генеральная стратегия британского правительства? В какой мере она перестроилась и перестроилась ли вообще в связи с тем колоссальной важности фактом, что у Англии наконец появился могущественный сухопутный союзник на востоке? Каким путем британское правительство собирается разбить Германию? Исключает ли оно вообще создание второго фронта на западе или же считает его невозможным только в данный момент? Все эти и многие другие вопросы, естественно, представляют интерес для советского человека, и я был бы рад, если бы Иден мог меня несколько просветить на этот счет.

Однако Иден не мог или не хотел сказать мне по данному поводу ничего определенного. Он опять упомянул о Ливии,

прибавил, что британское правительство в случае надобности готово всемерно помочь Турции, и выразил неясную надежду, что, может быть, британские силы (в частности, авиация) на определенном этапе войны смогут оказать нам активное содействие в районе Черного моря, в Проливах, на Украине и так далее. Все это было крайне туманно, и у меня невольно создалось впечатление, что у Идена сейчас нет какой-либо продуманной концепции в отношении генеральной стратегии войны. В заключение Иден сказал, что будет иметь разговор с премьером по всему комплексу затронутых мной вопросов и, в частности, по вопросу о генеральной стратегии. Я неуверен, имеет ли и Черчилль какую-либо продуманную концепцию, исходящую из новой ситуации, созданной германской атакой на СССР (он ведь, как и все вообще англичане, большой эмпирик), но видно было, что и у Идена такой концепции, безусловно, нет.

Когда я уже собирался уходить, Иден стал благодарить меня за мое откровенное сообщение. Ему, как человеку искренно стремящемуся к укреплению англо-советского союза, очень важно знать подлинные настроения советских кругов для того, чтобы вовремя принять меры для предупреждения каких-либо ненужных осложнений. «Имейте в виду, – с ударением прибавил Иден, – что и я, и премьер действительно хотим оказать СССР максимальную помощь. В силу разных причин это не всегда легко сделать. Но желание помогать у нас есть. А за политику прошлого правительства мы не считаем себя ответственными». Я ответил: «Если британское правительство действительно хочет укрепить советско-британский союз, то позвольте дать Вам один дружеский совет: не принимайте ответственных деклараций в середине Атлантического океана. Дело не в содержании декларации. Вчера я уже Вам говорил, что мы не имеем возражений против принципов, на которых построена декларация. Однако способ ее рождения кажется нам не соответствующим обстоятельствам. То, что произошло, создало впечатление, будто бы Англия и США воображают себя всемогущим господом богом, который призван судить весь остальной грешный мир, в том числе и мою страну. На такой базе союз нельзя будет укрепить». Иден страшно смутился и стал извиняться. По его словам, Черчилль, отправляясь в путь, не имел представления о том, что на свидании будет поднят вопрос о декларации. В этом вопросе инициатива принадлежит целиком Рузвельту. Когда он встретился с премьером, он вдруг вытащил из кармана проект декларации. Черчилль, конечно, не мог возражать против предложения Рузвельта. В результате родилась декларация из 8 пунктов, в окончательный текст которой, впрочем, английская

сторона внесла несколько существенных редакционных поправок.

В конечном счете я склонен думать, что наша реакция на декларацию плюс историю с созывом межсоюзнической конференции в Лондоне послужит британскому правительству хорошим уроком на будущее».

Позднее Майский вспоминал, что последовало за этой телеграммой: «…В ответ на мое донесение о беседе с Иденом я совершенно неожиданно получил телеграмму за подписью И.В. Сталина! Такие вещи случались очень редко. Обычно со мной переписывались либо нарком В.М. Молотов, либо один из его заместителей, чаще всего А.Я. Вышинский. Телеграмма была из ряда вон выходящая.

Сталин писал в ней, что он одобряет мой демарш перед Иденом. Его особенно радует, что в своем разговоре с британским министром иностранных дел я сумел так хорошо передать те настроения, которые господствуют сейчас среди советских людей в связи с поведением английского правительства. Советская страна переживает очень тяжелый момент, и немедленная и активная помощь ее союзника чрезвычайно важна и необходима.

Помню, я долго держал в руках телеграмму Сталина и все думал и передумывал, чем бы *я* мог еще помочь моей Родине».

Сегодня мы можем сравнить изложение сталинской телеграммы в мемуарах советского посла в Лондоне с ее полным текстом: «Лондон, советскому послу Майскому. Ваша беседа с Иденом о стратегии Англии полностью отражает настроения советских людей. Я рад, что Вы так хорошо уловили эти настроения. По сути дела Англопра (английское правительство. – *Б. Б.)* своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам. Гитлеровцы хотят бить своих противников поодиночке, – сегодня русских, завтра англичан. Англия своей пассивностью помогает гитлеровцам. То обстоятельство, что Англия аплодирует нам, а немцев ругает последними словами, – нисколько не меняет дела. Понимают ли это англичане? Я думаю, что понимают. Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления. Если это предположение правильно, нам надо быть осторожными в отношении англичан.

В последнее время наше положение на фронте ухудшилось в районе Украины и Ленинграда. Дело в том, что немцы перебросили с запада на наш фронт последние тридцать дивизий. Это ухудшило наше положение. Я уже не говорю о том, что в бои против нас втянуто также 20 дивизий финнов и 22 дивизии румын. Теперь против нас стоит на фронте более 300 дивизий. Примечательно, что немцы игнорируют английскую опасность на западе и считают ее блефом. Потому-то они так уверенно и

безнаказанно снимают с запада все сколько-нибудь годные дивизии. Откуда у немцев такая уверенность в пассивности англичан?

Если так будет продолжаться и англичане не расшевелятся, наше положение станет угрожающим. Выиграют ли от этого англичане? Я думаю, что проиграют.

Говоря между нами, должен сказать Вам откровенно, что если не будет создан англичанами второй фронт в Европе в ближайшие три-четыре недели, мы и наши союзники можем проиграть дело. Это печально, но это может стать фактом. Сталин».

Насчет последних 30 немецких дивизий, будто бы переброшенных Германией с запада на Восточный фронт, Сталин ошибался. На самом деле в августе и сентябре 1941 года во Франции и Бельгии вермахт располагал 36 пехотными дивизиями. В сентябре здесь была сформирована и одна танковая дивизия – 22-я взамен 2-й танковой, направленной на Восточный фронт для участия в генеральном наступлении на Москву. Не было в конце августа у Германии и ее союзников более 300 дивизий на советско-германском фронте. Вермахт и СС располагали здесь 156 дивизиями, которые были подкреплены 18 финскими, 3 итальянскими, 1 7 румынскими и 2 словацкими дивизиями и 5 румынскими, 3 венгерскими и 1 словацкой бригадой. В сумме получается не более 200,5 дивизии, если считать за 1 дивизию 2 бригады. В сентябре из Франции на восток была переброшена 1 пехотная и 1 танковая дивизии, еще 1 танковая дивизия прибыла из Германии. До 30 дивизий, о которых писал Сталин, было, как видим, очень далеко.

Майский в мемуарах ничего не сказал ни о подозрениях Сталина насчет намерений англичан обескровить Советский Союз, ни, главное, о страхе Верховного Главнокомандующего проиграть войну, если немедленно не будет открыт второй фронт. Иосиф Виссарионович действительно боялся такого исхода, ведь о возможности поражения он сообщал Майскому не для передачи британской стороне, а строго «между нами». В свете вышесказанного становится понятно, что именно посол предложил сделать Сталину, чтобы добиться максимальной помощи со стороны англичан.

Иван Михайлович утверждает в мемуарах: «В конце концов в голове у меня сложился определенный план. Я обратился к Сталину с просьбой направить Черчиллю… послание и в нем поставить два вопроса: об открытии второго фронта во Франции и о снабжении Красной Армии вооружением и военными материалами. Я предупредил Сталина, что по первому вопросу

никаких практических результатов не будет, однако важно было все время напоминать англичанам о необходимости второго фронта. Зато по второму вопросу, судя по господствующим в Лондоне настроениям, есть шансы получить что-либо реальное».
В своем послании Черчиллю от 3 сентября 1941 года Сталин утверждал: «Относительная стабилизация на фронте, которой удалось добиться недели три назад, в последние недели потерпела крушение вследствие переброски на Восточный фронт 30–34 немецких пехотных дивизий и громадного количества танков и самолетов, а также вследствие большой активности 20 финских и 26 румынских дивизий. Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с Запада свои силы на Восток… В итоге мы потеряли больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда… Все это привело к ослаблению нашей обороноспособности и поставило Советский Союз перед смертельной угрозой». Единственный выход из этого опасного положения Иосиф Виссарионович видел в том, чтобы «создать уже в этом году второй фронт где-либо на Балканах или во Франции, могущий оттянуть с Восточного фронта 30–40 немецких дивизий, и одновременно обеспечить Советскому Союзу 30 тысяч тонн алюминия к началу октября с. г. и ежемесячную минимальную помощь в количестве 400 самолетов и 500 танков (малых и средних). Без этих двух видов помощи Советский Союз либо потерпит поражение, либо будет ослаблен до того, что потеряет надолго способность оказывать помощь своим союзникам своими активными действиями на фронте борьбы с гитлеризмом».

То, что Сталин сообщал строго для сведения посла, Майский посоветовал официально довести до британского премьера, чтобы стимулировать того к быстрейшей отправке в СССР боевой техники и предметов снабжения. Иван Михайлович прекрасно понимал, что открыть второй фронт в Европе в ближайшее время англичане не в состоянии. Он свидетельствует: «5 сентября в 1 1 часов утра я уже находился в кабинете Идена… Здесь же за длинным столом сидели все три начальника штабов в сопровождении экспертов… Иден предоставил слово начальникам штабов, и каждый из них по своей специальности сделал весьма обстоятельные сообщения, смысл которых сводился к тому, что Англия в настоящее время не в состоянии открыть второй фронт во Франции или на Балканах. Я прослушал внимательно эти сообщения и затем сказал, что передам их содержание своему правительству… Я был лишен возможности как-либо проверить слова начальников штабов, а свои сомнения в правильности их выводов я не мог обосновать конкретными данными и фактами.

Зато в вопросах снабжения мои собеседники – как Иден, так и начальники штабов, – были куда более оптимистичны. Они полагали, что смогут удовлетворить всю заявку советского правительства, но с тем, что примерно половину этой заявки покроет Англия, а вторую половину – США… Выполнение своих поставок англичане обещали начать немедленно…»

Правда, Майский при передаче послания немного переборщил. Во время беседы с ним 4 сентября у Черчилля создалось впечатление, что Сталин может пойти на сепаратный мир, о чем он и написал в мемуарах: «Если Советская Россия будет побеждена, каким образом мы сможем выиграть войну? Майский в волнующих выражениях подчеркнул исключительную тяжесть кризиса, создавшегося на русском фронте, и его слова вызвали у меня сочувствие. Но когда я вдруг почувствовал в его призыве о помощи скрытую угрозу, я рассердился. Я сказал послу, которого знал много лет: «Вспомните, что еще четыре месяца назад мы, на нашем Острове, не знали, не выступите ли вы против нас на стороне немцев. Право же, мы считали это вполне возможным. Но даже тогда мы были убеждены в нашей конечной победе. Мы никогда не считали, что наше спасение в какой-либо мере зависит от ваших действий. Что бы ни случилось и как бы вы ни поступили, вы-то не имеете никакого права упрекать нас». А на следующий день британский премьер писал президенту Рузвельту: «Советский посол… говорил о серьезности положения и о том переломном значении, которое будет иметь наш ответ. Хотя ничего из сказанного им не дает повода для такого предположения, мы не могли избавиться от впечатления, что они, возможно, думают о сепаратном мире». Впрочем, как констатировал Майский: «Впечатление, создавшееся тогда у Черчилля от моих слов… было для нас даже полезно. Это заставило колеса британской политической и военной машины завертеться быстрее и, в частности, предоставить нам ленд-лиз».

В этом диалоге о втором фронте у каждой из сторон была своя правда. Сталин и Майский хотели любой ценой оттянуть немецкие дивизии с Восточного фронта, чтобы ослабить натиск на Красную Армию и хоть немного уменьшить громадные советские потери. Черчилль и Иден, в свою очередь, понимали, что крах СССР сделает невозможным британскую победу в войне в обозримом будущем, но одновременно сознавали, что обреченная на неудачу высадка во Франции и гибель там наиболее боеспособных дивизий поставит Англию на край пропасти.

Черчилль 5 сентября в телеграмме британскому послу в Москве Стаффорду Криппсу объяснил, почему открытие второго фронта в ближайшее время невозможно: «Все наши генералы

убеждены в том, что это (высадка. – *Б. Б.)* кончится только кровопролитными боями, в результате которых мы будем отброшены, а если нам удастся закрепиться на небольших плацдармах, то через несколько дней их все равно придется оставить. Побережье Франции укреплено до предела, и у немцев до сих пор еще больше дивизий на Западе, чему нас в Великобритании, причем они располагают сильной поддержкой с воздуха. У нас нет такого количества судов, которое необходимо для переброски большой армии на Европейский континент, если только мы не растянем эту переброску на много месяцев (англичане тогда из находившихся в метрополии 39 дивизий, включая 5 бронетанковых, были в состоянии высадить во Франции всего 6 дивизий, которые не имели никаких шансов на успех в борьбе против германской группировки на Западе. – *Б. Б.)*. Отвлечение наших флотилий для выполнения подобной операции парализовало бы поддержку армий на Среднем Востоке и полностью прекратило бы наше судоходство в Атлантическом океане. Это могло бы привести к проигрышу битвы за Атлантику, а также к голоду и гибели Британских островов».

Советский Союз, как известно, смог устоять в 41-ми без второго фронта, хотя в сентябре и октябре последовали катастрофы под Киевом и Вязьмой, и в германском плену оказалось еще более 1,5 млн человек. Не играл еще решающей роли и ленд-лиз, так как первые поставки прибыли в СССР только в конце года Однако Сталин имел еще резервы. 18 октября, после разгрома войск западного направления, он направил телеграммы в Уральский, Сибирский и Приволжский округа, требуя подготовить к концу ноября для введения в бой имеющиеся там 40 дивизий. У немцев же в тот момент резервов больше не было. Переброшенные с Востока свежие советские дивизии и обеспечили успех Красной Армии в битве под Москвой. Ленд-лиз стал играть важную роль позднее, обеспечив возможности для роста производства вооружения и боевой техники в СССР и обретения Красной Армией значительно большей мобильности.

Важной вехой в развитии советско-британского сотрудничества стал визит наркома иностранных дел В.М. Молотова в Англию в мае 1942 года. На четырехмоторном бомбардировщике Пе-8 на 10-километровой высоте Вячеслав Михайлович пролетел над оккупированной Европой. 20 мая 1942 года Молотов прибыл в Лондон. 26 мая он подписал здесь вместе с главой «Форин Офиса» Энтони Иденом договор «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны». Английский проект договора не предусматривал признания советских

территориальных приобретений 1939–1941 годов, сделанных согласно секретным протоколам к договорам с Германией о ненападении и о дружбе и границе. Молотов и Майский направили Сталину телеграмму, где расценили английский проект как неприемлемый. Но Сталин приказал немедленно подписать договор на английских условиях и вылететь в Америку, с тем чтобы добиться от союзников открытия второго фронта в 1942 году.

21 мая 1942 года, согласно советской записи беседы британского премьера с главой советской дипломатии, «переходя к вопросу о втором фронте, Черчилль говорит, что он хотел бы сделать следующее замечание. Как Великобритания, так и США готовы вторгнуться на Европейский континент самыми большими силами. Английское правительство рассматривает в настоящее время вопрос о создании в Европе второго фронта и о поднятии (raise) народов, находящихся под нацистской тиранией, и освобождении этих народов. Английское правительство все сделает, чтобы осуществить эту задачу. В связи с этим вопросы, которые надо обсудить, – это вопросы технического и тактического порядка: проблема транспорта, тоннажа, десантных средств, воздушной обороны противника и т. д. В настоящее время все эти вопросы изучаются английскими военными специалистами. Он, Черчилль, хотел бы сообщить о том, что во время встречи с Рузвельтом в августе прошлого года он обсуждал эти вопросы с Рузвельтом и еще тогда просил его принять меры к созданию необходимых количеств десантных средств. Он еще раз просил Рузвельта об этом во время своей последней встречи с ним в январе этого года. Рузвельт обещал принять соответствующие меры с целью создания необходимого количества десантных средств. Англия также работает над разрешением этой проблемы и готовится к вторжению с максимальной энергией. Мы, говорит Черчилль, готовы серьезно рисковать, если имеется обоснованная надежда на успех наших операций.

Черчилль заявляет, что завтра на совещании Молотов ознакомится с физическими возможностями английского правительства. Второй фронт в Западной Европе будет создан, как только появятся соответствующие условия для вторжения. Но в настоящее время английское правительство связано в своих возможностях.

Молотов в своем ответе Черчиллю заявляет, что он разделяет его мнение, что дружба наших стран вытекает из исторических условий и соответствует глубоким интересам обеих стран. Поскольку наши страны нашли общий язык и поскольку теперь

будут уточнены интересующие их вопросы, то он, Молотов, полагает, что дружба даст свои результаты и в послевоенное время. Что касается второго фронта, то Молотов заявляет, что он понимает соображения, изложенные Черчиллем, но он надеется, что вопрос о втором фронте может быть решен положительно в смысле ближайшего срока.

Черчилль заявляет, что он понимает срочность вопроса о создании второго фронта. Каждому ясно, что трудности вторжения могут увеличиваться. Но он хотел бы, чтобы Молотов ознакомился с возможностями реализации в настоящее время этого желания обоих правительств».

В ночь на 22 мая Молотов телеграфировал Сталину: «На утреннем заседании с Черчиллем я изложил цели моего приезда: обсуждение и, по возможности, решение вопроса о договорах и вопроса о втором фронте, упомянув о возможности рассмотрения и других вопросов. При этом я подчеркнул особую важность и срочность вопроса о втором фронте, сославшись на инициативу Рузвельта, в связи с приглашением меня в США по этому вопросу. Черчилль не возражал, но присовокупил, что британское правительство тоже, может быть, найдет какие-либо «другие вопросы» для рассмотрения. Я согласился…

Черчилль заявил о важности идти в ногу с США и о нежелании нарушать «Атлантическую хартию», ссылаясь на трудности с признанием наших проектов договоров в парламентских кругах Англии. Черчилль заявил, что целью британского правительства является обеспечение дружбы и доверия между тремя державами – СССР, Англии и США, ибо на плечи этих держав после победы ляжет руководство делами мира. Если такая дружба будет, все остальное приложится. Поэтому-де не следует создавать затруднений в заключении договоров.

На это я ответил, что… минимальным для нас является восстановление того, что было нарушено Гитлером, плюс дополнительные минимальные гарантии безопасности, прежде всего на северо-западе и на юго-западе от границ СССР. Если британское правительство считает, что соглашение на данной базе сейчас невозможно, то лучше отложить вопрос о договорах до более благоприятного будущего…

По вопросу о Польше была длительная дискуссия. При этом я доказывал, что из желания пойти навстречу Англии мы предлагаем компромисс, в котором мы делаем большую уступку, не требуя сейчас согласия Англии на восстановление советско-польской границы 1941 года и обещая этот вопрос дружественно урегулировать непосредственно с Польшей, а Англии предлагаем сделать меньшую, а именно не подтверждать своего заявления от

30 июля 1941 года (нота британского правительства польскому правительству в изгнании о непризнании английским правительством территориальных изменений, которые были произведены в Европе с 1939 г. – *Б. Б.)*. Иден настаивал, что Англия не может отказаться от подтверждения этого заявления, но согласился не вносить ничего в договор…»

22 мая состоялась еще одна беседа Черчилля и Молотова. Молотов повторил, что «советско-германский фронт имеет огромную протяженность, что это фронт весьма активный и напряженный уже в течение многих месяцев. Ему нечего доказывать не только военным, но и невоенным, что ближайшие недели и месяцы будут особенно напряженными и чреватыми опасностями для СССР, а значит и для наших союзников. Когда наши войска этой зимой били немецкую гитлеровскую армию, они в то же время готовились к событиям весны и лета 1942 года. Мы испытывали большое напряжение зимой, ведя наступательные операции в трудных условиях, но мы считали, что это будет наилучшей подготовкой к разгрому гитлеровской армии разбойников. Но Гитлер не собирается сдаваться. С ним можно покончить только силой и упорной борьбой. Главная тяжесть борьбы и разгрома гитлеровских войск находится на плечах нашей армии. Она гордится этой честью. Особенно трудным периодом будут ближайшие недели и месяцы, когда должна быть предпринята отчаянная попытка гитлеровской армии, чтобы нанести Красной Армии удар. Отсюда вытекает сегодняшняя постановка вопроса о втором фронте. Присутствующим известно, что на обеих сторонах советско-германского фронта стоят огромные вооруженные силы с огромным вооружением. Свою и при этом почетную роль в поставках этого вооружения для СССР сыграли и играют Англия и США. Но сейчас вопрос стоит для нас более остро, чем когда-либо за период советско-германской войны, и поэтому сейчас дело заключается не только в усилении снабжения, но и в открытии второго фронта, что стало теперь столь актуальным и срочным делом… с обеих сторон стоят друг против друга и частично уже приступили к решающим летним операциям миллионы вооруженных людей. Мы не знаем точного соотношения сил обеих сторон. Но мы считаем вероятным и исходим из предположения, что силы противника превосходят наши силы, и этим объясняется трудное положение наших армий в данный период (в действительности численное превосходство как в людях, так и в технике в тот момент, как и практически на протяжении всей войны, было на советской стороне. Но благодаря превосходству в уровне подготовки личного состава и лучшего командования вермахт тогда одерживал победы. – *Б. Б.)*. Мы, во

всяком случае, считаем, что в данный момент после тяжелых 11 месяцев войны с Германией и после того, как Гитлер мерами насилия, гнета и принуждения ограбил почти всю Европу и навербовал в свою армию всякими средствами огромные полчища солдат из союзных с Германией стран, нам не приходится закрывать глаза на то, что перевес сил, возможно, находится на стороне нашего непримиримого врага… могут ли Союзники Советского Союза и, в первую очередь, Великобритания оттянуть от нашего фронта летом и осенью 1942 года хотя бы 40 германских дивизий и связать их боями в Западной Европе. Если это будет сделано, тогда вопрос разгрома Гитлера был бы решен в 1942 году, и во всяком случае этот разгром был бы тогда предрешен уже в текущем году».

Черчилль ответил, что «во всех прежних войнах господство на море давало державе, которая им обладала, большие преимущества в смысле возможности высадки десанта по своему желанию на побережье противника, так как противнику было невозможно быть повсюду в состоянии готовности для встречи вторжения с моря. Применение авиации совершенно изменило положение дела. Например, во Франции и в Голландии противник мог бы в течение нескольких часов перебросить свои воздушные силы в любые угрожаемые точки побережья. Горький опыт показал, что десантная операция… не была разумным военным предложением. Неизбежным последствием было то, что мы были лишены возможности использовать значительную часть побережья для высадки десанта. Мы были вынуждены поэтому изучить наши возможности в тех пунктах побережья, в которых превосходство нашей истребительной авиации позволило бы завоевать господство в воздухе. Наши возможности оказались ограниченными пределами Па-де-Кале, оконечностью у Шербура и частью района Бреста. Вопрос о высадке десанта в этом году в одном из этих районов изучается, и с максимальной энергией ведется подготовка. Наши планы строятся на предположении, что высадка последовательными волнами десантных атакующих войск вызовет воздушные бои, которые, если они будут продолжаться в течение недели или 10 дней, окончатся фактическим уничтожением авиационной мощи на континенте. Когда это будет достигнуто и воздушное сопротивление будет ликвидировано, десанты в других пунктах побережья могли бы быть произведены под прикрытием превосходящих сил нашей морской мощи. Решающее значение в осуществлении наших планов и приготовлений имеет наличие специальных десантных средств, необходимых для того, чтобы произвести высадку начального десанта на весьма сильно защищенном побережье

противника. К сожалению, наши ресурсы в области специального типа этих средств пока весьма ограничены. В августе прошлого года на встрече в Атлантике он, Черчилль, убедил президента Рузвельта в срочной необходимости для США приступить к строительству возможно большего количества танковых десантных и других судов, нужных для вторжения».

Фактически Черчилль намекал, что в 1942 году десанта во Франции не будет, но Молотов этот намек не сразу понял. И британскому премьеру пришлось высказаться на этот счет более подробно.

Черчилль отметил, что «нельзя ожидать, что США будут располагать необходимыми вооруженными силами раньше конца 1942 года и что в этом году мы будем располагать большим количеством десантных средств, в которых столь сильно нуждаемся. На 1 августа мы будем иметь только 383 единицы; на 1 сентября – 566 единиц. В 1943 году мы будем располагать значительно большим числом судов, и мы смогли бы высадиться на побережье противника в пяти или шести пунктах в любом месте от Нордкапа до Байонны… при самой доброй воле и старании невероятно, что какая-нибудь операция, которую мы могли бы предпринять в 1942 г., если бы она даже была успешной, оттянула бы значительное количество наземных вооруженных сил противника с Восточного фронта. В воздухе, однако, положение иное: на различных театрах войны мы сковываем уже значительные силы истребительной и бомбардировочной мощи германской авиации. Если бы план проведения воздушных сражений над континентом оказался успешным, немцы предстали бы перед выбором: либо перед уничтожением всей своей истребительной авиации на Западе, либо перед необходимостью переброски части своих воздушных сил с Востока.

Второй вопрос относится к предложению г. Молотова, что наша цель должна состоять в том, чтобы оттянуть не менее 40 германских дивизий из России. Следует отметить, что в настоящее время против нас в Ливии действуют 11 дивизий «оси», из которых 3 германские, в Норвегии находится эквивалент 8 германских дивизий, и 25 дивизий находятся во Франции и Голландии. Всего 44 дивизии.

Американское правительство разделяет желание и решимость английского правительства возможно скорее и возможно большими силами вторгнуться на Европейский континент. Английское правительство рассчитывает произвести эту операцию в 1943 году, когда для этой цели как Англия, так и США будут располагать 1–1,5 миллиона американских и английских войск.

Английское правительство готовится к высадке десанта, большого количества войск на большом количестве судов. Если бы высадка десанта была возможна в 1942 году, то Америка не смогла бы принять в этом активного участия из-за недостатка войск и десантных средств».

Отвечая на вопрос Молотова, Черчилль сказал, что «в настоящее время на Британских островах находится эквивалент 40 дивизий, из которых 20 являются действительно мобильными дивизиями.

Эти дивизии не участвуют в военных действиях. Если бы они участвовали, тогда Англия не имела бы в своем распоряжении сил для защиты островов. Причем он должен сказать, что из этого количества дивизий ежемесячно покидает английские острова 50 тыс. войск для участия в военных действиях на Среднем и Дальнем Востоке. В апреле и марте Великобритания имела на Среднем Востоке, начиная от Персии и кончая Ливией, 16 дивизий, в Индии 7 дивизий. Причем английские потери в результате военных действий с японцами составляют 4–5 дивизий».

На практике получалось, что для вторжения во Францию можно было использовать не более 20 дивизий, из которых, с учетом наличия десантных и транспортных средств, можно было реально высадить на побережье не более 5–6 дивизий, которые были бы гарантированно обречены на уничтожение.

Черчилль оговорился, что «мы не знаем, каковы резервы или ресурсы Красной Армии. Прошел год с начала советско-германской войны. Многие военные специалисты других стран, включая германских, думали, что СССР скоро потерпит поражение. Вопреки этим предположениям Гитлер потерпел ряд поражений, в особенности зимой. При этом бои на советско-германском фронте происходили и происходят в условиях, когда Красная Армия захватывает все больше и больше инициативу в свои руки. Английское правительство не может на основании информации своей разведки отметить концентрации значительных германских сил для большого наступления. Английское правительство отметило лишь, что германское наступление, которое было зафиксировано на май, отложено теперь до середины июня. Это имеет существенное значение. Английское правительство полагает, что наступление Гитлера в этом году будет менее сильным, чем в прошлом году. Но мы в этом не уверены. Он, Черчилль, еще раз повторяет, что он не знает ресурсов советских армий и не спрашивает о них своих гостей».

Британский премьер оказался плохим пророком. Как раз в

дни молотовского визита германские войска громили советскую группировку под Харьковом. А накануне начала визита были разгромлены советские войска на Керченском полуострове. Генеральное же немецкое наступление к Сталинграду и Кавказу действительно не уступало по размаху наступательным операциям 1941 года.

От конкретизации советских сил и средств Молотов уклонился, ограничившись заявлением, что «мы – советское правительство и великий народ СССР – верим в свои силы. Но мы должны считаться и с возможностью серьезных опасностей. В связи с этим он, Молотов, хотел бы спросить Черчилля, какова будет позиция Великобритании, если СССР в 1942 году не выдержит в предстоящих боях напора, который Гитлер наверняка постарается сделать максимальным?»

Черчилль ответил: «Если русские будут побеждены или советская военная мощь будет серьезно подорвана немцами, Гитлер, по всей вероятности, двинет как можно больше своих войск и воздушных сил на Запад с целью вторжения в Великобританию. Он может также ударить через Баку на Кавказ и Персию. Это поставило бы нас перед серьезнейшей опасностью, и мы бы ни в коем случае не чувствовали уверенности в том, что располагаем достаточным количеством сил для отражения этого удара. Поэтому наше благополучие зависит от сопротивления советской армии. Тем не менее, если против ожидания советская армия будет побеждена и наступит худшее из худших, мы будем драться и надеемся с помощью Соединенных Штатов завоевать подавляющее превосходство в воздухе, которое в течение следующих 18 месяцев или 2 лет даст нам возможность подвергнуть уничтожающим атакам германские города и промышленность. Более того, мы будем поддерживать блокаду и высаживать на континент десанты во все более увеличивающемся количестве. В конце концов мощь Великобритании и Соединенных Штатов одержит верх. Нельзя пройти мимо того факта, что после падения Франции Великобритания одна противостояла в течение целого года многочисленным гитлеровским победоносным дивизиям, обладая лишь плохо вооруженными войсками.

Но это явилось бы трагедией для человечества – такое продолжение войны, и совершенно искренней является наша надежда на русскую победу и горячо желание взять на себя нашу долю участия в сокрушении дьявольских сил. Он, Черчилль, хотел бы, чтобы г. Молотов понял, что заветным желанием британской нации и армии является желание сразиться с врагом возможно скорее и тем помочь *мужественной* борьбе русской армии и

народа.

В заключение Черчилль просил Молотова принять во внимание трудность вторжения с моря. После того как Франция вышла из войны, мы в Великобритании оказались почти безоружными, имели всего лишь несколько плохо вооруженных дивизий, меньше чем 100 танков и меньше чем 200 пушек. И все-таки Гитлер не сделал попытки вторжения по причине того, что он не мог завоевать господства в воздухе. Такая же трудность стоит перед нами в настоящее время».

Интересно проанализировать, как бы продолжалась война, если бы Советский Союз в 1942 году действительно потерпел поражение и уровень его сопротивления после захвата немцами Сталинграда и Кавказа значительно упал. Тогда на Восточном фронте осталось бы 60–70 дивизий. Остальные Гитлер перебросил бы на Запад или демобилизовал. Перебросить дополнительные дивизии в район Средиземноморья было бы затруднительно из-за противодействия Британского флота и англо-американской авиации. Поэтому ход борьбы на этом театре военных действий вряд ли бы существенно изменился по сравнению с тем, как это происходило в действительности. Вероятнее всего, операция «Факел» – высадка союзных войск во французской Северной Африке, и в случае поражения Красной Армии все равно была бы осуществлена осенью 1942 года, и наступление Роммеля в Египте было бы остановлено, а затем не позднее середины 1943 года итало-германская армия была бы уничтожена. Наступление же германских войск на Иран в 1942 году и в случае советского поражения представлялось крайне маловероятным из-за очевидных трудностей снабжения. К тому же британская группировка в Иране наверняка была бы усилена отступившими в Иран советскими войсками и новыми американскими дивизиями, которые бы перебросили для защиты нефтяных месторождений. Скорее всего, прогноз Черчилля в целом бы оправдался. Благодаря гигантскому американскому промышленному потенциалу западные союзники достигли бы господства в воздухе. Переброска соединений Люфтваффе с Восточного фронта на Запад никак не компенсировала бы гигантское превосходство американской авиапромышленности. Точно также даже полный выход СССР из войны не мог бы никак предотвратить победу западных союзников в битве за Атлантику в 1943 году, поскольку против Советского Союза Германия использовала лишь ничтожные силы флота.

Скорее всего, не позднее, чем к концу 1944 года, Англия и США сумели бы захватить плацдармы в Южной Италии и в Нормандии. Отбить эти плацдармы, прикрытые большими силами

флота и авиации, немцы бы не смогли. Но и союзники вряд ли смогли бы в то время развернуть с этих плацдармов наступление в глубь Франции и Италии, поскольку у вермахта было бы достаточно сухопутных сил, в том числе танковых дивизий, чтобы остановить англо-американское наступление. Перелом наступил бы после появления у Америки атомных бомб в июле 1945 года (а к созданию атомного оружия Черчилль приложил немало усилий, сразу оценив его перспективность). Принимая сложившуюся ситуацию, против Японии, участь которой уже была решена, дефицитные атомные бомбы никто применять бы не стал. Их обрушили бы на Германию, причем не позднее конца 1945 года (к тому времени США могли накопить полтора-два десятка атомных зарядов). Ведь американцы и англичане не знали, что германский атомный проект отстает от американского на два с половиной года (крах советского сопротивления на ускорение темпов его реализации никак повлиять не мог), и медлить с применением оружия, способного переломить ход войны, конечно же, не стали бы. Только Гитлеру, боюсь, для капитуляции двух атомных бомб было мало, и, скорее всего, на Германию пришлось сбросить бы 10–15 ядерных бомб. После этого фюрера, скорее всего, свергли бы собственные генералы и фельдмаршалы, осознав безнадежность сопротивления. Германия лежала бы в радиоактивных развалинах. Ее единолично оккупировали бы английские и американские войска, возможно, с позднейшим привлечением французских. В Польшу вернулось бы из Лондона польское правительство в изгнании, а Советскому Союзу в лучшем случае осталась бы довоенная граница 1939 года, да и не факт, что СССР не распался бы после победы союзников. Потери же союзников в людях в этом случае вряд ли бы сколько-нибудь существенно превысили их реальные потери в 1942–1945 годах, памятуя, что американские и британские генералы в отличие от советских отнюдь не мостили дорогу к победе трупами собственных солдат, а больше полагались на технику. Не случайно германские генералы, которым довелось сражаться и на Восточном, и на Западном фронтах, вспоминали, что если в России они имели дело с солдатами, к которым было приложено большое количество вооружений и техники, то на Западе ход событий определялся исключительно техникой, к которой солдаты были лишь приложением.

Черчилль, разумеется, в мае 1942 года не мог знать, что американские атомные бомбы удастся применить еще до конца Второй мировой войны. Скорее всего, в тот момент надежду на конечный успех Англии и США он связывал с тем, что со временем, к году 44-45-му, перевес союзников в авиации,

артиллерии и танках станет столь подавляющим, что германскую армию удастся буквально «выбомбить» из Франции и Италии, а заодно разрушить основные стратегические предприятия военной промышленности, в том числе заводы по производству горючего. Вероятно, рано или поздно так произошло бы.

Вечером 22 мая произошла еще одна встреча Черчилля и Идена с Молотовым.

Иден согласился не упоминать в договоре о подтверждении его заявления от 30 июля 1941 года на имя Сикорского. В тот же вечер Молотов телеграфировал Сталину: «Проявляя специальное личное внимание ко мне (завтрак, обед, длительная личная беседа до поздней ночи в Чекерсе), Черчилль по существу двух основных вопросов ведет себя явно несочувственно нам. В последней беседе он дал понять, что лучше отложить подписание обоих договоров, так как трудно договориться, не обидев США..

Все последние беседы создают у меня впечатление, что Черчилль выжидает событий на нашем фронте и сейчас не торопится договариваться с нами.

23 мая Сталин сообщил Молотову, что под Харьковом «дела у Тимошенко пошли *хуже.* Он надеется выправить положение».

Молотов полагал, что не следует подписывать союзный договор, не содержавший признания советских границ июня 1941 года. Но в 18.30 24 мая он получил телеграмму Сталина, где неожиданно прочел:

«Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах или, скорее, о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны будем решать силой…

Желательно поскорее подписать договор и после этого вылететь в Америку».

26 мая 1942 года был подписан Договор между СССР и Соединенным Королевством Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Пойти на подписание договора, в котором не содержалось признания советских аннексий, сделанных согласно секретным протоколам к пакту Молотова – Риббентропа и к советско-германскому договору на границе, Сталина заставило тяжелое положение на фронте, тяжелые поражения, которые потерпели советские войска на Керченском полуострове и под Харьковом.

В этих условиях советскому руководителю надо было прежде

всего продемонстрировать Германии единство союзников и все растущую поддержку СССР со стороны западных держав.

Черчилль охарактеризовал Молотова следующим образом: «Человек, которого Сталин тогда выдвинул на трибуну советской внешней политики, заслуживает описания, которым в то время не располагали английское и французское правительства. Вячеслав Молотов – человек выдающихся способностей и хладнокровно беспощадный…

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезной, и если в ней упорствовали, она заканчивалась ложью и оскорблениями. Лишь однажды я как будто добился от него естественной, человеческой реакции. Это было весной 1942 года, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов, мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный перелет на родину. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались в целях сохранения тайны, я крепко пожал ему руку, и мы взглянули друг другу в глаза. Внезапно он показался мне глубоко тронутым. Под маской стал виден человек. Он ответил мне таким же крепким пожатием. Мы молча сжимали друг другу руки. Однако тогда мы были прочно объединены, и речь шла о том, чтобы выжить или погибнуть вместе. Вся его жизнь прошла среди гибельных опасностей, которые либо угрожали ему самому, либо навлекались им на других. Нет сомнений, что в Молотове советская машина нашла способного и во многих отношениях типичного представителя – всегда верного члена партии и последователя коммунизма. Дожив до старости, я радуюсь, что мне не пришлось пережить того напряжения, какому он подвергался, – я предпочел бы вовсе не родиться».

Британский премьер также особо отмечал: «Для того чтобы выторговать более выгодные условия в переговорах, Сталин и Молотов считали необходимым скрывать свои истинные намерения до самой последней минуты. Молотов и его подчиненные проявили изумительные образцы двуличия во всех сношениях с обеими сторонами». Что ж, это нормальный дипломатический прием, обычный для дипломатов всех стран мира. Наверняка Черчилль и Иден не раз действовали точно так же. Но в отличие от Молотова и Сталина руководители Англии и США не скрывали от советского союзника реальной численности своих вооруженных сил и их оснащенность боевой техникой, а также стоящие перед ними тактические, логистические и иные проблемы, в том числе и тяжелые потери, которые они несли, тогда как Сталин и Молотов в общении с западными союзниками ограничивались общими пропагандистскими формулами или

совершенно фантастическими цифрами.

Черчилль так изложил ход своих первых переговоров с Молотовым в Лондоне в письме Рузвельту: «Молотов начал с сообщения о том, что советское правительство поручило ему поехать в Лондон для обсуждения вопроса о создании второго фронта. Это не было новой проблемой. Впервые она была поставлена около десяти месяцев назад, а затем сравнительно недавно толчок этому был дан президентом Рузвельтом, который предложил г-ну Сталину, чтобы он (г-н Молотов) отправился в Соединенные Штаты обсудить этот вопрос. Хотя в данном случае инициатива исходила от Соединенных Штатов, советское правительство сочло целесообразным, чтобы он поехал в Соединенные Штаты через Лондон, поскольку именно на Великобританию должна выпасть первоначально главная задача по организации второго фронта.

Цель его визита – выяснить, как рассматривает английское правительство перспективу отвлечения в 1942 году по меньшей мере 40 германских дивизий из СССР, где в данный момент перевес в вооруженных силах принадлежит, по-видимому, немцам.

Отвечая Молотову, я изложил ему суть наших общих взглядов по поводу будущих операций на континенте. Во всех предыдущих войнах контроль на море давал державе, обладавшей им, великое преимущество – возможность высадиться по желанию на неприятельском побережье, поскольку противник был не в состоянии подготовиться во всех пунктах к отражению вторжения с моря. Появление авиации изменило все положение. Например, во Франции, Бельгии и Голландии противник может за несколько часов перебросить свою авиацию к угрожаемым пунктам в любой части побережья, а горький опыт показал, что высадка десанта при наличии сильного неприятельского сопротивления в воздухе не является разумным военным предприятием.

Неизбежным последствием этого является то, что значительные участки побережья континента не могут быть использованы нами в качестве мест для высадки войск и судов. Поэтому мы вынуждены изучать свои шансы на высадку в тех районах побережья, где наше превосходство в истребительной авиации дало бы нам контроль в воздухе. По сути дела, наш выбор сводится в Па-де-Кале, оконечности Шербурского полуострова и части района Бреста. Проблема высадки войск в этом году в одном или нескольких из этих районов изучается, и подготовка ведется. В своих планах мы исходим из предположения, что высадка последовательными эшелонами штурмовых войск вызовет воздушные бои, которые, в случае если

они продолжатся неделю или десять дней, приведут к фактическому уничтожению неприятельской авиации на континенте. Когда это будет достигнуто и сопротивление в воздухе ликвидировано, в других пунктах побережья смогут быть высажены десанты под прикрытием нашего превосходящего по силе морского флота.

Критическим моментом в разработке наших планов и в приготовлениях является вопрос о специальных десантных судах, необходимых для осуществления первоначального десанта на весьма сильно обороняемом неприятельском побережье. К несчастью, наши ресурсы в отношении этого специального типа судов в данный момент строго ограничены. Я сказал, что уже в августе прошлого года, во время встречи в Атлантическом океане, я доказал президенту Рузвельту неотложную необходимость постройки Соединенными Штатами как можно большего числа танкодесантных и других десантных судов. Позднее, в январе этого года, президент согласился на то, чтобы Соединенные Штаты предприняли еще большие усилия в деле строительства этих судов. Мы, со своей стороны, на протяжении более чем года выпускаем столько десантных судов, сколько это допускает наша потребность в строительстве судов для военного и торгового флотов, понесших тяжелые потери.

Однако следует иметь в виду два момента. Во-первых, при всем желании и несмотря на все старания маловероятно, чтобы любой шаг, который мы смогли бы предпринять в 1942 году, будь он даже успешным, отвлек с Восточного фронта крупные контингенты неприятельских сухопутных сил. В воздухе, однако, положение другое: на различных театрах военных действий мы уже сковываем около половины истребительной и одну треть германской бомбардировочной авиации. Если наш план навязывания воздушных сражений над континентом окажется успешным, немцы, возможно, столкнутся с необходимостью выбирать между уничтожением в боях всей их истребительной авиации на Западе и отвлечением части своих военно-воздушных сил с Востока.

Второй момент касается предложения г-на Молотова о том, что нашей целью должно быть отвлечение из России не менее 40 германских дивизий (включая те, которые сейчас находятся на Западе). Следует отметить, что в настоящий момент перед нами в Ливии стоят 11 дивизий «оси», из которых 3 – германские, в Норвегии – эквивалент 8 германских дивизий и во Франции, Голландии и Бельгии – 25 германских дивизий. Это составляет в общей сложности 44 дивизии.

Но мы этим не удовлетворяемся, и если можно будет

предпринять какие-то дальнейшие усилия или разработать план облегчения в этом году бремени, лежащего на России, мы не поколеблемся сделать это при условии, что этот план будет здравым и разумным. Ясно, что ни делу русских, ни делу союзников в целом не принесло бы пользы, если бы, действуя любой ценой только для того, чтобы действовать, мы предприняли операцию, которая кончилась бы катастрофой и дала бы противнику повод для похвальбы, а нас ввергла бы в замешательство.

Молотов сказал, что он не сомневается в том, что Англия искренне желает успеха советской армии в боях против немцев этим летом. Каковы же, с точки зрения английского правительства, перспективы на советский успех? Каковы бы ни были его взгляды, он будет рад услышать откровенное выражение мнения – будь то хорошее или плохое.

Я сказал, что без детального знания ресурсов и резервов обеих сторон трудно составить твердое суждение по этому вопросу. В прошлом году военные эксперты, включая германских, думали, что советскую армию можно подавить и одолеть. Оказалось, что они полностью ошиблись. В конечном результате советские силы нанесли поражение Гитлеру и чуть не привели его армию к катастрофе. Поэтому союзники России глубоко верят в силу и способности советской армии. Данные разведки, которыми располагает английское правительство, не указывают на то, что немцы сосредоточивают огромные силы на каком-то отдельном участке Восточного фронта. Кроме того, сейчас представляется маловероятным, чтобы широкое наступление, возвещенное на май, произошло раньше июня. Во всяком случае, не похоже на то, чтобы гитлеровское наступление в этом году могло быть таким сильным и таким угрожающим, как наступление 1941 года.

Тогда Молотов спросил, каково будет положение и позиция английского правительства в случае, если советская армия не выдержит в течение 1942 года.

Я сказал, что, если бы советская военная мощь серьезно сократилась в результате германского натиска, Гитлер, по всей вероятности, перебросил бы как можно больше войск и авиации на Запад с целью вторжения в Великобританию. Он может также нанести удар на юг через Баку по Кавказу и Персии. Это последнее наступление подвергло бы нас величайшим опасностям, и мы отнюдь не должны быть уверены, что у нас достаточно сил, чтобы его отразить. Поэтому наша судьба связана с сопротивлением советской армии. Тем не менее, если вопреки ожиданиям она будет разбита и если наступит самое худшее, мы будем продолжать борьбу дальше. В конечном счете силы

Великобритании и Соединенных Штатов взяли бы верх. Но какой трагедией для человечества явилось бы такое затягивание войны! Какие серьезные надежды возлагаются на русскую победу и как горячо стремление к тому, чтобы мы сыграли свою роль в победе над злобным врагом!

Под конец нашего разговора я попросил г-на Молотова помнить о трудностях вторжения через море. После того как Франция выпала из войны, Великобритания осталась почти оголенной, имея несколько плохо снаряженных дивизий, менее сотни танков и менее 20 полевых орудий. И все же Гитлер не попытался предпринять вторжение в силу того, что он не мог добиться господства в воздухе. Те же трудности стоят перед нами в настоящее время».

Легко убедиться, если сравнить мемуары Черчилля с советскими документами, что британский премьер совершенно объективно изложил ход майских переговоров с Молотовым в Лондоне, ничуть не исказив происходившего и не выказав никакого недоброжелательства к советскому партнеру. Вопреки распространенному мнению, воспоминания Черчилля не содержат каких-либо заметных искажений действительности, хотя в них, как и во всяких мемуарах политика, кое о чем умалчивается, как мы увидим далее в случае с планом «Немыслимое».

Добиться открытия второго фронта в 1942 году в Европе Молотову не удалось – для десанта через Ла-Манш у союзников не было необходимых средств, прежде всего транспортных. А вот союзный договор с Англией был подписан сроком на 20 лет. Но он не содержал признания границ Советского Союза, обретенных в результате пакта Молотова – Риббентропа, хотя Сталин и настаивал на этом.

После Лондона Молотов отправился в США, чтобы обсудить проблему второго фронта с президентом Рузвельтом. По возвращении Молотова из Вашингтона в Лондон они вместе с Иденом обнародовали 11 июня 1942 года коммюнике, где говорилось, что «во время переговоров была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году». Но это коммюнике призвано было только дезориентировать немцев. И Молотов, и Черчилль уже знали в тот момент, что в 1942 году никакого второго фронта в Европе не будет. Союзники ограничились высадкой в Северной Африке. Перед публикацией коммюнике британский премьер вручил советскому наркому памятную записку, где говорилось: «Мы ведем подготовку к высадке на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже объяснялось, основным фактором,

ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных судов. Между тем ясно, что ни для дела русских, ни для дела союзников в целом не было бы полезно, если бы мы ради действий любой ценой предприняли какую-либо операцию, которая закончилась бы катастрофой и дала бы противнику удобный случай для похвальбы, а нас ввергла бы в замешательство. Невозможно сказать заранее, будет ли положение таково, чтобы сделать эту операцию осуществимой, когда наступит время. Следовательно, мы не можем дать обещание в этом отношении, но если это окажется здравым и разумным, мы не поколеблемся претворить свои планы в жизнь».

В Англии для жилья Молотову была предоставлена загородная резиденция в Чекерсе. С ней был связан ряд курьезов, связанных с повышенной бдительностью советского гостя, возможно, полагавшего, что по Лондону и его окрестностям бродят толпы германских шпионов и диверсантов. Черчилль следующим образом описал ее в мемуарах: «Глубоко укоренившаяся подозрительность, с которой русские относились к иностранцам, проявилась в ряде замечательных инцидентов во время пребывания Молотова в Чекерсе. По прибытии русские немедленно попросили ключи от всех спешен. С некоторым трудом эти ключи раздобыли, и в дальнейшем гости все время держали свои двери на запоре. Когда обслуживающему персоналу Чекерса удалось забраться в спальни, чтобы убрать постели, люди были смущены, обнаружив под подушками пистолеты. Трех главных членов миссии сопровождали не только их собственные полицейские, но также две женщины, которые заботились об их одежде и убирали их комнаты. Когда советские представители уезжали в Лондон, эти женщины все время сторожили комнаты своих хозяев, спускаясь вниз поодиночке, чтобы поесть. Мы можем, однако, утверждать, что затем они несколько оттаяли и даже болтали с прислугой на ломаном французском языке и при помощи жестов.

Чрезвычайные меры предосторожности принимались для обеспечения личной безопасности Молотова. Его комната была тщательно обыскана его полицейскими, опытные глаза которых самым внимательным образом осматривали до мелочей каждый шкаф, каждый предмет меблировки, стены и полы. Объектом особенного внимания была кровать; все матрацы были прощупаны на тот случай, не окажется ли там адских машин, а простыни и одеяла были перестланы русскими так, чтобы ее обитатель мог выскочить в одну секунду, а не оказаться закутанным наглухо. На ночь револьвер клали рядом с его халатом и портфелем. Принимать меры предосторожности на

случай опасности всегда правильно, в особенности во время войны, но каждое усилие должно соответствовать реальности этой опасности. Простейший метод проверки – это спросить себя, заинтересована ли другая сторона в убийстве данного лица. Что касается меня, то при моих посещениях Москвы я полностью доверял русскому гостеприимству».

Перед своей первой поездкой в Москву в августе 1942 года, предпринятой по приглашению Сталина, Черчилль, как он признавался в мемуарах, размышлял «о моей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: «Не будет второго фронта в 1942 году». Это было все равно что везти большой кусок льда на Северный полюс. Тем не менее я был уверен, что я обязан лично сообщить им факты и поговорить обо всем этом лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и посредников».

Ранним утром 2 августа У. Черчилль и сопровождавшие его лица вылетели из Англии в Москву. Дорога предстояла дальняя и небезопасная, с промежуточными посадками в Гибралтаре, Каире, Тегеране и Куйбышеве.

По мнению советского посла Майского, визит Черчилля призван был «укрепить положение правительства, успокоить массы, напирающие с всевозрастающим требованием второго фронта в 1942 году, и выиграть время для маневрирования в стране и в парламенте в связи с этим требованием». При этом Черчилль будет стараться «убедить тов. Сталина, что второй фронт в Европе в 1942 г. невозможен и нежелателен» главным образом потому, что он, Черчилль, «не верит в эффективность британской армии при столкновении с Германией». Англия, подчеркивал посол, – «несомненно заинтересована в одновременном ослаблении СССР и Германии, но она не заинтересована в победе Германии».

Вопреки мнению Ивана Михайловича Черчилль никогда не говорил Сталину, что британская армия слабее германской. Он лишь указывал на недостаток сил и средств для немедленной высадки на континенте.

10 августа Черчилль с присоединившимся к нему личным представителем президента США А Гарриманом вылетел из Каира

в Тегеран. Кстати сказать, Гарриман был Черчиллю почти родным человеком, являясь любовником бывшей невестки Черчилля Памелы Дигби, которая родила премьеру внука Уинстона и с которой Рэндольф Черчилль развелся в 1945 году. Его отец сохранил расположение к бывшей невестке, которая всю войну провела на Даунинг-стрит в качестве секретаря. А Аверелл и Памела поженились только в 1973 году, уже после смерти Черчилля.

Утром 12 августа двумя самолетами делегация направилась из Тегерана в Москву. Самолет Черчилля прилетел без осложнений вечером в тот же день.

Премьера поселили на сталинской «ближней» даче № 7, других членов делегации разместили в гостинице «Националь». Было подготовлено бомбоубежище на случай воздушной тревоги, организовано снабжение делегации и участников предстоящего приема в Кремле лабораторно проверенными продуктами. Охраняли Черчилля и его спутников 120 сотрудников НКВД.

Прием, устроенный Черчиллю в Москве, хорошо описал переводчик Молотова Валентин Бережков: «С аэродрома Черчилля доставили в отведенную ему резиденцию в Кунцево. Гарриману был предоставлен особняк на улице Островского. Остальные члены делегации разместились в гостинице «Националь». Черчилля поразили удобства этой виллы, чего он никак не ожидал в осажденной Москве. Ему сразу же приготовили горячую ванну, в которой он долго нежился после длительного и утомительного перелета. В столовой был сервирован изысканный ланч. Вышколенные официанты, разнообразные закуски, красная и черная икра, холодный поросенок, блюда кавказской, русской и французской кухни, вина, крепкие и прохладительные напитки, дорогая сервировка – всего этого лидер тори не рассчитывал встретить в стране большевиков. Он на всякий случай даже захватил с собой из Лондона сандвичи, полагая, что в Кремле живут впроголодь. Позже, сказав об этом Сталину, он признался, что не надеялся на столь обильное угощение, съел в самолете несколько бутербродов, испортив себе аппетит. А Сталин впоследствии, в узком кругу, рассказывал об этом, приговаривая:

– Что за лицемер Черчилль! Хотел меня убедить, будто с такой комплекцией сидит в Лондоне только на сандвичах…

Молотов заметил, что когда весной 1942 года в английской столице Черчилль пригласил его на ланч, то, кроме овсяной каши и ячменного эрзац-кофе, ничего не подавали.

– Все это дешевая игра в демократию, Вячеслав. Он тебя просто дурачил, – убежденно сказал Сталин. Он не мог себе представить, чтобы где-то руководители делили тяготы со своим

народом». Иосиф Виссарионович и Вячеслав Михайлович делить трудности военного времени с народом отнюдь не собирались, тем более что советские газеты не сообщали массам, как на самом деле питаются их вожди.

Черчилль шутливо сказал тогда Молотову: «Сталин допустил бы большую ошибку, если бы обошелся с нами сурово, после того как мы проделали такой большой путь. Такие вещи не часто делаются обеими сторонами сразу».

Молотов впервые перестал быть чопорным.

«Сталин, – сказал он, – очень мудрый человек. Вы можете быть уверены, что, какими бы ни были его доводы, он понимает все. Я передам ему то, что вы сказали».

12 августа состоялась первая встреча Черчилля со Сталиным, которая продолжалась около четырех часов. Черчилль говорил о недостатке десантных средств, о пока малом количестве американских дивизий на Британских островах, о том, что было бы просто неразумным начать высадку в этом году без всякой гарантии на успех, прервав тем самым большие приготовления к операциям в 1943 г. Сталин задал Черчиллю вопрос, «правильно ли он понимает, что второго фронта в этом году не будет, что английское правительство также отказывается от операции по высадке 6–8 дивизий на французском побережье в этом году». Черчилль переспросил Сталина, что советский лидер «понимает под вторым фронтом», и получил ожидаемый ответ – «вторжение большими силами в Европу в этом году». Советский лидер заявил, что «тот, кто не хочет рисковать, никогда не выиграет войны», что «не надо только бояться немцев». Черчилль в ответ напомнил Сталину, что в 1940 году Англия сражалась с Гитлером один на один и немцы так и не решились осуществить высадку на Британские острова.

Он сообщил Сталину об операции «Факел» – захвате побережья французской Северной Африки с помощью 250 тыс. американских и английских солдат не позднее 30 октября. Дядюшка Джо «Факел» одобрил.

13 августа состоялась вторая беседа Сталина и Черчилля. Советский вождь отметил, что расхождения между западными союзниками и СССР состоят в том, что «англичане и американцы оценивают русский фронт как второстепенный, а он, Сталин, считает его первостепенным» и что западные союзники не выполняют своих обязательств по поставкам в СССР оружия и других материалов, «дают не то, что обещано», но в то же время выразил благодарность за эти поставки. Черчилль привел конкретные данные о количестве судов, готовых к отправке в СССР. В срыве поставок, по его мнению, виноват только Гитлер.

«Мы, – заявил Сталин, – теряем ежедневно 10 тыс. человек. Мы имеем против себя 280 дивизий противника, из них 25 танковых…» Черчилль ответил, что океаны, моря и транспорт – это факторы, в которых нельзя обвинять западных союзников, и они докажут, что тоже «не лишены храбрости», что «в настоящее время на стороне Англии две могучие страны – США и Россия. И поэтому впереди верная победа».

В тот же день Черчилль встретился с Молотовым и заявил ему, что чрезвычайно важно сохранить в тайне, что десанта в Западной Европе в 1942 году не будет.

Молотов согласился с ним, но напомнил, что «в такой трудный момент, как настоящее время, тов. Сталин и советское правительство, конечно, интересуются вопросом, какие шаги будут предприняты американцами и англичанами для помощи нашему фронту».

Черчилль ответил, что придется изобразить дело таким образом, что операция «Факел» – это выполнение англо-американского обязательства о втором фронте, но главная цель состоит в том, чтобы не дать противнику успокоиться, что ему не придется защищать Французское побережье в этом году. Черчилль также заявил, что считает чрезвычайно важным установить дружественные, хорошие и искренние отношения со Сталиным, подобные тем, какие у него установились с Рузвельтом, чтобы можно было говорить о вещах без обиды друг друга.

В заключение Молотов поинтересовался, удобно ли Черчиллю на сталинской даче.

Черчилль ответил, что он весьма удовлетворен своим пребыванием на даче.

После обеда 14 августа, который сопровождался многочисленными тостами, Сталин предложил Черчиллю посмотреть кинокартину «Разгром немцев под Москвой». Черчилль ответил, что хотел бы видеть этот фильм, но сегодня уже поздно. Сталин сказал, что в этом случае можно передать Черчиллю копию фильма при отъезде. Черчилль поблагодарил и добавил, что посмотрит эту картину у себя в Чекерсе.

Следующая встреча двух лидеров состоялась 15 августа. За день до этого Черчилль направил Сталину специальное послание («Памятную записку») в ответ на меморандум советского лидера по поводу второго фронта. В меморандуме Сталин утверждал, что отказ Великобритании открыть второй фронт в Европе в 1942 году нанес большой ущерб Красной Армии и общему делу союзников. Черчилль ответил, сославшись на «Факел», что ни Англия, ни США «не нарушили никакого обещания» в отношении Советского Союза. Он понимает, какую боль и разочарование

привез в Москву, имея в виду невозможность для Англии и США открыть второй фронт в 1942 г. Однако именно поэтому он полагал, что «лучше ему самому приехать в СССР» и «достигнуть личного взаимопонимания со Сталиным». Он надеялся на то, что и Сталин «чувствует, что в этом отношении был достигнут успех». Смысл ответа Стешина сводился к тому, что он и Черчилль узнали и поняли друг друга, «и если между ними имеются разногласия, то это в порядке вещей, ибо между союзниками бывают разногласия». Он был склонен смотреть на дело «оптимистически».

Черчилль сообщил Сталину данные о переброске на Британские острова американских войск. К 9 апреля 1943 года их численность должна была достигнуть 1 043 400 человек. Британский премьер сказал также, что положение с транспортом вскоре должно улучшиться. Американцы организуют надежную систему конвоирования судов, а англичане обеспечат за собой превосходство в воздухе.

Сталин спросил Черчилля, надеется ли тот, что операция «Факел» удастся. Черчилль ответил утвердительно. Советский лидер заявил, что, хотя эта операция не связана прямо с Россией, «косвенно ее значение очень велико потому, что успех операции – это удар по странам «оси». Одновременно с осуществлением операций в Северной Африке будут предприняты бомбардировки Сицилии и Италии. Это, в свою очередь, заставит немцев оттянуть свои силы для защиты территорий на Западе. Более того, «чтобы держать Гитлера в состоянии напряжения в ожидании нападения на Пролив, в августе будет проведен серьезный рейд на Французское побережье. Этот рейд будет представлять собой разведку боем, в которой примут участие 8 тыс. человек и 50 танков…

В заключительной части беседы Черчилль напомнил Сталину, что предупреждал советское правительство о предстоящем нападении Германии весной 1941 г., когда сообщил о переброске немецких танковых дивизий с Балкан в Польшу. На это советский лидер ответил, что «мы никогда в этом не сомневались», но что он, Сталин, «хотел получить еще шесть месяцев для подготовки к этому нападению».

В телеграмме Рузвельту 13 августа Черчилль так описал встречу со Сталиным: «Обстановка в первые два часа была мрачной и пасмурной. Я объяснял с помощью карт и аргументов, почему мы не осуществили операцию «Следжхэммер». Он заявил, что не согласен с нашими доводами. Он приводил противоположные аргументы, и все были довольно угрюмы. В конце концов он сказал, что не согласен с нашей точкой зрения,

но мы имеем право решать. Во время этой дискуссии я, конечно, разъяснил операцию «Раундап», и он отнесся к этому очень легко, поскольку это дело далекое и имеются большие трудности для высадки где-либо за пределами авиационного прикрытия. Однако данные о прибытии американцев в Соединенное Королевство и о наших собственных предполагаемых экспедиционных списках были изложены как солидные факты.

Затем мы перешли к вопросу о беспощадных бомбардировках Германии, и это вызвало общее удовлетворение. Г-н Сталин подчеркнул важность того, чтобы сломить моральный дух немецкого населения, а я пояснил, что это является одной из наших первостепенных военных задач. Он заявил, что придает весьма большое значение бомбардировкам и что, как ему известно, воздушные налеты имеют в Германии огромный эффект… Я высказал мысль, что самое лучшее – это сначала преодолеть наихудшее. Я не собирался приукрашивать обстановку и особо попросил о том, чтобы между друзьями и товарищами, находящимися в опасности, разговор велся в открытую. Однако вежливость и достоинство преобладали.

Именно в этот момент сражения я ввел в бой операцию «Торч». Когда я рассказал все об этой операции, Сталин проявил большой интерес. Его первым вопросом было, что произойдет в Испании и в вишистской Франции. Несколько позже он заметил, что операция правильна в военном отношении, но у него имеются сомнения политического характера относительно ее воздействия на Францию. Он особенно интересовался сроком операции, и я сказал, что не позже 30 октября, но президент и все мы пытаемся приблизить этот срок, перенести его на 7 октября. Казалось, что это принесло большое облегчение трем русским. В это время г-н Сталин сказал, если полагаться на переводчика: «Да поможет Бог этому предприятию».

Это было поворотным пунктом в нашей беседе. Затем он стал выдвигать различные политические возражения, опасаясь, что захват англо-американцами районов по плану операции «Торч» будет неправильно понят во Франции. Что мы предпринимаем в отношении де Голля? Я заявил, что если бы он был полезен, то его использовали бы, но в настоящее время американский флаг является гораздо лучшей возможностью для легкого вторжения. Гарриман весьма решительно поддержал эту точку зрения, сославшись на сообщения американских агентов на всей территории «Торча», на которые полагается президент, а также на мнение адмирала Леги. Г-н Сталин конспективно высказал четыре довода в пользу «Торча». Первый: это нанесет Роммелю удар в спину. Второй: это будет держать в страхе Испанию.

Третий: это вызовет боевые действия между немцами и французами во Франции. И четвертый: Италии придется испытать на себе главный удар всей войны. Такое заявление мне очень понравилось как указывающее на его быстрое и полное понимание новой для него проблемы. *Я,* конечно, добавил пятый довод, а именно сокращение морского пути через Средиземное море. Он поинтересовался, можем ли мы проходить через Гибралтарский пролив. Я также сообщил ему об изменениях в командовании в Египте и заявил о нашем намерении провести решающую битву в конце августа или в сентябре. Наконец стало ясно, что всем им понравился «Торч», хотя Молотов спросил, нельзя ли его осуществить в сентябре.

Затем я стал раскрывать перспективу размещения англо-американских военно-воздушных сил на южном фланге русских армий для защиты Каспийского моря и Кавказских гор и вообще участия в сражениях на этом театре военных действий. Однако я не вдавался в подробности, так как мы, конечно, сначала должны выиграть нашу битву в Египте, а я не знаю планов президента относительно американского вклада. Если Сталину нравится эта идея, то мы начнем разрабатывать детали. Он ответил, что здесь будут весьма благодарны за эту помощь, но что детали размещения и т. д. потребуют изучения. Как Вы знаете, я очень увлечен этим проектом, потому что он приведет к более широким военным действиям между англо-американскими военно-воздушными силами и немцами, а это помогает приобретать господство в воздухе при более благоприятных условиях, чем при попытке лезть на рожон, форсируя Па-де-Кале.

Таким образом, все завершилось в сердечной обстановке, и я надеюсь, что установлю прочные и искренние отношения с этим человеком и сумею убедить его в нашем горячем желании, разделяемом президентом, вступить в битву интенсивно, быстро и наилучшим образом. Что касается русских, то он сказал только, что немцы производят больше танков и обнаруживают больше мощи, чем ожидалось, что новости с юга неблагоприятны и что русские ввели в бой дивизии во Ржеве, и они успешно действуют».

Следующую встречу, состоявшуюся 14 августа, Черчилль описал в письме Рузвельту 15 августа: «Все мы отправились в Кремль в 11 часов вечера и были приняты только Стешиным и Молотовым в присутствии переводчика. Затем начался весьма неприятный разговор. Стешин вручил мне прилагаемый документ. Мой ответ также прилагается. Когда документ был переведен на английский язык, я сказал, что отвечу на него в письменном виде и что, как он должен понимать, мы приняли решение о курсе, которому будем следовать, и что упреки

напрасны. После этого мы спорили около двух часов, и он высказал много неприятных вещей, особенно относительно того, что мы слишком боимся *сражаться с* немцами, а если бы мы попытались сражаться так, как сражаются русские, то обнаружили бы, что получается не так уж плохо, что мы нарушили свое обещание относительно операции «Следжхэммер» (план ограниченной высадки в Бресте и Шербуре еще в 1942 году в случае критического положения на Восточном фронте. – *Б.* Б.), что мы не выполнили обязательств по поставкам, обещанным России, и прислали только то, что оставалось после удовлетворения наших собственных нужд. Очевидно, эти жалобы были адресованы в такой же мере Соединенным Штатам, как и Англии. Я недвусмысленно отверг все его утверждения, но без каких-либо колкостей. Я полагаю, что он не привык к тому, чтобы ему постоянно противоречили, но он совсем не рассердился и даже оживился. В одном случае я сказал: Я извиняю это замечание только ввиду храбрости русских войск». В конце концов он заявил, что мы не можем далее продолжать обсуждение в таком духе, что он должен примириться с нашим решением, и внезапно пригласил нас на обед в 8 часов вечера сегодня.

Однако, приняв приглашение, я сказал, что отбываю самолетом завтра, то есть 15-го утром на рассвете. Джо, казалось, был этим несколько озабочен и спросил, не могу ли я пробыть дольше. Я сказал, что, конечно, могу, если будет сделано что-нибудь полезное, и что я во всяком случае подожду еще один день. Затем я упрекнул его за то, что в его позиции не звучит товарищеских нот. Я приехал издалека, чтобы установить хорошие рабочие взаимоотношения. Мы сделали все возможное, чтобы помочь России, и будем продолжать делать это. В течение года мы были оставлены совершенно одни против Германии и Италии. Теперь, когда три великие державы являются союзниками, победа несомненна, но при условии, что мы не разойдемся и т. д. Я до некоторой степени оживился в этом месте, и, еще до того как был сделан перевод моего высказывания, он заметил, что ему нравится энергичный характер моих слов. После этого разговор продолжался в несколько менее напряженной атмосфере.

Он стал пространно рассказывать о двух русских реактивных минометах, которые, как он сказал, производят опустошающее действие и которые он предложил продемонстрировать нашим экспертам, если те могут подождать (речь идет о знаменитых «катюшах». – *Б. Б.)*. Он заявил, что предоставит нам все данные о них, но не должно ли что-либо последовать в обмен на это? Не следует ли заключить соглашение об обмене информацией об

изобретениях? Я заявил, что мы без всякого соглашения дадим им все, за исключением только тех устройств, которые – если они будут находиться в самолетах, сбитых над вражеской территорией, – затруднят наши бомбардировки Германии. Он согласился с этим. Он также согласился, чтобы его военачальники встретились с нашими генералами, и было условлено, что такая встреча состоится в 3 часа того же дня. Вся эта часть разговора была более спокойной, но, когда Гарриман спросил относительно планов переправки американских самолетов через Сибирь, на что русские после продолжительных и настойчивых американских обращений только недавно дали согласие, он резко ответил: «Планами войну не выиграешь». Гарриман поддерживал меня во всех отношениях, и ни я, ни он не отступили ни на дюйм и не произнесли ни одного слова огорчения…

Я серьезно полагаю, что в глубине своего сердца, если оно есть у него, Сталин сознает, что мы правы и что шесть дивизий, предназначенных для участия в операции «Следжхэммер», не принесут ему пользы в этом году. Кроме того, я убежден, что его уверенные и незамедлительные суждения по военным вопросам делают его твердым сторонником операции «Факел». Я полагаю, что не исключено, что он внесет поправки. В надежде на это я упорно продолжаю свою линию. Во всяком случае, я уверен, что лучше, чтобы все шло именно таким образом, чем любым другим. Никогда с их стороны ни разу не было ни малейшего намека на то, что они не будут продолжать борьбу, а сам я думаю, что Сталин в достаточной мере уверен, что он победит…»

Незапланированная встреча Сталина и Черчилля произошла в ночь с 15-го на 16 августа. Вот как сообщал о ней британский премьер в отчете военному кабинету и президенту Рузвельту:

«Я отправился попрощаться с г-ном Сталиным вчера в 7 часов вечера, и мы имели приятную беседу, в ходе которой он дал мне полный отчет о положении русских, которое казалось весьма отрадным. Он, безусловно, весьма уверенно говорит о том, что удержится до зимы. В 8 час. 30 мин. вечера, когда я собирался уходить, он спросил, когда он увидит меня в следующий раз. Я ответил, что уезжаю на рассвете. Тогда он сказал: «Почему бы Вам не зайти ко мне на квартиру в Кремле и не выпить немного?» Я отправился к нему и остался на обед, на который был приглашен также г-н Молотов. Г-н Сталин представил меня своей дочери, славной девушке, которая робко поцеловала его, но которой не было разрешено остаться на обед. Обед и редактирование коммюнике продолжались до трех часов утра. У меня был очень хороший переводчик, и я имел возможность говорить более свободно. Преобладала атмосфера особой доброжелательности, и

мы впервые установили непринужденные и дружелюбные отношения. Мне кажется, я установил личные взаимоотношения, которые будут полезны. Мы много говорили о «Юпитере» (плане высадки англо-американских войск в Северной Норвегии. Эта операция, призванная отвлечь внимание немцев от высадки в Северной Африке, так и не была проведена. – *Б. Б.*), который, по его мнению, будет необходим в ноябре или в декабре. Без него я не представляю себе, как мы сможем доставлять материалы, которые будут необходимы для дальнейшего оснащения этой колоссальной сражающейся армии. Трансперсидская дорога пропускает лишь половину того, на что мы надеялись. Больше всего ему необходимы грузовики. Он предпочел бы иметь грузовики, а не танки, которых он выпускает 2 тысячи в месяц. Он также хочет получить алюминий…

В целом… я определенно удовлетворен своей поездкой в Москву. Я убежден в том, что разочаровывающие сведения, которые я привез с собой, мог передать только я лично, не вызвав действительно серьезного расхождения. Эта поездка была моим долгом. Теперь им известно самое худшее, и, выразив свой протест, они теперь настроены совершенно дружелюбно, и это несмотря на то, что сейчас они переживают самое тревожное и тяжелое время». Кроме того, г-н Сталин абсолютно убежден в больших преимуществах операции «Торч», и я надеюсь, что «Торч» продвигается вперед с нечеловеческой энергией по обе стороны океана».

В советской записи этой встречи отмечалось: «В дальнейшей беседе Черчилль поинтересовался колхозами и судьбой кулаков.

Тов. Сталин ответил, что коллективизация ликвидировала нищенство, поскольку каждый член крестьянской семьи получил возможность самостоятельно зарабатывать и независимо жить. Тов. Сталин рассказал о том, что коллективизация была вызвана желанием внедрить в сельское хозяйство крупные машины, поднять его производительность. Это было возможно осуществить только в крупном хозяйстве.

В результате коллективизации в СССР сильно возросла урожайность, особенно благодаря внедрению высококачественных семян. Что касается кулаков, то некоторое количество их было выселено в северные области СССР, где они получили участки земли. Остальные кулаки были перебиты самими крестьянами – настолько сильна была ненависть к ним со стороны крестьян.

Черчилль, внимательно выслушав тов. Сталина, заметил, что коллективизация была, вероятно, весьма трудной работой.

Тов. Сталин ответил, что действительно коллективизация была очень трудной работой, на которую было затрачено

несколько лет.

Тов. Сталин сообщил Черчиллю, что в ближайшее время мы предпримем налет на Берлин. Конечно, мы, ввиду дальности, можем послать только около 150 бомбардировщиков. Англичане находятся в лучшем положении, но у нас ходят слухи, что англичане с немцами заключили соглашение о том, чтобы воздерживаться от взаимных бомбардировок Лондона и Берлина.

Черчилль с некоторым раздражением ответил, что никакого соглашения по этому поводу нет и что они начнут бомбить Берлин, как только позволят метеорологические условия и ночи станут достаточно продолжительными. Нам нужно согласовать, сказал он, налеты английских и советских самолетов на Берлин, во избежание столкновений между ними.

Тов. Сталин ответил, что это, конечно, нужно сделать (никаких советских налетов на Берлин в то время не последовало, так как у СССР не было баз, с которых можно было достичь германской столицы, и не было дальних бомбардировщиков, способных долететь до Берлина даже с прифронтовых аэродромов. Очевидно, Сталин блефовал, чтобы выяснить, не заключали ли англичане и немцы каких-либо соглашений об ограничении масштаба бомбардировок. – *Б. Б.)*.

Касаясь Германии, Черчилль заявил, что в Германии нужно уничтожить прусский милитаризм и нацизм и разоружить Германию после войны.

Тов. Сталин ответил, что нужно перебить военные кадры Германии. Кроме того, необходимо ослабить Германию путем отделения от нее Рурской области.

Тов. Сталин спросил Черчилля о количестве сил в Англии на островах.

Черчилль ответил, что количество войск в самой Англии достигает 40 дивизий, но при дальнейших уточняющих вопросах тов. Сталина не дал вразумительного ответа».

Сталин поведал Черчиллю некоторые любопытные подробности берлинского визита Молотова. Британский премьер свидетельствует: «Когда в августе 1942 года я впервые посетил Москву, я услышал от Сталина более краткий отчет об этих переговорах, который в основных чертах не отличался от германского отчета, но, пожалуй, был более красочным.

«Некоторое время назад, – сказал Сталин, – Молотова обвиняли в том, что он настроен слишком прогермански. Теперь все говорят, что он настроен слишком проанглийски. Но никто из нас никогда не доверял немцам. Для нас с ними всегда был связан вопрос жизни или смерти».

Я заметил, что мы сами это пережили и поэтому понимаем,

что они чувствуют.

«Когда Молотов, – сказал маршал, – отправился в Берлин повидаться с Риббентропом в ноябре 1940 года, вы пронюхали об этом и устроили воздушный налет».

Я кивнул.

«Когда раздались звуки воздушной тревоги, Риббентроп повел его по длинным лестницам в глубокое, пышно обставленное бомбоубежище. Когда они спустились, уже начался налет.

Риббентроп закрыл дверь и сказал Молотову:

«Ну, вот мы и одни здесь. Почему бы нам сейчас не заняться дележом?»

Молотов спросил:

«А что скажет Англия?»

«С Англией покончено, – ответил Риббентроп. – Она больше не является великой державой».

«А в таком случае, – сказал Молотов, – зачем мы сидим в этом убежище и чьи это бомбы падают?»

Перед этим Риббентроп от имени Гитлера просил Молотова передать Стешину предложение о присоединении СССР к Тройственному союзу Германии, Японии и Итешии, предлагая поучаствовать в разделе Британской империи. Советскую сферу влияния предполагалось выделить от южных советских границ и вплоть до Индийского океана.

При расставании Гитлер сказал Молотову: «Я считаю Сталина выдающейся исторической личностью. Да и сам льщу себе мыслью, что войду в историю. И естественно, что два таких политических деятеля, как мы, должны встретиться. Я прошу вас, господин Молотов, передать господину Стешину мой привет и мое предложение о такой встрече в недалеком будущем…»

Чуев, по прочтении мемуаров Черчилля, заметил Молотову, что бывший британский премьер его ругает «за то, что вы помогали Гитлеру в сороковом году, когда Франция воевала. Поздравили Гитлера с победой над Францией… Знали бы Сталин и Молотов, что через год им придется воевать с Гитлером!»

«Знали, прекрасно знали, – заверил собеседника Вячеслав Михайлович. – А Черчилль провалился. Он не видел перспективу. Не хотел, вернее, видеть. Он человек с большим характером, упорством. Но характера мало, надо понимание иметь». Молотов не сомневался, что у него самого такое верное понимание мировой политики присутствовало, и оно полностью совпадало со сталинским.

И еще Молотов признавался Чуеву: «Мы ни на кого не надеялись. Что касается могущества державы, повышения ее

оборонной мощи Стешин стремился не только не отставать, но быть впереди, несмотря на то, что понимал, что мы вышли на самые передовые рубежи при колоссальной внутренней отсталости – страна-то крестьянская!»

8 сентября 1942 года Черчилль выступил в парламенте по итогам своего визита в Москву и, в частности, заявил: «России очень повезло, что когда она агонизировала, во главе ее оказался такой жесткий военный вождь. Это выдающаяся личность, подходящая для суровых времен. Человек неисчерпаемо смелый, властный, прямолинейный и даже грубый в своих высказываниях… Однако он сохранил чувство юмора, что весьма важно для всех людей и народов, и особенно для больших людей и великих народов. Сталин также произвел на меня впечатление своей хладнокровной мудростью, при полном отсутствии каких-либо иллюзий. Я надеюсь, что заставил его поверить в то, что мы будем верными и надежными соратниками в этой войне – но это, в конце концов, доказывается делами, а не словами». Вероятно, в тот момент британский премьер был искренне благодарен Сталину, что тот не ослабил советских усилий в войне, чем спас жизни тысяч и тысяч британских солдат.

На Черчилля особое впечатление произвели слова Сталина о коллективизации. Британский премьер вспоминал: «Он показал мне свои личные комнаты, которые были среднего размера и обставлены просто и достойно. Их было четыре – столовая, кабинет, спальня и большая ванная. Вскоре появилась сначала очень старая экономка, а затем красивая рыжеволосая девушка, которая покорно поцеловала своего отца.

Он взглянул на меня с усмешкой в глазах, и мне показалось, что он хотел сказать: «Видите, мы, большевики, тоже живем семейной жизнью».

Дочь Сталина начала накрывать на стол, и вскоре экономка появилась с несколькими блюдами. Тем временем Сталин раскупоривал разные бутылки, которые вскоре составили внушительную батарею.

Затем он сказал: «Не позвать ли нам Молотова? Он беспокоится о коммюнике. Мы могли бы договориться о нем здесь. У Молотова есть одно особенное качество – он может пить».

Тогда я понял, что предстоит обед. Я собирался обедать на государственной даче номер 7, где меня ждал польский командующий генерал Андерс, но я попросил моего нового и превосходного переводчика майора Бирса позвонить и передать, что я вернусь после полуночи. Вскоре прибыл Молотов. Мы сели за стол, и с двумя переводчиками нас было пятеро. Майор Бирс жил в Москве 20 лет и отлично понимал Сталина, с которым он в

течение некоторого времени вел довольно живой разговор, в котором я не мог принять участия.

Мы просидели за этим столом с 8 часов 30 минут утра до 2 часов 30 минут пополудни, что вместе с моей предыдущей беседой составило в целом более семи часов. Обед был, очевидно, импровизированным и неожиданным, но постепенно приносили все больше и больше еды. Мы отведывали всего понемногу, по русскому обычаю, пробуя многочисленные и разнообразные блюда, и потягивали различные превосходные вина. Молотов принял свой самый приветливый вид, а Сталин, чтобы еще больше улучшить атмосферу, немилосердно подшучивал над ним.

Вскоре мы заговорили о конвоях судов, направляемых в Россию. В этой связи он сделал грубое замечание о почти полном уничтожении арктического конвоя в июне… В то время мне не были известны многие подробности, которые я знаю сейчас.

«Г-н Сталин спрашивает, – сказал Павлов несколько нерешительно, – разве у английского флота нет чувства гордости?»

Я ответил:

«Вы должны верить мне, что то, что было сделано, было правильно. Я действительно знаю много о флоте и морской войне».

«Это означает, – вмешался Сталин, – что я ничего не знаю».

«Россия сухопутный зверь, – сказал я, – а англичане морские звери».

Он замолчал и вновь обрел свое благодушное настроение…

Было уже за полночь, а Кадоган все не появлялся с проектом коммюнике.

«Скажите мне, – спросил я, – на вас лично также тяжело сказываются тяготы этой войны, как проведение политики коллективизации?»

Эта тема сейчас же оживила маршала.

«Ну нет, – сказал он, – политика коллективизации была страшной борьбой».

Я так и думал, что вы считаете ее тяжелой, – сказал я, – ведь вы имели дело не с несколькими десятками тысяч аристократов или крупных помещиков, а с миллионами маленьких людей».

«С десятью миллионами, – сказал он, подняв руки. – Это было что-то страшное, это длилось четыре года, но для того, чтобы избавиться от периодических голодовок, России было абсолютно необходимо пахать землю тракторами. Мы должны механизировать наше сельское хозяйство. Когда мы давали трактора крестьянам, то они приходили в негодность через несколько месяцев. Только колхозы, имеющие мастерские, могут

обращаться с тракторами. Мы всеми силами старались объяснить это крестьянам. Но с ними было бесполезно спорить. После того, как вы изложите все крестьянину, он говорит вам, что он должен пойти домой и посоветоваться с женой, посоветоваться со своим подпаском».

Это последнее выражение было новым для меня в этой связи.

«Обсудив с ними это дело, он всегда отвечает, что не хочет колхоза и лучше обойдется без тракторов».

«Это были люди, которых вы называли кулаками?»

«Да, – ответил он, не повторив этого слова. После паузы он заметил: – Все это было очень скверно и трудно, но необходимо».

«Что же произошло?» – спросил я.

«Многие из них согласились пойти с нами, – ответил он. – Некоторым из них дали землю для индивидуальной обработки в Томской области, или в Иркутской, или еще дальше на север, но основная их часть была весьма непопулярна, и они были уничтожены своими батраками».

Наступила довольно длительная пауза. Затем Сталин продолжал: «Мы не только в огромной степени увеличили снабжение продовольствием, но и неизмеримо улучшили качество зерна. Раньше выращивались всевозможные сорта зерна. Сейчас во всей нашей стране никому не разрешается сеять какие бы то ни было другие сорта помимо стандартного советского зерна. В противном случае с ними обходятся сурово. Это означает еще большее увеличение снабжения продовольствием».

Я воспроизвожу эти воспоминания по мере того, как они приходят мне на память, и помню, какое сильное впечатление на меня в то время произвело сообщение о том, что миллионы мужчин и женщин уничтожаются или навсегда переселяются. Несомненно, родится поколение, которому будут неведомы их страдания, но оно, конечно, будет иметь больше еды и будет благословлять имя Стешина. Я не повторил афоризм Берка: «Если я не могу провести реформ без несправедливости, то не надо мне реформ». В условиях, когда вокруг нас свирепствовала мировая война, казалось бесполезным морализировать вслух (этот принцип Черчилль последовательно проводил в отношениях со Сталиным на протяжении всех военных лет, ради сохранения союза сознательно закрывая глаза на стешинские преступления вроде Катыни или коллективизации и на явное нарушение союзнического долга, как, например, на отказ дядюшки Джо помочь польским повстанцам в России в августе 44-го. – *Б. Б.)*

К часу ночи прибыл Кадоган с проектом коммюнике, и мы занялись его окончательным редактированием. На стол подали молочного поросенка довольно крупных размеров (чувствуется,

что рассказ о расправе с кулаками нисколько не испортил Черчиллю аппетит. – *Б. Б.).* До сих пор Стешин только пробовал отдельные блюда, но время близилось уже к 3 часам ночи, и это был его обычный обеденный час. Он предложил Кадогану вместе с ним атаковать жертву, а когда мой друг отказался, хозяин обрушился на жертву в одиночку. Закончив, он поспешно вышел в соседнюю комнату, чтобы выслушать доклады со всех участков фронта, которые начинали поступать к нему после 2 часов утра. Он возвратился минут через 20, и к тому времени мы согласовали коммюнике.

Наконец в 2 часа 30 минут утра я сказал, что должен ехать. Мне нужно было полчаса добираться до дачи и столько же ехать до аэродрома. Голова моя раскалывалась от боли, что было для меня весьма необычным. А мне еще нужно было повидаться с генералом Андерсом. Я просил Молотова не провожать меня на рассвете, так как он явно был очень утомлен. Он посмотрел на меня укоризненно, как бы говоря: «Вы действительно думаете, что я не провожу вас?»

Характерно, что Черчилль, хотя и ужаснулся гибели 10 млн человек во время насильственной коллективизации, похоже, поверил сталинским сказкам о том, что коллективизация имела благую цель – утвердить научно-технический прогресс в сельском хозяйстве и избавить народ от периодических массовых голодовок. Тогда как в действительности единственными целями данной «реформы» были получение дополнительных средств для милитаризации экономики и ликвидация последнего еще остававшегося в СССР класса собственников. Сталин, естественно, ничего не сказал, что большинство из 10 миллионов крестьян погибло в ходе вызванного коллективизацией голода, а отнюдь не было убито своими бывшими батраками.

В официальной британской версии этой ночной беседы также говорилось: «Премьер-министр сказал, что в начале 1938 года, еще до Праги и Мюнхена, у него возник план создания Лиги трех Великих Демократий в составе Великобритании, США и СССР, которые вместе могли бы вести за собой мир. Между ними не существовало антагонистических интересов. Г-н Сталин согласился и сказал, что он всегда рассчитывал на нечто подобное, но только при правительстве г-на Чемберлена такой план был бы невозможен». В данном случае Черчилль выглядит крепким задним умом. В 1938 году была еще одна великая демократия, Франция, которую он вряд ли бы оставил тогда за рамками союза великих демократий. А вот в 1942 году Франция находилась под германской оккупацией, и говорить о возможном союзе с ней было несвоевременно, тем более что Сталин мог

испугаться, что в будущем союзе коммунистическому СССР будут противостоять сразу три империалистические державы.

Несмотря на внешнее радушие Сталин после первого визита британского премьера в Москву сохранил глубокое недоверие к Черчиллю как скрытому ненавистнику СССР. 19 октября 1942 года Иосиф Виссарионович телеграфировал Майскому: «У нас в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюннинга за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются, несмотря на рост производства в Англии, по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас, наконец, по вопросу о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение сентября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то что он безусловно мог это выполнить».

Сталин подозревал Черчилля в намерении добиваться поражения СССР и заключить сепаратный мир с Гитлером за советский счет, но таких планов у британского премьера не было никогда, даже в самые тяжелые для Англии месяцы 1940 года.

23 октября Майский ответил Стешину: «Вопрос, который Вы поставили мне, имеет совершенно исключительную важность, и потому я постараюсь дать на него посильный ответ с максимально доступными мне объективностью и откровенностью. Я не хочу создавать у Вас никаких иллюзий ни в ту, ни в другую сторону…

Итак, держит ли Черчилль курс на поражение СССР для того, чтобы потом за наш счет сговориться с Германией Гитлера или Брюннинга. Я не думаю, чтобы Черчилль сознательно ставил себе такую цель. Не думаю по следующим основаниям.

Поражение СССР неизбежно означало бы конец Британской империи. В самом деле, как мог бы Черчилль договориться с Гитлером? На какой базе? Ведь в случае поражения СССР Гитлер стал бы господином не только всей Европы, но и Африки и, по крайней мере, большей части Азии. Говорю «большей части Азии», так как допускаю, что Гитлер мог бы быть вынужденным, особенно на первое время, выделить Японии ее особую «сферу влияния». Очень сомнительно, чтобы в указанном гипотетическом случае Гитлер вообще пошел на какое либо соглашение с Англией… Сознательно Черчилль не держит курса на поражение СССР (и стал бы искренне возмущаться, если бы его стеши в этом обвинять), но проводимая им политика объективно могла бы

способствовать такому результату. И если это все-таки случится, то отнюдь не потому, что Черчилль со своей стороны делает все возможное для предупреждения разгрома нашей страны…

Если признать правильной мою основную мысль, то все остальное уже легко объясняется. Почему Черчилль фактически сокращает снабжение СССР? Говорю «фактически», так как формально все нам полагающееся по протоколу отгружается, но только… в английских портах. Черчилль фактически сокращает наше снабжение, так как в погоне за «легкой войной» он затеял операцию «Факел», а эта операция для своей реализации требует огромного количества военных судов. Я не знаю всех детальных расчетов Адмиралтейства, но отнюдь не исключено, что одновременное осуществление «Факела» и наших больших конвоев с их тяжелым прикрытием британскому флоту сейчас не под силу. Почему Черчилль не бомбит Берлин. Но это тоже понятно: он не хочет, чтобы немцы в ответ бомбили Лондон, ибо тяжелая бомбежка Лондона нарушала бы концепцию «легкой войны». Почему Черчилль не хочет сейчас судить Гесса. И это понятно: он боится в ответ массовых немецких репрессий против английских пленных. Что же тогда будет концепцией «легкой войны»? Кроме того, поскольку Черчилль ориентируется на длительную войну, он думает, кто знает, для чего еще может пригодиться Гесс…

Конечно, в Англии сейчас есть группы и течения, которые вполне сознательно стремятся к поражению СССР и сделке с Германией. Такова, например, группа Лэди Астор, «группа имперской политики» и другие. По мере сил и возможностей они стараются отравлять общественную атмосферу (в частности, они ведут ожесточенную и далеко не безуспешную борьбу против второго фронта), но пока эти группы отсиживаются в политическом полуподполье, не пользуются большим влиянием и терпеливо ждут благоприятной для них конъюнктуры… Из того анализа, который сделан выше, у меня имеются некоторые практические выводы применительно к нашим политике и стратегии, но о них я Вам напишу особо».

Сталин ответил Майскому. Из его телеграммы видно, что недоверие к Черчиллю у него все же осталось: «Ваши соображения получил. Я нашел в них много интересного и поучительного. Ряд ваших предложений совпадает с намеченными нами мероприятиями.

Я все же думаю, что, будучи сторонником легкой войны, Черчилль легко поддастся влиянию тех, которые держат курс на поражение Совсоюза, ибо поражение нашей страны и компромисс с Германией за счет Совсоюза является наиболее легкой формой

войны Англии с Германией.

Конечно, англичане потом поймут, что без русского фронта на континенте Европы при выходе Франции из строя они, т. е. англичане, обречены на гибель. Но когда они поймут это?

Поживем, увидим.

Я сомневаюсь, чтобы англичане поддержали северную операцию. Они только болтают об этом для виду.

Черчилль заявил нам в Москве, что к началу весны 43 года около миллиона англо-американских войск откроют второй фронт в Европе. Но Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко дают обещание, чтобы также легко забыть о нем или даже грубо нарушить его.

Он также торжественно обещал в Москве бомбить Берлин интенсивно в течение сентября-октября. Однако он не выполнил своего обещания и не попытался даже сообщить в Москву о мотивах невыполнения (мотив между тем был очевиден – основные силы авиации были задействованы для подготовки высадки в Северной Африке, тогда как налеты на Берлин, отвлекавшие значительные ресурсы, в тот момент имели главным образом пропагандистское значение. – *Б. Б.)*.

Что же, впредь будем знать, с какими союзниками имеем дело.

Я мало верю в операцию «Факел». Если же вопреки ожиданию эта операция кончится успешно, можно примириться с тем, что у нас отобрали самолеты ради этой операции».

Но 28 октября, в следующей телеграмме послу, Сталин неожиданно выразил сомнение в успехе операции «Факел» – высадки союзных войск в Северной Африке. Здесь Сталин оказался плохим пророком, поскольку высадка в ноябре 1942 года увенчалась полным успехом.

В ответ на послание Черчилля с упоминанием о сделке союзников с «мошенником Дарланом», представителем правительства Виши в Северной Африке, чью власть они признали, Молотов составил проект ответного послания, где осудил беспринципность союзников: «Что касается Дарлана, то подозрения в его отношении представляются мне вполне законными. Во всяком случае, прочные решения дел в Северной Африке должны опираться не на Дарлана и ему подобных, а на тех, кто может быть честным союзником в непримиримой борьбе с гитлеровской тиранией, с чем, я уверен, вы согласны». Однако Сталин предпочел другой текст, где проводилась близкая ему мысль о том, что цель оправдывает средства: «Что касается Дарлана, то мне кажется, что американцы умело использовали его для облегчения дела оккупации Северной и Западной Африки.

Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и черта с его бабушкой».

В послании Черчилля от 11 марта 1943 года, где британский премьер говорил о необходимости «достаточного ослабления» противника перед возможной высадкой во Франции, Сталин обвел эти слова двойной чертой и ставит на полях жирный знак вопроса.

Тем не менее в послании Черчиллю от 29 марта 1943 года по поводу фильма «Победа в пустыне» о боях британских войск против германо-итальянской армии фельдмаршала Эрвина Роммеля дядюшка Джо рассыпался в похвалах: «Фильм великолепно изображает, как Англия ведет бои, и метко разоблачает тех подлецов – они имеются и в нашей стране, – которые утверждают, что Англия будто бы не воюет, а только наблюдает за войной со стороны». При этих словах, по утверждению Майского, «какая-то судорога прошла по лицу Черчилля»: «В сильном волнении он на мгновение закрыл глаза, а когда открыл их вновь, они были полны слез. Это не была игра. Натура у Черчилля художественно-эмоциональная… было видно, что Черчилль действительно сильно тронут и до глубины души переживает послание товарища Сталина. Затем он повернулся ко мне и сказал: «Вы еще никогда не приносили мне такого замечательного послания. Горячее спасибо Стешину!» Столь же прочувствованно советский вождь писал о фильме о бомбардировках Эссена в послании от 7 апреля 1943 года: «Приветствую развитие дела бомбежки Эссена, Берлина, Киля и других промышленных центров Германии. Каждый удар Вашей авиации по жизненным центрам немцев встречает живейший отклик в сердцах многих миллионов людей в нашей стране».

Но уже после войны и бои в Северной Африке, и бомбардировки англо-американской авиацией Германии, равно как и поставки по ленд-лизу, советская пропаганда по указанию Стешина стала представлять как события сугубо второстепенные и не оказавшие никакого влияния на исход войны.

Когда в июне 1943 года Черчилль и Рузвельт сообщили Стешину, что летом 1943 года вместо высадки в Северной Франции союзные войска высадятся в Итешии, Стешин наиболее подробно и возмущенно ответил в послании британскому премьеру от 24 июня: «Должен Вам заявить, что речь идет здесь не просто о разочаровании советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям.

Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, по сравнению с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину». Майский сообщил, как отреагировал британский премьер: «В ходе разговора Черчилль несколько раз возвращался к той фразе послания товарища Сталина, в которой говорится о «доверии к союзникам». Эта фраза явно не давала покоя Черчиллю и вызывала в нем большое смущение».

Черчилль усомнился в целесообразности продолжения переписки, которая «только приводит к трениям и взаимному раздражению», предложив вернуться к общению по обычным дипломатическим каналам. Майский дежурно напомнил об огромных жертвах Советского Союза и о важности сохранения доверительных отношений в критический момент войны. Черчилль, по утверждению Ивана Михайловича, «стал постепенно обмякать» и оправдываться: «Хотя послание товарища Сталина является очень искусным полемическим документом, оно не вполне учитывает действительное положение вещей… В тот момент, когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искренне верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков… Но мы не боги, и мы делаем ошибки. Война полна всяких неожиданностей».

В заключительном докладе Объединенного комитета начальников штабов Великобритании и США на конференции в Квебеке, состоявшейся в августе 1943 года, указывалось, что операция «Оверлорд» по высадке в Северной Франции будет главным англо-американским наступлением на суше и в воздухе против европейских держав «оси», которое намечалось на 1 мая 1944 года.

И Черчилля, и Рузвельта тревожило быстрое продвижение советских армий на запад. На совещании с американскими начальниками штабов 19 ноября 1943 года на борту линкора «Айова» по пути в Каир на англо-американо-китайскую конференцию, которая предшествовала встрече глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране, президент Рузвельт обратил внимание присутствовавших на то, что советские войска находятся всего лишь в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии. Если они форсируют реку Буг, что могут сделать в ближайшие две недели, они окажутся на пороге Румынии.

Президент указывал на необходимость употребить все усилия, чтобы вместе с Англией оккупировать большую часть Европы. Англичане должны были занять Францию, Бельгию, Люксембург, а также южную часть Германии – Баден, Баварию и Вюртемберг. Американцы же, по словам Рузвельта, «должны занять Северо-Западную Германию. Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также в порты Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты».

Эта позиция претерпела существенную эволюцию в последние месяцы войны. На Ялтинской конференции было в общих чертах

определено, что граница между Польшей и Германией пройдет по Одеру и Нейсе. Но в этом случае советская зона оккупации к востоку от Берлина оказывалась слишком малой по сравнению с оккупационными зонами западных держав. Это была бы узкая полоска земли вдоль Одера всего лишь с одним крупным городом – Дрезденом. Такого унижения от Англии и Америки Сталин бы явно не потерпел, и это грозило, понятное дело, не войной, но отсутствием взаимопонимания и конфронтацией между союзниками в побежденной Германии. А любое существенное увеличение территории советской зоны оккупации требовало включение в нее Берлина с прилегающими землями, на что Рузвельт и Черчилль в конце концов согласились.

В апреле 1945 года американские войска имели реальную возможность взять Берлин, причем без больших потерь. Еще до начала советского наступления на Берлин американская 9-я армия захватила и удержала плацдарм на Эльбе всего в 80 км от Берлина. Командующий 9-й армией генерал Симпсон собирался бросить танки на Берлин, но главнокомандующий союзными силами в Европе Эйзенхауэр запретил ему это делать, явно руководствуясь указанием только что вступившего на президентский пост Трумэна. Для оправдания этого решения была придумана версия, что наступление на Берлин стоило бы американцам 100 тыс. людских потерь. Но это – совершенно фантастическая цифра. Противостоявшая 9-й американской армии 12-я германская армия Вальтера Венка насчитывала в тот момент не более 35 тыс. человек, подкрепленных 40 штурмовыми орудиями. Против них могли перейти в наступление около 200 тыс. американцев, подкрепленных несколькими сотнями танков, к тому же в условиях полного господства англо-американской авиации в воздухе. Выходит, каждый из «чудо-богатырей» Венка, включая обозников, должен был убить или ранить не менее трех неприятельских солдат и офицеров. На практике американцы, легко сломив сопротивление 12-й армии, могли бы выйти к окраинам Берлина тогда, когда советские войска еще не прорвали фронт на Одере. При этом перебросить что-то против американцев с Зееловских высот или из состава довольно слабого берлинского гарнизона немцы бы просто не смогли из-за отсутствия горючего и господства союзников в воздухе. Однако Трумэн понимал, что Сталин очень разозлится, если союзники у него перед носом захватят главный приз войны – Берлин. А Трумэн был заинтересован в налаживании сотрудничества со Стешиным в послевоенном обустройстве Европы, да и советское участие в войне с Японией до появления американской атомной бомбы представлялось необходимым,

чтобы ускорить ее окончание. Поэтому Эйзенхауэр, Рузвельт и Трумэн отвергли все предложения Черчилля попытаться овладеть Берлином.

Балканская стратегия Черчилля, предусматривавшая высадку на Балканах, призвана была предотвратить установление советского контроля над странами Центральной и Юго-Восточной Европы. На заседании Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании 20 августа 1943 года в Квебеке, в частности, обсуждался вопрос, «не помогут ли немцы» вступлению англо-американских войск на территорию Германии, «чтобы дать отпор русским». Однако Балканский вариант был отвергнут Рузвельтом и американскими военными. Условия местности на Балканах затрудняли как снабжение высадившихся значительных сил союзников, так и их быстрое продвижение вперед. После того, как союзники в сентябре 1943 года высадились в Италии, но были сравнительно легко остановлены уступавшими им по численности и оснащенности силами немцев, стало ясно, что на Балканах неизбежно создастся такой же позиционный тупик.

На первой встрече всех трех лидеров стран Антигитлеровской коалиции, состоявшейся в Тегеране в конце ноября – начале декабря 1943 года, Молотов активно агитировал Рузвельта из-за угрозы германского теракта поселиться в советском посольстве, чтобы избежать поездок по городу. На самом деле вся история с якобы готовившимся покушением на Большую Тройку во время предполагавшегося празднования дня рождения Черчилля была выдумана Сталиным, вероятно, по подсказке Берии, во-первых, чтобы иметь возможность прослушивать переговоры Рузвельта с членами своей делегации, и, во-вторых, для того, чтобы оказать дополнительное воздействие на Рузвельта в ходе неформальных бесед один на один. Американцы такого вероломства от союзника не ждали, и получилось, как в анекдоте про американского ковбоя, обыгравшего двух британских лордов в покер: «Ну, сравнялись мы. Я открываю карты: тройка. Один из лордов говорит: «У меня флеш», и забирает банк. Я ему: «Ты флеш-то покажи». Он: «Ну, что вы, сэр, мы же джентльмены». Ах, джентльмены? Ну и поперла ко мне карта…» Черчилль вспоминал: «Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что советская разведка раскрыла заговор, имевший целью убийство одного или более членов Большой Тройки, как нас называли, и поэтому мысль о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызывала у него глубокую тревогу.

«Если что-нибудь подобное случится, – сказал он, – это может

создать самое неблагоприятное впечатление».

Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в русское владение, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех, обсуждать проблемы мировой войны. Я очень удобно устроился в английской миссии, и мне нужно было пройти всего лишь несколько сот ярдов до здания советского посольства, которое на время превратилось, можно сказать, в центр всего мира».

Как мы убедились, Черчилль так же легко, как Рузвельт, купился на советскую выдумку.

В СССР первое сообщение о несостоявшемся покушении на Большую Тройку появилось 19 декабря 1943 года. В этот день газета «Правда» поместила корреспонденцию из Лондона, помеченную 17-м числом: «По сообщению вашингтонского корреспондента агентства Рейтер, президент Рузвельт на пресс-конференции сообщил, что он остановился в русском посольстве в Тегеране, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре. Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организован заговор на жизнь всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, с тем, чтобы избежать необходимости поездок по городу. Черчилль находился в британском посольстве, примыкающем к советскому посольству. Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они смогли разделаться с маршалом Стешиным, Черчиллем и со мной в то время, как мы проезжали бы по улицам Тегерана. Советское и американское посольства отделены друг от друга расстоянием примерно в полтора километра…»

После окончания войны были опубликованы документы Тегеранской конференции Большой Тройки. Уже в послании Сталину от 24 ноября 1943 года Рузвельт выражал беспокойство по поводу обеспечения безопасности участников встречи в Тегеране: «Я знаю, что Ваше посольство и британское посольство в Тегеране расположены близко друг от друга, в то время как моя миссия находится от них на некотором расстоянии. Мне

сообщили, что все трое из нас подвергешись бы ненужному риску, отправляясь на заседания, если бы мы остановились слишком далеко друг от друга. Где, по Вашему мнению, должны мы жить?»

Запись беседы наркома иностранных дел В.М. Молотова с послом США в Москве Авереллом Гарриманом, состоявшейся в советском посольстве в Тегеране в ночь с 27-го на 28 ноября 1943 года, свидетельствует, что у «дядюшки Джо» было вполне определенное мнение, где лучше всего остановиться американскому президенту. Вячеслав Михайлович, зная об озабоченности Рузвельта проблемой безопасности, еще больше пугал американцев: «В последний момент получены неблагоприятные сведения. Дело в том, что со стороны прогерманских элементов в Тегеране готовятся враждебные акты в отношении руководителей наших государств. Эти акты могут вызвать серьезные инциденты, которых мы хотели бы избежать. Поэтому с точки зрения лучшей организации совещания и для того, чтобы избежать поездок по улицам, было бы безопаснее, если бы президент Рузвельт остановился в здании советского посольства».

Гарриман, похоже, испугался, но, чтобы сохранить лицо, сделал вид, что президент и сам собирался поступить именно так, до всяких молотовских страшилок: «Рузвельт с самого начала предполагал остановиться в советском посольстве – с целью избежать переездов. Но в последнее время ему, Рузвельту, сообщили, что передвижение по улицам совершенно безопасно, и поэтому, а также для того, чтобы не создавать неудобного положения для Черчилля, он решил остановиться в американском посольстве. Я не сомневаюсь в серьезности дела, но ввиду того, что речь идет о безопасности руководителей трех государств, хотел бы получить более подробную информацию».

И Молотов такую информацию охотно предоставил: «Речь идет о лицах, связанных с германским агентом в Иране Майером (резидент германской разведки, настоящая фамилия которого – Рихард Август; еще в августе 43-го его арестовала британская контрразведка. – *Б. Б.)*. В отношении группы Майера иранское правительство приняло меры и выслало некоторых лиц из Ирана. Однако агенты Майера еще остаются в Тегеране, и от них можно ожидать актов, которые могут вызвать нежелательные инциденты. Поэтому представляется целесообразным осуществить первоначальное предложение о том, чтобы президент Рузвельт остановился в советском посольстве».

Гарриман с облегчением подтвердил, что не сомневается: президент в Тегеране воспользуется советским гостеприимством. Но попросил уточнить, имеется ли в виду возможность

покушения, или речь идет о демонстрациях, которые прогерманские элементы могут устроить в персидской столице.

Молотов ответил уклончиво, поскольку слишком запугивать американцев тоже не стоило – вдруг Рузвельт вообще испугается ехать в Тегеран: «Эти элементы могут предпринять враждебные акты против кого-либо из руководителей наших государств и спровоцировать инцидент, который вызовет ответные меры. При этом могут пострадать невинные люди. Этого следует избежать, так как это выгодно лишь немцам и крайне нежелательно для союзников. Если что-либо случится, то будет непонятно, почему не было осуществлено первоначальное предложение».

Гарриман обещал тотчас передать президенту полученные сведения и выразил уверенность, что, раз маршал Сталин считает наилучшим решением, чтобы президент остановился в советском посольстве, то Рузвельт так и сделает. Действительно, днем 28 ноября президент Рузвельт покинул американскую миссию и срочно перебрался в советское посольство. Ему щедро отвели главное здание. Сталин же со своими спутниками скромно разместился во флигелях.

Черчилль тоже был обеспокоен возможными происками германских агентов в Тегеране и полностью одобрил решение Рузвельта. Британский премьер писал в мемуарах: Я был не в восторге от того, как была организована встреча по моем прибытии на самолете в Тегеран. Английский посланник встретил меня на своей машине, и мы отправились с аэродрома в нашу дипломатическую миссию. По пути нашего следования в город на протяжении почти 3 миль через каждые 50 ярдов были расставлены персидские конные патрули. Таким образом, каждый злоумышленник мог знать, какая важная особа приезжает и каким путем она проследует. Не было никакой защиты на случай, если бы нашлись два-три решительных человека, вооруженных пистолетами или бомбой.

Американская служба безопасности более умно обеспечила защиту президента. Президентская машина проследовала в сопровождении усиленного эскорта бронемашин. В то же время самолет президента приземлился в неизвестном месте, и президент отправился без всякой охраны в американскую миссию по улицам и переулкам, где его никто не ждал.

Здание английской миссии и окружающие его сады почти примыкают к советскому посольству, и поскольку англо-индийская бригада, которой было поручено нас охранять, поддерживала прямую связь с еще более многочисленными русскими войсками, окружавшими их владение, то вскоре они объединились, и мы, таким образом, оказались в изолированном

районе, в котором соблюдались все меры предосторожности военного времени. Американская миссия, которая охранялась американскими войсками, находилась более чем в полумиле, а это означало, что в течение всей конференции либо президенту, либо Сталину и мне пришлось бы дважды или трижды в день ездить туда и обратно по узким улицам Тегерана. К тому же Молотов, прибывший в Тегеран за 24 часа до нашего приезда, выступил с рассказом о том, что кто-то из нас должен постоянно разъезжать туда и обратно, вызывала у нас глубокую тревогу. «Если что-нибудь подобное случится, – сказал он, – это может создать самое неблагоприятное впечатление». Этого нельзя было отрицать. Я всячески поддерживал просьбу Молотова к президенту переехать в здание советского посольства, которое было в три или четыре раза больше, чем остальные, и занимало большую территорию, окруженную теперь советскими войсками и полицией. Мы уговорили Рузвельта принять этот разумный совет, и на следующий день он со всем своим штатом, включая и превосходных филиппинских поваров с его яхты, переехал в здание русского посольства, где ему было отведено обширное и удобное помещение. Таким образом, мы все оказались внутри одного круга и могли спокойно, без помех обсуждать проблемы мировой войны».

Англичане и американцы, как кажется, были настолько наивны, что полагали: Сталин приглашает Рузвельта в советское посольство исключительно из-за заботы о безопасности дорогого гостя. Думаю, не все здесь обстояло так просто. И далеко не случайно советская сторона щедрым жестом уступила американской делегации главное здание посольства. Оно наверняка было напичкано «жучками» и там легче было осуществлять прослушивание конфиденциальных разговоров Рузвельта со свитой. Да и психологически сам факт пребывания в советском посольстве должен был сделать американского президента более восприимчивым к аргументам Сталина. Не говоря уже о том, что нагнетаемая «дядюшкой Джо» в Тегеране атмосфера страха должна была побудить западных партнеров больше ценить союз с ним и сделать Рузвельта и Черчилля более покладистыми.

Между прочим, версию с советскими подслушивающими устройствами в апартаментах Рузвельта в Тегеране подтверждает сын Лаврентия Берии Серго, учившийся на факультете радиосвязи военной электротехнической академии в Ленинграде. Вот что он рассказывает *: «Я* уже год учился в академии, когда пришел приказ откомандировать меня в Москву. С чем это связано, я не догадывался. Уезжая из Ленинграда, знал только,

что направляюсь в распоряжение Генерального штаба – приказ пришел оттуда.

Не внес особой ясности и разговор, состоявшийся в Москве: «Ты направляешься на спецзадание. Аппаратуру, которую получишь, следует установить в одном месте».

Аппаратура была подслушивающей. Ни о какой конференции речь не шла. Не знал я и о том, что летим в Тегеран. Даже что сели в Баку, узнал только на летном поле.

В Тегеран прилетел все с той же группой офицеров. На аэродроме расстались, и я до сих пор не знаю, кто и с какой целью летел в Иран. Больше мы не виделись.

Встречали нас несколько военных и людей в гражданском. Одного я узнал сразу. Это был специалист из спецпаборатории НКВД, радист. От него стало известно, что мне предстоит заниматься расшифровкой магнитофонных записей.

По дороге с аэродрома никто не говорил о деле, а спрашивать было не принято. Подъехали к какому-то зданию, прошли вовнутрь.

Я не предполагал, что могу встретить здесь, в Иране, отца. Специалисты лишь успели сказать, что аппаратура уже подключена, когда вошел незнакомый офицер: «Вас вызывают».

Пройдя несколько комнат, я попал к отцу. Не виделись мы давно.

«Видишь, – говорит отец, – где встретились? Тегеран… Тебя уже предупредили, чем будешь заниматься? Иосиф Виссарионович лично потребовал, чтобы тебя и еще кое-кого подключили по его указанию к этой работе. Кстати, как у тебя с английским? Язык не подзабыл? Нет? Это хорошо. Вот мы тебя сейчас и проверим.

Пригласили одного из переводчиков. Перебросились мы приветствиями, пошутили.

– Да нет, – говорит отец. – Нормально поговорите.

Отец послушал нас и сказал: «Нормально, не забыл».

Когда переводчик вышел, отец заговорил о деле: «Только имей в виду. Это довольно тяжелая и монотонная работа».

С точки зрения техники вопросов у меня не возникало, а вот кого и с какой целью мы собираемся прослушивать, было любопытно. Но мы и поговорить-то толком не успели, как меня вызвали к Иосифу Виссарионовичу…

Сталин поинтересовался, как идет учеба в академии, и тут же перешел к делу: «Я специально отобрал тебя и еще ряд людей, которые официально нигде не встречаются с иностранцами, потому что то, что я поручаю вам, это неэтичное дело…»

Немного подумав, добавил: «Но я вынужден… Фактически

сейчас решается главный вопрос: будут они нам помогать или не будут. Я должен знать все, все нюансы… Я отобрал тебя и других именно для этого. Я выбрал людей, которых знаю, которым верю. Знаю, что вы преданы делу. И вот какая задача стоит лично перед тобой…»

Сталин вызывал нас по одному. Я не знаю, кто из них был армейским офицером, как я, кто служил в разведке или Наркомате иностранных дел. Правило ни о чем никогда не расспрашивать друг друга соблюдалось неукоснительно…

Вероятно, Иосиф Виссарионович такую же задачу поставил и перед моими новыми товарищами. А речь шла вот о чем. Все разговоры Рузвельта и Черчилля должны были прослушиваться, расшифровываться и ежедневно докладываться лично Сталину. Где именно стоят микрофоны, Иосиф Виссарионович мне не *сказал*. Позднее я узнал, что разговоры прослушиваются в шести-семи комнатах советского посольства, где остановился президент Рузвельт. Все разговоры с Черчиллем происходили у него именно там. Говорили они между собой обычно перед началом встреч или по их окончании. Какие-то разговоры, естественно, шли между членами делегаций и в часы отдыха.

Что касается технологии – обычная запись, только магнитофоны в то время были, конечно, побольше. Все разговоры записываются, обрабатываются. Но, конечно же, Сталин не читал никогда, да и не собирался читать, весь этот ворох бумаг. Учтите ведь, что у Рузвельта, скажем, была колоссальная свита. Представляете, сколько было бы часов записи? Конечно, нас интересовал в первую очередь Рузвельт.

Необходимо было определить и его, и Черчилля по тембру голоса, обращению. А микрофоны… находились в разных помещениях.

Какие-то вопросы… обсуждали и представители военных штабов. Словом, выбрать из этой многоголосицы именно то, что нужно Сталину, было… не так просто. Диалоги Рузвельта и Черчилля, начальников штабов обрабатывались в первую очередь. По утрам, до начала заседаний, я шел к Сталину.

Основной текст, который я ему докладывал, был небольшим по объему, всего несколько страничек. Это было именно то, что его интересовало. Сами материалы были переведены на русский, но Сталин заставлял нас всегда иметь под рукой и английский текст.

В течение часа-полутора ежедневно он работал только с нами. Это была своеобразная подготовка к очередной встрече с Рузвельтом и Черчиллем… Вспоминаю, как он читал русский текст и то и дело спрашивал: «Убежденно сказал или

сомневается? Как думаешь? А здесь? Как чувствуешь? Пойдет на уступки? А на этом будет настаивать?»

Без английского текста, собственных пометок, конечно, на все эти вопросы при всем желании не ответишь. Поэтому работали серьезно. Учитывали и тот же тембр голоса, и интонацию.

Разумеется, такое участие в работе конференции было негласным. Видимо, о том, чем мы занимаемся в Тегеране, кроме Сталина, мало кто знал. Мы практически ни с кем не общались. Днем и вечером ведем прослушивание, обрабатываем материалы, утром – к Сталину. И так все дни работы конференции. Думаю, работой нашей Иосиф Виссарионович был удовлетворен, потому что каких-либо нареканий не было. А когда конференция закончилась, нас так же тихо вывезли, как и привезли».

Присутствие Лаврентия Берии в Тегеране во время встречи Большой Тройки запомнилось и В.М. Бережкову. Валентин Михайлович вспоминает: «На Тегеранской конференции в советскую делегацию официально входили только Сталин, Молотов и Ворошилов. Но с ними в советском посольстве находился также и Берия. Каждое утро, направляясь к зданию, где проходили пленарные заседания, я видел, как он объезжает территорию посольского парка в «Бьюике» с затемненными стеклами, подняв воротник и надвинув на лоб фетровую шляпу. Поблескивали только стекла пенсне». Бережков, по всей вероятности, не подозревал, какими «неэтичными делами» занимается в Тегеране грозный шеф НКВД.

Вот где собака зарыта! Дядюшке Джо очень хотелось послушать, о чем говорят между собой друг Уинстон и друг Франклин. А удобнее всего это было сделать, поселив Рузвельта в советском посольстве. Потому-то Иосиф Виссарионович и предоставил широким жестом американскому президенту главное здание советского посольства, что там заранее «специалисты из спецлаборатории» расставили скрытые от посторонних глаз микрофоны. А чтобы побудить Рузвельта воспользоваться сталинским гостеприимством, была пущена в ход легенда о якобы готовящемся германской разведкой покушении на лидеров Антигитлеровской коалиции.

Рузвельт и Черчилль, равно как и начальники их охраны, и в мыслях не допускали, что друг и союзник будет за ними шпионить во время конференции. Сталин же, зная заранее об истинной реакции Черчилля и Рузвельта на сделанные им предложения, имел на руках все козыри.

На чем же основывались те предупреждения, которые Молотов довел до сведения американцев? Если верить книге Героя Советского Союза полковника Дмитрия Николаевича

Медведева «Сильные духом», информация о готовящемся покушении на Большую Тройку поступила от действовавшего во взаимодействии с отрядом Медведева легендарным разведчиком Николаем Ивановичем Кузнецовым.

Согласно мемуарам Д.Н. Медведева, Николай Кузнецов (он же обер-лейтенант вермахта Пауль Зиберт) получил сведения от своего знакомого в Ровно, столице рейхскомиссариата «Украина», гестаповца майора Ортеля: «Если одну черту в характере фон Ортеля – его непомерное тщеславие – Кузнецов уловил с самого начала их знакомства и, уловив, начал искусно играть на этой струнке, то теперь ему открылась другая черта, более важная, объясняющая всего фон Ортеля, со всеми кажущимися противоречиями. Этой чертой в характере Ортеля был цинизм…

Зиберт оставался верен своему обыкновению ни о чем не спрашивать. И его собеседник ценил в нем эту скромность.

– Послушай, Пауль, – предложил он вдруг, – а что если тебе поехать со мной? О, это идея! Клянусь богом, мы там не будем скучать!

– Из меня плохой разведчик, – уклончиво сказал Кузнецов.

– Ха! Я сделаю из тебя хорошего!

– Но для этого нужно иметь какие-то данные, способности…

– Они у тебя есть. Ты любишь хорошо пожить, любишь удовольствия нашей короткой жизни. А что ты скажешь, если фюрер тебя озолотит? А? Представляешь – подарит тебе, скажем, Волынь или, того лучше, земли и сады где-нибудь на Средиземном море. Осыплет тебя всеми дарами! Что бы ты на это сказал?

– Я спросил бы: что я за это должен сделать?

– Немного. Совсем немного. Рискнуть жизнью.

– Только-то?! – Кузнецов рассмеялся. – Ты шутишь, Ортель. Я не из трусов, жизнью рисковал не раз, однако ничего за это не получил, кроме ленточек на грудь.

– Вопрос идет о том, где и как рисковать. Сегодня фюрер нуждается в нашей помощи… Да, Пауль, сегодня такое время, когда надо помочь фюреру, не забывая при этом, конечно, и себя…

Пауль молча слушал.

И тогда фон Ортель сказал ему, куда он собирается направить свои стопы. Он едет на самый решающий участок фронта. Тут Пауль Зиберт впервые задал вопрос: «Где же он, этот решающий участок? Не в Москве ли? Или, может быть, на парашютах надо выброситься в Тюмень? Черт возьми, мне все равно, где он!»

– За это дадут тебе, Зиберт, лишний железный крестик. Нет,

мой дорогой лейтенант, решающий участок не там, где ты думаешь, и не на парашюте нужно туда спускаться, а приехать с комфортом, на хорошей машине и, что особенно запомни, нужно уметь носить штатское.

– Не понимаю. Ты загадываешь загадки Ортель! – в голосе Кузнецова прозвучала ирония. – Где же тогда этот твой «решающий участок»?

– В Тегеране, – с улыбкой сказал фон Ортель.

– В Тегеране? Но ведь это же Иран, нейтральное государство!

– Так вот именно здесь и соберется в ноябре Большая Тройка: Сталин, Рузвельт и Черчилль… И фон Ортель сказал, что он ездил недавно в Берлин, был принят генералом Мюллером и получил весьма заманчивое предложение, о смысле которого Зиберт, вероятно, догадывается. Впрочем, он может сказать ему прямо: предполагается ликвидация Большой Тройки. Готовятся специальные люди. Если Зиберт изъявит желание, он, фон Ортель, походатайствует за него. Школа – в Копенгагене. Специально готовятся террористы для Тегерана. Разумеется, об этом не следует болтать.

– Теперь-то ты понимаешь, наконец, как щедро наградит нас фюрер?

– Понимаю, – кивнул Зиберт. – Но уверен ли ты, что мне удастся устроиться?

– Что за вопрос! Ты узнай сначала, кому отводится одна из главных ролей во всей операции.

Зиберт промолчал.

– Мне! – воскликнул фон Ортель и рассмеялся, сам довольный неожиданностью признания. Он был уже порядком пьян…

Сразу после этого разговора Кузнецов прибыл в отряд и заявил о своем намерении прикончить фон Ортеля: Я едва сдержался и не убил его там – в казино».

– И прекрасно сделали, что сдержались, – успокоил разволновавшегося разведчика непосредственный начальник. – Вообще надо подумать, нужно ли убивать Ортеля?

– Товарищ командир, – дрожащим от волнения голосом промолвил Николай Иванович. – Этот гестаповский выродок хочет посягнуть на жизнь нашего вождя! Как вы можете меня удерживать!

– Вы только что сказали, – увещевал разбушевавшегося разведчика Медведев, – что Ортель возглавляет целую группу террористов, предназначенных для Тегерана. А вы знаете эту группу? Нет. Здесь, в Ровно, вы сможете убить одного только Ортеля, а в Тегеран поедут те, кого мы не знаем и знать не будем.

Ортеля надо не убивать, а выкрасть его из города живым. Здесь мы от него постараемся узнать, что за молодчики готовятся к поездке в Тегеран, их приметы, возможно, и адреса в Тегеране… Садитесь и напишите пока подробные приметы самого Ортеля. Обо всем, что вы сказали, и эти приметы мы сегодня же сообщим в Москву.

Кузнецов, закончив словесный портрет Ортеля, с возмущением сказал: «Этот прожженный шпион еще до войны пытался работать в Москве!.. Он говорит, что ходил, как по раскаленному песку. Они, лишенные долга, родины, чести, не понимают, что в Советском Союзе весь народ – разведчики!»

Эпопея же с Ортелем, по словам Медведева, закончилась ничем:…Кузнецов случайно встретил Макса Ясковца (немецкого офицера, приятеля Ортеля. – *Б. Б.)*. Тот сообщил ему о том, что есть слух, будто застрелился фон Ортель…

Самоубийство фон Ортеля Кузнецову показалось подозрительным. Он не хотел этому верить еще и потому, что смерть этой гадины окончательно расстраивала план, намеченный командованием отряда… После получения задания о похищении фон Ортеля Николай Иванович его не видел. Но о том, что он находится в Ровно, Кузнецов знал от Вали: она несколько раз встречала его. И Кузнецов надеялся, что сегодня-завтра он выполнит задание.

«О предстоящей встрече Большой Тройки в Тегеране никому не известно, – думал он теперь. – Возможно, что это вообще фантазия, которую придумал этот гестаповец, чтобы получить от меня лишнюю сотню марок. А вдруг эта тегеранская встреча будет? Как теперь узнать, кто из террористов туда поедет?»

Кузнецов отправился к Лидии Лисовской, выполнявшей функции двойного агента. Работая на партизан Медведева, она будто бы позволила завербовать себя и Ортелю и успешно его дурачила. Лидия подтвердила сомнения насчет самоубийства майора: «Три дня назад Ортель был у меня. Зашел проститься. Он собирался куда-то лететь из Ровно. Об отлете он просил меня не рассказывать никому, а если, говорит, скажут, что меня нет, что со мной что-нибудь случилось, то не опровергайте этого. Обещал привезти хороший подарок. Когда я услышала о самоубийстве, мне показалось, что тут что-то не так. Ортель уехал, а слух, что он покончил с собой, распустили гестаповцы».

Медведев утверждает, что расстроенный Николай Иванович направил в отряд письмо, где корил себя за то, что не успел выкрасть Ортеля и дал ему возможность уехать из Ровно.

Как вы думаете, дорогие читатели, почему обер-лейтенант Зиберт не смог похитить майора Ортеля? Мне-то кажется, что

ответ здесь ужасно прост: потому, что майора с такой фамилией не существовало в природе. И вся история с покушением на Большую Тройку была фантазией, только не «гестаповца Ортеля», а самого Дмитрия Николаевича Медведева. Интересно, кстати, почему это фон Ортель называл Черчилля, Рузвельта и Сталина Большой Тройкой?

Ведь данный термин употреблялся только в странах Антигитлеровской коалиции, но не в Германии.

И эта фантазия имела свое продолжение. В советской публицистике передавались слухи, будто к неудавшемуся покушению в Тегеране был причастен знаменитый похититель Муссолини Отто Скорцени. Распространились они после того, как сам признанный мастер спецопераций вроде бы подтвердил это в интервью парижскому журналу «Экспресс» в 1964 году: «Из всех забавных историй, которые рассказывают обо мне, самые забавные – это те, что написаны историками. Они утверждают, что я должен был со своей командой похитить Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это глупость: никогда мне Гитлер не приказывал этого. Сейчас я вам скажу правду по поводу этой истории: в действительности Гитлер приказал мне похитить Рузвельта во время предыдущей конференции – той, что проходила в Тегеране… Но бац! *(Смеется.)* Из-за различных причин это дело не удалось обделать с достаточным успехом…»

Не уловив откровенной издевки над легковерными историками и журналистами, содержавшейся в ответе Скорцени, генерал госбезопасности Павел Анатольевич Судоплатов без тени сомнения написал в мемуарах: «Партизанскому соединению под командованием полковника Медведева первому удалось выйти на связи Отто Скорцени… Медведев и Кузнецов установили, что немецкие диверсионные группы проводят тренировки в предгорьях Карпат своих людей с целью подготовки и нападения на американское и советское посольства в Тегеране, где в 1943 году должна была состояться первая конференция Большой Тройки. Группа боевиков Скорцени проходила подготовку возле Винницы, где действовал партизанский отряд Медведева. Именно здесь, на захваченной нацистами территории, Гитлер разместил филиал своей Ставки. Наш молодой сотрудник Николай Кузнецов под видом старшего лейтенанта вермахта установил дружеские отношения с офицером немецкой спецслужбы Остером, как раз занятым поиском людей, имеющих опыт борьбы с русскими партизанами. Эти люди нужны были ему для операции против высшего советского командования. Задолжав Кузнецову, Остер предложил расплатиться с ним иранскими коврами, которые собирался привезти в Винницу из деловой поездки в Тегеран. Это

сообщение, немедленно переданное в Москву, совпало с информацией из других источников и помогло нам предотвратить акции в Тегеране против Большой Тройки.

Оттого, что Судоплатов заменил Ортеля на Остера, медведевская, а вернее, теперь уже судоплатовско-медведевская версия, не стала убедительней. Слишком уж много в ней бросающихся в глаза нелепостей. Зачем понадобилось заставлять предназначенных для Тегерана террористов тренироваться в предгорьях Карпат, где действовали отряды Украинской Повстанческой Армии, польской Армии Крайовой и менее многочисленные, но гораздо лучше обученные и вооруженные советские партизанские отряды вроде медведевского? Почему было не послать людей Скорцени в гораздо более безопасные Баварские Альпы? И зачем было лагерь для подготовки покушения в Тегеране оборудовать в Копенгагене? Неужели рельеф и климат Дании и Ирана имеют большое сходство? И что было делать Ортелю в Ровно, от Карпат расположенного довольно далеко, зато обильно нашпигованного советской агентурой? Да и Скорцени, вот беда, точно сообщает, где именно он сам находился в конце ноября и начале декабря 43-го, во время Тегеранской конференции. Оказывается, любимец фюрера в этот момент обретался в Париже, чтобы, в случае наступления чрезвычайных обстоятельств, с помощью своих людей предотвратить попытку правительства Виши укрыться в оккупированной западными союзниками Северной Африке. Полученный Скорцени приказ гласил: «Окружить город Виши кордоном немецких войск, соблюдая все меры предосторожности и как можно незаметнее. Военные силы должны быть расставлены так, чтобы по первому же сигналу из Ставки немедленно перекрыть все выходы из города и воспрепятствовать любой попытке бегства, в пешем порядке или на машине. Кроме того, следует поставить в резерв боевую группу достаточной мощности для того, чтобы по второму сигналу перекрыть выходы и в случае необходимости захватить здание собственно французского правительства. Войска, которые примут участие в этой операции, должны быть подчинены майору Скорцени…» Согласимся, что на подготовку нападения на советское и американское посольства в Тегеране это нисколько не похоже.

Поведение же Зиберта в разговоре с фон Ортелем выглядит и вовсе странным. Неужели Ортель не запросил бы прежде Берлин о заинтересовавшем его симпатичном обер-лейтенанте Пауле Зиберте? Тогда очень скоро последовал бы ответ, что такой офицер в составе вермахта не числится, и песенка Кузнецова была бы спета. Его следующая встреча с майором наверняка состоялась

бы в застенке СД. Если бы Ортель действительно начал с Зибертом разговор о его возможном участии в акции в Тегеране, советскому разведчику надо было думать только об одном: как благополучно унести ноги.

И почему вдруг организацией покушения на Сталина, Рузвельта и Черчилля должен был заниматься, как это якобы утверждал Ортель, шеф гестапо Генрих Мюллер? Не потому ли, что Медведев по советской традиции всех сотрудников германской Службы Безопасности СД называл гестаповцами. Между тем, Вальтер Шелленберг, шеф 6-го управления Имперского Главного Управления Безопасности, как раз и занимавшегося разведкой и другими специальными операциями в тылу противника, ничего не сообщает в своих мемуарах о подготовке покушения в Тегеране в ноябре – декабре 43-го.

Думаю, что фантазию и Медведева, и Судоплатова питало цитировавшееся выше сообщение «Правды» о будто бы готовившемся покушении на Большую Тройку. Технически осуществить такое покушение немецкие спецслужбы в тот момент просто не могли. Сеть Франца Майера в Иране еще существовала, но находилась под плотным «колпаком» советской и британской контрразведок. Остается загадкой, каким образом немецкие террористы могли быть переброшены с территории рейха в Тегеран. Высадка с моря исключалась. Ведь подводную лодку пришлось бы посылать в плавание вокруг мыса Доброй Надежды, а судов, способных осуществить столь долгое автономное плавание, в Германии, да и во всем мире, тогда просто не существовало. И как, интересно, Скорцени мог бы вывезти Рузвельта из Ирана, если волшебным образом удалось бы похитить американского президента?

Главное же, никакого смысла в устранении всей Большой Тройки или кого-либо из ее членов для Гитлера объективно не было. В конце 1943 года немцы вели борьбу только за выигрыш времени. Они надеялись не столько на призрачное «чудо-оружие», сколько на раскол в Антигитлеровский коалиции. Но этим целям громкий теракт в Тегеране мог лишь повредить. Гибель одного из лидеров заставила бы его преемника вести войну до победного конца, совершенно независимо от собственных симпатий или антипатий к Гитлеру и партнерам по коалиции. Английское и американское общественные мнения просто не позволили бы Энтони Идену и Гарри Трумэну действовать иначе. В СССР, понятное дело, общественное мнение никакой существенной роли не играло. Но и здесь не было никаких указаний на то, что гипотетические преемники Стешина, скажем, Молотов, Мешенков или Жданов, могут пойти на сепаратный мир с Германией, когда

до полной победы оставалось уже совсем не много.

Но вернемся в Тегеран конца 1943 года. Черчилль доказывал, что до начала операции «Оверлорд» остается шесть месяцев и поэтому нежелательно, чтобы англо-американские войска оставались в течение всего этого времени в бездействии. В качестве первоочередной задачи он предлагал занять Рим и блокировать Германию с юга, организовав операции на Балканах и в восточном Средиземноморье. Вначале Черчилль дал понять, что предложенные им действия, «возможно, вызвали бы некоторую отсрочку операции через Канал». Затем он высказался более категорично: «Я не могу пожертвовать операциями в Средиземном море только ради того, чтобы сохранить дату 1 мая».

Сталин возражал Черчиллю, подчеркивая, что итальянский театр военных действий важен лишь для обеспечения свободы судоходства на Средиземном море, но не имеет существенного значения для дальнейших операций против Германии, так как наступление через Альпы предпринять крайне трудно. По поводу сроков высадки в Северной Франции он сказал, что лучше всего предпринять высадку в мае, а «если осуществить «Оверлорд» в августе… то из-за неблагоприятной погоды в этот период ничего из этой операции не выйдет».

Когда после обеда Рузвельт, сославшись на усталость, удалился, Черчилль заявил *: «Я* полагаю, что Бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы он стал нашим верным союзником…»

Сталин хладнокровно парировал: «Ну, а дьявол, разумеется, на моей стороне. Потому что, конечно же, каждый знает, что дьявол – коммунист. А Бог, несомненно, добропорядочный консерватор…»

Утром 30 ноября состоялось заседание англо-американского Объединенного комитета начальников штабов. Датой начала операции «Оверлорд» установили 1 июня 1944 года, по соображениям секретности сообщив советской стороне, что высадка начнется в мае.

Во время завтрака 30 ноября Рузвельт известил Сталина, что британскими и американскими представителями решено провести «Оверлорд» в мае 1944 года, поддержав его вспомогательным десантом в Южной Франции: «… Насколько сейчас можно судить, наиболее подходящим временем будет период с 15 по 20 мая». В ответ Сталин обещал «организовать к маю большое наступление в нескольких местах, с тем чтобы сковать немецкие дивизии на Восточном фронте и не дать немцам возможности создать какие-либо затруднения для «Оверлорда».

1 декабря американский президент предложил расчленить Германию на пять независимых государств, а Рурскую и Саарскую области, Гамбург и район Кильского канала поставить под международный контроль. Черчилль поддержал идею о расчленении Германии, предложив включить Баварию и другие южные немецкие провинции в так называемую Дунайскую конфедерацию, которую он предлагал создать после войны. Пруссия также подлежала отделению и изоляции от Германии».

Официальный биограф Черчилля профессор М. Гилберт отмечает, что по возвращении из Тегерана Черчилль сообщил Идену: «В Тегеране, когда Сталин говорил о Восточной Пруссии и Кенигсберге, он ничего не сказал о Прибалтийских государствах, которые останутся под русским контролем при любых обстоятельствах. – И добавил: – Запросы русских никак не выходят за пределы границ бывшей царской России, а в ряде случаев они заметно меньше». Здесь Уинстон ошибался, поскольку очень скоро советское влияние распространилось от Одера до Порт-Артура.

Конференция в Тегеране обсудила также польский вопрос. Черчилль и Рузвельт пытались побудить Сталина к восстановлению отношений с правительством Польши в Лондоне, прерванных Советским Союзом в апреле 1943 года после того, как оно потребовало расследования катынского преступления. К тому времени и премьер, и президент не сомневались, что это – советских рук дело (это Черчилль признал и в мемуарах). Об этом им сообщали дипломатические ведомства и разведывательные органы. Однако ради сохранения союза и Черчилль, и Сталин делали вид, что верят сталинской версии, будто поляков в Катыни убили немцы. Дядюшка Джо лицемерно заявил, что «Россия не меньше других, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы – за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне». Условием восстановления каких-либо связей с ним Стешин выдвинул прекращение польским эмигрантским правительством «антисоветской политики».

Примечательным событием во время конференции стала торжественная церемония передачи советской делегации от имени короля Великобритании Георга VI специально изготовленного меча в дар героям Сталинграда. На церемонии, состоявшейся 29 ноября, Черчилль появился в мундире офицера Королевских ВВС. После исполнения гимнов СССР и Великобритании, Черчилль взял в руки меч и произнес: «Его

величество король Георг VI повелел мне вручить вам для передачи городу Сталинграду этот почетный меч, сделанный по эскизу, выбранному и одобренному его величеством. Этот почетный меч изготовлен английскими мастерами, предки которых на протяжении многих поколений занимались изготовлением мечей. На лезвии меча выгравирована надпись: «Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами – гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа». Приняв из рук Черчилля меч, Сталин в ответной речи сказал: «От имени граждан Сталинграда я хочу выразить свою глубокую признательность за подарок короля Георга VI. Граждане Сталинграда высоко оценят этот подарок, и я прошу вас, господин премьер-министр, передать их благодарность его величеству королю…»

Вне заседаний лидеры трех стран держались весьма свободно. Так, Черчилль на приеме в честь своего 69-летия поднял тост «За пролетарские массы». На что Сталин ответил тостом «За консервативную партию».

Зоя Васильевна Зарубина, в то время лейтенант госбезопасности, вспоминала: «30 ноября 1943 года Черчиллю исполнилось 69 лет. Мне поручили сопровождать доставку в английское посольство праздничного подарка, который затем вручил британскому премьеру Сталин, – белую бурку, папаху и ящик армянского коньяка. Первое, что бросилось в глаза, – это стол, блиставший серебром и хрусталем с множеством столовых приборов, в которых было непросто разобраться. Переводчик Черчилля майор Бирс рассказывал, что Сталину предложили на выбор несколько коктейлей. Один из них он попробовал и, судя по выражению лица, в первый и последний раз».

Во время одного из совместных обедов в Тегеране произошел замечательный инцидент. Его хорошо описал в своих мемуарах Черчилль: «Обедали мы у Сталина, в узкой компании: Сталин и Молотов, президент, Гопкинс, Гарриман, Кларк Керр, я, Иден и наши переводчики. Усталости от трудов заседания как не бывало, было довольно весело, предлагалось много тостов. Как раз в это время в дверях появился Эллиот Рузвельт, который прилетел, чтобы присоединиться к своему отцу; кто-то жестом пригласил его войти. Поэтому он вошел и занял место за столом. Он даже вмешивался в разговор и впоследствии дал весьма пристрастный и крайне неверный отчет о том, что он слышал. Сталин, как рассказывает Гопкинс, сильно меня «поддразнивал», но я принимал это спокойно до тех пор, пока маршал в шутливом тоне не затронул серьезного и даже жуткого вопроса наказания немцев. Германский генеральный штаб, сказал он, должен быть

ликвидирован.

Вся сила могущественных армий Гитлера зависит примерно от 50 тысяч офицеров и специалистов. Если этих людей выловить и расстрелять после войны, военная мощь Германии будет уничтожена с корнем.

Здесь я счел нужным сказать:

«Английский парламент и общественное мнение никогда не потерпят массовых казней. Даже если в период военного возбуждения и будет дозволено начать их, английский парламент и общественное мнение после первой же массовой бойни решительно выступят против тех, кто несет за это ответственность. Советские представители не должны заблуждаться на этот счет».

Однако Сталин, быть может, только шутки ради продолжал говорить на эту *тему*.

«50 тысяч, – сказал он, – должны быть расстреляны».

Я очень рассердился.

Я предпочел бы, – сказал *я*, – чтобы меня тут же вывели в этот сад и самого расстреляли, чем согласиться запятнать свою честь и честь своей страны подобным позором».

Здесь вмешался президент. Он внес компромиссное предложение. Надо расстрелять не 50 тысяч, а только 49 тысяч человек. Этим он, несомненно, рассчитывал свести все к шутке. Иден тоже делал мне знаки и жесты, чтобы успокоить меня и показать, что это шутка. Однако в этот момент Эллиот Рузвельт поднялся со своего места в конце стола и произнес речь, в которой выразил свое полное согласие с планом маршала Сталина и свою полную уверенность в том, что американская армия поддержит его. Здесь я не выдержал, встал из-за стола и ушел в соседнюю комнату, где царил полумрак. Я не пробыл там и минуты, как почувствовал, что кто-то хлопнул меня сзади руками по плечам. Это были Сталин и Молотов; оба они широко улыбались и с живостью заявили, что они просто шутили и что ничего серьезного они и не думали. Сталин бывает обаятелен, когда он того хочет, и мне никогда не приходилось видеть, чтобы он проявлял это в такой степени, как в этот момент.

Хотя в то время – как и сейчас – я не вполне был уверен, что все это была шутка и что за ней не скрывалось серьезного намерения, я согласился вернуться к столу, и остальная часть вечера прошла очень приятно».

Сейчас не приходится сомневаться, что Сталин и Молотов были вполне серьезны, и в тот вечер прощупывали реакцию союзников на свое людоедское предложение. И в дальнейшем они максимально задерживали возвращение из плена германских

офицеров и генералов. А нескольких наиболее опасных генералов, вроде коменданта Берлина Вейдлинга и фельдмаршала фон Клейста, возможно, даже отравили. И это при том, что подобные меры были абсолютно бесполезны в качестве попытки воспрепятствовать возрождению германских вооруженных сил. Ведь подавляющее большинство офицеров и генералов вермахта оказались в плену у западных союзников и сравнительно быстро обрели свободу. Если бы случилось иначе и большинство немецких генералов и старших офицеров оказалось бы в советском плену, Сталин и Молотов, возможно, осуществили бы свою идею и поступили бы с ними так же, как с польскими офицерами и генералами в Катыни.

В переговорах Сталина с Рузвельтом и Черчиллем Молотов порой играл роль «злого следователя», аппетиты которого якобы вынужден был умерять Сталин, в результате добивавшийся принятия союзниками своих требований. В одном из посланий, например, Черчилль жаловался Сталину на позицию Молотова в вопросе о Польше: «а) Г-н Молотов, видимо, утверждает, что условия Крымского коммюнике предоставляют существующему варшавскому правительству абсолютное право на предварительные консультации по всем вопросам. В английском тексте та часть коммюнике, о которой идет речь и проект которого составлен американцами, не допускает такого толкования. Поэтому толкование, которое дается г-ном Молотовым, неприемлемо. Все кандидатуры поляков, предложенные любым из трех правительств, должны быть допущены к консультации, если эти кандидатуры не будут отвергнуты единодушным решением комиссии и будет сделано все, чтобы дать им возможность предстать перед комиссией как можно скорее. Комиссия должна обеспечить приглашенным полякам возможность поддерживать связь с другими поляками, с которыми они хотели бы проконсультироваться, будь то в Польше или за ее пределами, а также предоставить им право предложить на рассмотрение комиссии кандидатуры других поляков, которых следовало бы пригласить на заседания комиссии. Все поляки, приглашенные в комиссию, будут, естественно, пользоваться полной свободой передвижения и связи друг с другом во время пребывания в Москве и после окончания консультаций будут свободны выехать туда, куда они пожелают. Г-н Молотов возражает против приглашения г-на Миколайчика, но его присутствие было бы, конечно, крайне необходимо».

Не знаю, действительно ли Черчилль и Рузвельт не разгадали тактику игры в доброго и злого следователя или только делали вид, что верят в большую умеренность Сталина по сравнению с

Молотовым. Вряд ли они недооценивали степень централизации власти в Москве и не понимали, что какие-либо разногласия между Стешиным и Молотовым во внешнеполитических вопросах, да еще демонстрируемые публично, на международных конференциях и в посланиях зарубежным лидерам, в принципе невозможны.

23 марта 1944 года, отвечая на слова Черчилля в послании от 21 марта о том, что «мы продолжаем признавать Польское правительство, с которым мы были в постоянных отношениях с момента вторжения в Польшу в 1939 году; что мы теперь считаем, что все вопросы о территориальных изменениях должны быть отложены до перемирия или до мирной конференции держав-победительниц, и что тем временем мы не можем признавать никаких передач территории, произведенных силой», Сталин возмущенно писал: Я понимаю это так, что Вы выставляете Советский Союз как враждебную Польше силу и, по сути, отрицаете освободительный характер войны Советского Союза против германской агрессии».

6 июня 1944 года Черчилль сообщил Сталину о высадке в Нормандии: «Все началось хорошо. Мины, препятствия и береговые батареи в значительной степени преодолены. Воздушные десанты были весьма успешными и были предприняты в крупном масштабе. Высадка пехоты развертывается быстро, и большое количество танков и самоходных орудий уже на берегу. Виды на погоду сносные, с тенденцией к улучшению». Сам британский премьер немало поспособствовал успеху высадки, выдвинув идею создания искусственных портов. Благодаря этому отпала необходимость немедленного захвата хорошо укрепленных французских портов.

Как пишет французский биограф Черчилля Франсуа Бедарида, «первым фактором, повлиявшим на выбор Черчилля (в пользу боевых действий в Средиземноморье против высадки во Франции. – *Б. Б.),* был страх потерять слишком много человеческих жизней. Картины кровавой бойни времен Первой мировой войны на фронте от Соммы до полуострова Пашаэли были слишком живы в его памяти. Вот почему британский премьер-министр не спешил посылать на смерть своих соотечественников. Он прежде всего заботился о том, чтобы не допустить повторения печального опыта лобовых атак, которые выкосили бы цвет британской молодежи. Здесь американские союзники были солидарны с Черчиллем, они также не хотели приносить больших человеческих жертв и делали все возможное, чтобы сократить потери до минимума. Джон Макклой, бывший в те времена заместителем министра обороны Соединенных

Штатов, после войны поведал, как весной 1944 года Черчилль заявил ему, что отказывается пускаться в слишком рискованные предприятия: «Если Вы думаете, что я тяну время, боясь потерь, – это не так. Я не боюсь боевых потерь, я боюсь огромных потерь. Никто не может обвинить меня в нежелании бороться и помочь советскому народу, но мысль о том, что на моих глазах погибнет все молодое поколение Британии, невыносима».

Тут надо сказать, что ни британские, ни американские политики не могли позволить закидывать врага миллионами трупов своих солдат, как это делал Сталин, иначе бы они тотчас лишились бы своих постов под давлением избирателей, да еще могли бы попасть под суд. Сталин же, как кажется, искренне не понимал (или все-таки делал вид, что не понимает?), почему Сталин и Черчилль не готовы пожертвовать сотней-другой тысяч своих солдат, чтобы отвлечь хоть какие-то силы немцев с Восточного фронта, в то время как он, не задумываясь, жертвует десятками миллионов жизней своих солдат, безропотно идущих на смерть.

11 июня 1944 года Сталин в послании Черчиллю выразил восхищение успешной высадкой союзников в Нормандии: «Как видно, десант, задуманный в грандиозных масштабах, удался полностью. Я и мои коллеги не можем не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия с точки зрения его масштабов, широкого замысла и мастерства выполнения. Как известно, Наполеон в свое время позорно провалился со своим планом форсировать Ла-Манш. Истерик Гитлер, который два года хвастал, что он осуществит форсирование Ла-Манша, не решился сделать даже намек на попытку осуществить свою угрозу. Только нашим союзникам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша. История отметит это дело как достижение высшего порядка».

В октябре 1944 года Черчилль вновь посетил Москву. 9-го числа он поднес Сталину свой портрет с дарственной надписью. Они обсудили польскую проблему, но к согласию так и не пришли. Сталин соглашался лишь на включение нескольких «лондонских поляков» в состав коммунистического Люблинского правительства. То, что он так и не помог героически сражавшимся в Варшаве повстанцам Армии Крайовой, не должно было оставить у Черчилля каких-либо иллюзий, что дядюшка Джо собирается поставить Польшу под полный советский контроль.

Обсудили также балканские дела. Согласно советской записи, Черчилль заявил, что «подготовил довольно грязный и грубый документ, на котором показано распределение влияния Советского Союза и Великобритании в Румынии, Греции,

Югославии, Болгарии. Таблица составлена им для того, чтобы показать, что думают по этому вопросу англичане. Американцы будут поражены этим документом. Но Маршал Сталин – реалист, он, Черчилль, тоже не отличается сентиментальностью, а Иден это совсем испорченный человек. Он, Черчилль, не показал этого документа Британскому Кабинету, но Британский Кабинет обыкновенно соглашается с тем, что он, Черчилль, и Иден предлагают. Что касается парламента, то в парламенте у Кабинета большинство, да если и показать парламенту этот документ, он все равно ничего в нем не поймет.

Тов. Сталин говорит, что 25 %, предусмотренные для Англии в Болгарии, не гармонируют с другими цифрами таблицы. Он, тов. Сталин, считал бы необходимым внести поправки, а именно предусмотреть для Советского Союза в Болгарии 90 %, а 10 % для Англии.

Черчилль заявляет, что англичан болгары сильно оскорбили. В прошлой войне они очень плохо вели себя по отношению к англичанам, напав на Румынию. В нынешней войне болгары были очень жестокими по отношению к югославам и грекам. Он, Черчилль, не может допустить, чтобы после всего этого болгары сидели с союзниками за одним столом.

Тов. Сталин заявляет, что Болгарию, конечно, нужно наказать.

Иден заявляет, что в Румынии англичане являются зрителями, но в Болгарии они хотели быть немного больше чем зрителями.

Молотов спрашивает, относится ли сюда турецкий вопрос.

Он, Черчилль, конечно, не касался турецкого вопроса, а лишь хотел показать, что у англичан на уме. Он, Черчилль, очень обрадован тем, насколько близкими оказались точки зрения обеих сторон. Он полагает, что можно будет еще раз встретиться и решить вопрос окончательно.

Тов. Сталин говорит, что если речь идет о Турции, то он должен сказать, что по Конвенции в Монтре Турция имеет все права на Проливы, в то время как Советский Союз очень мало имеет прав. По Конвенции в Монтре у Советского Союза столько же прав, как и у японского императора. Он, тов. Сталин, считает, что необходимо обсудить вопрос о пересмотре Конвенции в Монтре, так как она совершенно не соответствует современной обстановке.

Черчилль заявляет, что Турция потеряла сейчас права на вступление в войну. Она не вступала в войну раньше потому, что она боялась Германии, так как у нее не было современного оружия. Кроме того, турки не только не умеют обращаться с

современным оружием, но и не имеют многочисленных подготовленных войск.

Тов. Сталин замечает, что у турок сейчас во Фракии сосредоточено 26 дивизий. Неясно, против кого они сосредоточили эти дивизии.

Черчилль заявляет, что турки боялись болгар, так как немцы передали болгарам захваченное у французов оружие. В нынешней войне Турция научилась бояться Болгарию. Смотря в будущее, он, Черчилль, может сказать, что британская политика не состоит в том, чтобы не дать России доступа к теплым морям и великим мировым океанам. Напротив, британцы считают, что эта задача составляет элемент русско-британской дружбы. Теперь не существует политики Дизраэли и Керзона. Какие изменения, по мнению маршала Сталина, нужно будет сделать в Конвенции в Монтре?

Тов. Сталин отвечает, что он не может сказать, какие нужны изменения и чем нужно заменить Конвенцию, но он чувствует, что Конвенция не соответствует современной обстановке и заострена против России. Он, тов. Сталин, хотел бы спросить Черчилля, согласен ли он в принципе, что Конвенцию нужно изменить. В самом деле, не может такая большая страна, как Советский Союз, быть под страхом того, что такая небольшая страна, как Турция, может закрыть Проливы и поставить под вопрос наш экспорт, импорт или оборону. Он, тов. Сталин, не хочет ущемить суверенитета Турции, но нельзя терпеть такое положение, когда Турция держит за горло советскую торговлю и судоходство.

Черчилль отвечает, что он в принципе разделяет этот взгляд маршала Сталина, но считает, что этот вопрос лучше зафиксировать на бумаге немного позже, так как в противном случае Турция может испугаться и подумать, что у нее требуют уступить Стамбула. Черчилль придерживается того взгляда, что Россия должна получить возможность выхода к Средиземному морю как для военных, так и торговых судов. Мы надеемся, говорит Черчилль, работать в этом вопросе дружно с Советским Союзом, но мы хотели бы подойти к этому вопросу осторожными шагами, чтобы не испугать Турцию. Если бы Советский Союз и Англия сидели за общим столом и составляли бы соглашение о перемирии и если бы русские просили о том, чтобы англичане согласились с предоставлением советским судам, военным и торговым, возможности входа в Средиземное море, то он, Черчилль, *сказал* бы, что Великобритания против этого не возражает.

Тов. Сталин отвечает, что он не торопит Черчилля с этим

вопросом, но хотел бы его предупредить, что такой вопрос стоит у Советского Союза. Он, тов. Сталин, хотел бы, чтобы Черчилль признал, что постановка такого вопроса законна.

Черчилль отвечает, что он согласен с этим не только в принципе, но и считает, что Советский Союз должен взять на себя инициативу заявить о своем взгляде, что нужно изменить Конвенцию и сообщить Соединенным Штатам о том, что Советский Союз думает по этому вопросу. Со своей стороны, британское правительство считает претензии Советского Союза в принципе справедливыми и морально обоснованными.

Черчилль заявляет, что тот подход к Балканам, который он изложил, предотвратил бы возникновение гражданской войны там из-за различия идеологий. Он, Черчилль, считает, что союзники не могут разрешить балканским народам иметь небольшую гражданскую войну после того, как союзники закончат великую войну. Раздор на Балканах должен быть прекращен авторитетом и властью трех великих держав. Мы должны, говорит Черчилль, сказать балканским народам, что эти вопросы решены тремя державами и что они должны руководствоваться советом трех великих держав. Британия ни в коем случае не будет навязывать короля Югославии, Греции или Италии, но в то же время Британия считает, что народы должны иметь право на плебисцит в мирное время. Что бы ни предпочли народы в конечном счете, монархию или другой режим, – они должны иметь возможность высказать свою волю свободно. Он, Черчилль, хотел бы спросить маршала Стешина, не возражает ли он против сотрудничества с королем, если король будет избран народом.

Тов. Сталин отвечает, что он не возражает.

Черчилль заявляет, что англичане надеются, что в Северной Италии власть будет осуществляться под руководством армии союзников. Англичане не ценят итальянского короля, но англичане не хотят, чтобы в Италии после или до ухода оттуда вооруженных сил союзников возникла гражданская война. Мы, говорит Черчилль, хотели бы, чтобы советское правительство затормозило деятельность итальянских коммунистов, чтобы итальянские коммунисты не будоражили Италию и не создавали там возбуждения. Все можно будет решить демократическим путем, но мы, заявляет Черчилль, не хотим беспорядков в Италии, где находятся войска союзников, ибо эти беспорядки могут привести даже к столкновениям с войсками. Рузвельт относится благосклонно к итальянцам, хотя ему, Черчиллю, это не нравится. Тут дело в том, что в штате Нью-Йорка много итальянских голосов.

Тов. Сталин говорит, что ему трудно повлиять на итальянских коммунистов, он не знает национальной обстановки в Италии. Кроме того, в Италии нет советских войск в противоположность Болгарии, где они имеются и где мы можем приказать коммунистам не делать того-то и того-то. Но если, он, тов. Сталин, будет давать какие-либо советы Эрколи, то Эрколи может послать его к черту, ибо он, тов. Сталин, совсем не знает национальной обстановки в Италии. Другое дело, когда Эрколи был в Москве, он мог с ним беседовать. Он, товарищ Сталин, может лишь сказать, что Эрколи умный человек и что он не пойдет на какую-либо авантюру.

Черчилль говорит, что пусть все же итальянские коммунисты не будоражат Италию.

Тов. Сталин заявляет, что нужно было бы исправить цифру по Болгарии.

Черчилль отвечает, что, вообще говоря, ему на Болгарию наплевать и что, может быть, этот вопрос обсудят между собой Иден и Молотов.

Тов. Сталин отвечает согласием.

Черчилль заявляет, что остается еще несколько вопросов, которые должны быть обсуждены. Нужно будет иметь особую беседу о будущем Германии. В Тегеране этот вопрос был рассмотрен очень поверхностно. Нужно, чтобы на беседе о будущем Германии присутствовал Гарриман. Он, Черчилль, воздерживался и воздерживается от публичного заявления о расправе с Германией огнем и мечом, так как это заставило бы немцев сражаться еще более упорно. Но здесь он, Черчилль, может сказать, что он стоит за жесткое обращение с Германией. В Америке существуют два мнения по этому вопросу. Президент за жесткое обращение с Германией. Но самое лучшее, конечно, это сначала одержать победу над немцами, а тогда сказать, что им следует делать. Нужно решить вопрос, отделить ли Восточную Пруссию, Саар, Рур и вообще раздробить территорию Германии, запретить немцам иметь оружие.

Русские фабрики сильно пострадали в этой войне так же, как и бельгийские и голландские. Он, Черчилль, думает, что немцы будут обязаны возместить ущерб машинами. Встает вопрос, как разделить Германию. Может быть, Иден, Молотов и Гарриман обсудят между собой этот вопрос в деталях и представят маршалу Сталину, ему, Черчиллю, полную картину общих предложений.

Тов. Сталин соглашается с этим предложением и заявляет, что, по его мнению, Версальский договор был половинчатым. Он породил в Германии настроение реванша, но он не лишил Германию возможности осуществить реванш. Любые меры по

обузданию Германии неизбежно вызовут настроение реванша в Германии. Задача состоит в том, чтобы предотвратить реванш. Для этого нужно до минимума сократить тяжелую промышленность Германии и веете отрасли Германии, из которых возникают военные отрасли промышленности. Если союзники не лишат Германию возможности для осуществления реванша, то войны с Германией будут неизбежны через каждые 25–30 лет.

Черчилль с этим соглашается, заявляя, что немцев, состоявших в фашистских отрядах, отрядах гестапо, и гитлеровскую молодежь нужно отправить на исправительные работы, чтобы показать им, что строить труднее, чем уничтожать. Он, Черчилль, может сказать, что в Англии не могли бы согласиться с массовым истреблением лиц этой категории. Нужно будет их перевоспитать.

Тов. Сталин отвечает, что никто массового истребления не предлагает и что самым верным средством перевоспитания будет длительная оккупация Германии.

Черчилль заявляет, что американцы, вероятно, не намерены участвовать в длительной оккупации Германии.

Тов. Сталин заявляет, что к оккупации можно будет привлечь другие союзные страны, в том числе Францию.

Черчилль с этим соглашается.

Тов. Сталин заявляет, что к оккупации Германии можно будет привлечь также вооруженные силы мелких союзных государств.

Черчилль говорит, что он хотел бы, чтобы в оккупации Германии были использованы также войска единой Польши.

Тов. Сталин заявил, что поляки будут заниматься оккупацией Германии с большой охотой. Полякам нужно будет отдать Восточную Пруссию, Силезию, а район Кенигсберга с городом заберет Советский Союз.

Черчилль заявляет, что он считает это правильным, но полагает, что германское население из этих районов должно быть переселено в Германию. Теперь для немцев, после того как союзники истребили около 8 миллионов немцев, в Германии будет достаточно жизненного пространства.

Тов. Сталин отвечает, что он согласен с тем, чтобы немецкое население Силезии и Восточной Пруссии было переселено в Германию».

Следует подчеркнуть, что советская историография отрицала, что Черчилль и Сталин обсуждали план раздела сфер влияния на Балканах, хотя Черчилль рассказал об этом в мемуарах. Советская запись беседы 9 октября 1944 года в полном виде не публиковалась. Согласно первоначальной британской записи, Черчилль положил на стол лист бумаги с личным знаком WSC и

сказал, что этот «грязный документ» содержит список балканских стран и пропорциональную заинтересованность в них великих держав и что американцы, если узнают, то будут поражены той грубостью, с которой он его изложил, но господин Сталин – реалист и поймет, о чем идет речь. Британский премьер предложил раздел «сфер влияния» на Балканах в следующем процентном соотношении: Румыния – 90 % влияния России, 10 % – другие; Греция – 90 % влияния Англии (в сотрудничестве с США), 10 % – другие; Югославия и Венгрия – 50 на 50 %; Болгария – 75 % влияния России, 25 % – другим странам. Позднее Черчилль говорил Идену, что «забыл» про Албанию, которую следует также разделить 50 на 50 %.

Обсуждение планов раздела сфер влияния на Балканах, равно как и планов раздела и максимального ослабления Германии, было вполне циничным. Сталин, требуя полного советского доминирования в Болгарии, ясно намекал, что от этого зависит, насколько итальянские коммунисты будут пытаться дестабилизировать королевское правительство Италии. Отдавая Англии Грецию, Сталин требовал для СССР ведущей роли в остальных балканских странах.

10 октября 1944 года на встрече Молотова и Идена Молотов от имени Сталина заявил, что «ввиду тех тяжелых жертв, которые в настоящее время несут советские войска в боях на территории Венгрии, следовало бы в случае с Венгрией изменить соотношения, предложенные Черчиллем, на 75:25. Кроме того, нужно учитывать, что Венгрия является пограничной с Советским Союзом страной и что заинтересованность Советского Союза в Венгрии понятна. У Советского Союза нет территориальных претензий к Венгрии».

По словам Идена, «болгары обращались с англичанами и американцами так, как будто бы союзники проиграли войну, а болгары ее выиграли. Британские офицеры, находящиеся в Северной Греции, были взяты под стражу болгарскими властями. Он, Иден, должен просить русских друзей о том, чтобы такому положению был положен конец. Он, Иден, готов обсуждать условия перемирия для Болгарии, но он хотел бы попросить о том, чтобы болгарским властям в Греции были даны указания с уважением относиться к британским офицерам.

Молотов заявляет, что в Болгарии необходимо навести порядок и, хотя в Болгарии к власти пришло новое правительство, с Болгарии не может быть снята ответственность за участие в войне на стороне Германии. Он, Молотов, думает, что должны быть предприняты практические шаги для того, чтобы болгарские власти должным образом относились к британским офицерам.

Иден отвечает, что непорядки имеют место не там, где расположены русские войска. Они имеют место в Северной Греции. Он, Иден, хотел бы просить Молотова, чтобы маршалу Толбухину были даны указания о том, чтобы он приказал болгарам прекратить безобразное отношение к британским офицерам в Греции. Британское правительство посылает в Грецию еще несколько офицеров, и он, Иден, не хочет, чтобы, прибыв туда, они попали в тюрьму.

Молотов отвечает, что с самого начала между британским и советским правительствами было достигнуто соглашение о том, чтобы потребовать от Болгарии в качестве предварительного условия вывода болгарских войск из Греции и Югославии. Но советское правительство до сих пор ни через Толбухина, ни иначе не вмешивалось в события, которые имеют место за пределами Болгарии.

Иден заявляет, что он это понимает, и еще раз повторяет свою просьбу относительно британских офицеров в Греции.

Молотов заявляет, что, как он думает, об этом можно было бы договориться.

Иден заявляет, что он готов обсудить с Молотовым условия перемирия для Болгарии. Все вопросы, конечно, могут быть окончательно разрешены только в Европейской консультативной комиссии (ЕКК), где представлены американцы. Но он, Иден, думает, что если в Москве будет достигнуто соглашение, то об этом можно будет телеграфировать в Лондон советскому и британскому представителям, которые договорятся с американскими представителями в ЕКК. Он, Иден, хотел бы знать, где, по мнению советского правительства, должны состояться переговоры с болгарами. Британское правительство согласно с тем, чтобы они состоялись в Москве.

Молотов отвечает, что переговоры лучше вести там, где они пойдут быстрее. Можно и в Лондоне.

Иден говорит, что переговоры могут состояться там, где предпочитает советское правительство…

Молотов считает, что если британское правительство согласится на предоставление в Болгарии 90 % Советскому Союзу, то остальные вопросы могут быть легко решены…

Иден отвечает, что он не знает, как быть с процентами, но англичане хотят иметь в Болгарии большую долю, чем в Румынии, где у них всего имеется 10 %.

Молотов говорит, что идея процентов вытекает из вчерашнего совещания. Может быть, мы договоримся о том, что для Болгарии, Венгрии и Югославии будет соотношение установлено 75:25.

Иден говорит, что это хуже, чем вчера.

Молотов отвечает, что тогда, может быть, принять 50:50 для Югославии, 90:10 – для Болгарии и внести поправку для Венгрии.

Иден отвечает, что он готов пойти навстречу в случае с Венгрией, но он, Иден, просит помочь обеспечить англичанам большее участие в делах Болгарии после капитуляции Германии. Он, Иден, не настаивает на этой американской формулировке, но он хочет, чтобы в ЕКК были представлены англичане после капитуляции Германии.

Молотов спрашивает, не договоримся ли мы о том, чтобы установить по Венгрии соотношение 75:25, прежде чем перейти к обсуждению других вопросов. Не согласятся ли англичане на 75:25 для Болгарии и на 60:40 для Югославии. Как Иден может видеть, он, Молотов, делает уступку на 15 % по Болгарии, но зато в Югославии он, Молотов, предлагает установить 60 %.

Иден отвечает, что он не хочет, чтобы соотношение для Югославии изменялось. Премьер будет очень расстроен, если будет сделана попытка изменить соотношение для Югославии, так как Англия очень много помогала Тито, снабжая его вооружением. Поэтому он, Иден, предложил бы, чтобы соотношение для Венгрии было 75:25, для Болгарии – 80:20 и для Югославии 50:50…

Молотов отвечает, что он согласен отказаться от поправки для Югославии, если для Болгарии будет принято соотношение 90:10. Если по Болгарии принять 75:25, то тогда по Югославии надо принять 60:40. При этом он, Молотов, хотел бы заявить, что Советский Союз не намерен вмешиваться в дела на морском побережье Югославии. Если же в Югославии оставить 50:50, то тогда нужно принять поправку для Болгарии.

Иден говорит, что англичане и американцы воевали с болгарами в течение трех лет. Болгары очень плохо обращались с американскими пленными. Россия воевала с Болгарией лишь 48 часов.

Молотов заявляет, что Болгария причинила Советскому Союзу больше ущерба, помогая немцам, чем какой-либо другой стране. Он, Молотов, просил бы Идена считаться с тем, что Румыния и Болгария являются черноморскими странами. У Англии к Черному морю должно быть меньше интереса, чем к Средиземному морю. За свое поведение в войне Болгария не будет иметь доступа к Средиземному морю».

Советская сторона откровенно использовала подконтрольное ей коммунистическое правительство Болгарии для шантажа англичан. Разумеется, без ведома советских оккупационных властей болгары никогда бы не рискнули арестовать британских офицеров.

11 октября Молотов и Иден договорились о том, что процент «советского влияния» в Болгарии и Венгрии составит 80 %. Реального значения все эти проценты не имели, поскольку, за исключением Греции, в остальных балканских странах Советский Союз господствовал безраздельно, не допуская туда западных наблюдателей. Только ссора Сталина и Тито в 1948 году вывела Югославию из советской сферы влияния и заставила Тито какое-то время опираться на помощь Англии и США 11 октября 1944 года на приеме в английском посольстве в Москве в ответ на сетования Черчилля, что советские действия в Польше могут осложнить отношения Англии с Ватиканом, Сталин не без издевки заметил: «А сколько дивизий у папы римского?» – подчеркивая, что уважает только силу, а не моральные или религиозные авторитеты.

13 октября 1944 года Сталин и Черчилль, а также Гарриман встретились с люблинскими поляками. Однако компромисса достичь не удалось. В итоге в правительство просоветского Польского Комитета Национального Освобождения вошел только бывший глава польского правительства в изгнании и лидер Крестьянской партии Станислав Миколайчик.

Во время беседы представитель ПКНО Эдвард Осубка-Моравский заявил, что главное расхождение между лондонскими и люблинскими поляками в том, что, по мнению Миколайчика, командующий Армией Крайовой генерал Бур-Комаровский и другие варшавские повстанцы – герои, а по мнению ПКНО – нет.

Черчилль возразил, что Бур завоевал восхищение миллионов людей, пусть не своим благоразумием (неблагоразумным Черчилль считал нежелание пойти на компромисс с Москвой), но своей храбростью.

Сталин с Черчиллем не согласился, но британский премьер остался при своем мнении. Однако дальше восхищения мужеством бойцов Армии Крайовой он не пошел, в том числе и потому, что в попытке вырвать Польшу из-под советского контроля не был поддержан президентом Рузвельтом.

14 октября на встрече со Сталиным Черчилль заявил, извиняясь за откровенность, что «если не удастся разрешить польский вопрос, то будет невозможно убедить общественное мнение в том, что люблинский комитет не является выражением русской воли и необходимым мероприятием в тылу Красной Армии. Та пропаганда, которую ведет люблинский комитет, является весьма эффективным орудием для польского правительства в Лондоне в его кампании против люблинского комитета. Например, Моравский ругал участников варшавского восстания. Он, Черчилль, должен сказать, что такие выступления

Моравского принесли больше вреда, чем пользы».

Сталин в ответ утверждал, что «Моравский выступал не против героического населения Варшавы, а против Бура и его хозяев».

Черчилль резонно заметил, что в Польше до войны было очень мало коммунистов.

Тогда дядюшка Джо прочел партнеру лекцию по политграмоте: «Польский народ рассуждает очень элементарно. Поляки считают, что Красная Армия освобождает Польшу, и спрашивают, кто из польских руководителей является другом Красной Армии. Поляки видят, что люблинский комитет – с Красной Армией. Они видят, что англичане вместе с американцами в союзе с Красной Армией, но они спрашивают, почему никого из представителей лондонского польского правительства нет с Красной Армией.

Польские крестьяне не могут этого понять. Миколайчик не понимает, какой большой вред наносит ему этот факт. Что касается утверждения, что ПКНО является выражением русской воли, то это неправильно, так как комитет пользуется широкой поддержкой польского народа. Конечно, в комитете имеются противоречия, но Черчилль знает, насколько поляки капризный народ».

Черчилль возразил, что британское правительство ознакомилось с биографиями люблинских поляков и выяснило, что глава ПКНО Болеслав Берут – старый коммунист, который «был в тюрьме при Пилсудском, но был впоследствии обменен советским правительством».

Сталин, не моргнув глазом, соврал, что Берут вышел из компартии в 1937 или 1938 году и что он познакомился с Берутом лишь в последнее время.

Черчилль признался, что думает: будущность мира зависит от дружбы британцев и американцев с Советским Союзом. В то же время малые европейские страны напуганы до смерти большевистской революцией. Это объясняется тем, что до ликвидации Коминтерна советское правительство заявляло о своем намерении советизировать все страны Европы. Он, Черчилль, помнит, как в 1919–1920 гг. весь мир дрожал в страхе перед мировой революцией, хотя он уверен, что в Англии бы революции не было.

Сталин еще раз спокойно соврал, что теперь мир не будет дрожать в страхе, поскольку «Советский Союз не намерен устраивать большевистские революции в Европе», в чем можно убедиться на примере Румынии, Болгарии и Югославии.

Этот пример Черчилля не вдохновил, собеседнику он не

поверил, но, соблюдая дипломатически этикет, заявил, что «верит всему тому, что ему заявляет маршал Сталин».

Насчет большевистских революций в Европе Сталин совершенно не кривил душой. Никаких революций в Восточной Европе он допускать не собирался, а хотел просто без каких-либо революций, если понимать под последними массовые народные выступления, привести к власти коммунистические правительства, привезенные в обозе советских войск, и Польша здесь не была исключением.

Черчилль, хотя и неоднократно заявлял, что Англия вступила в войну из-за Польши и потому делом чести для нее является обеспечить создание в Польше сильного и демократического государства, де-факто вместе с Рузвельтом признал Польшу сферой советского влияния, поскольку она была освобождена Красной Армией.

Однако после ухода в отставку с поста премьера в июле 1945 года Черчилль публично критиковал советскую политику в отношении Польши и насильственное утверждение там коммунистического правительства.

19 октября, перед отбытием из Москвы, на аэродроме Черчилль заявил: «Самым большим удовольствием и честью для меня было то, что я имел так много длительных и задушевных бесед с моим другом и военным товарищем маршалом Сталиным, и то, что я занимался многими трудными вопросами, неразрывно связанными с объединенным маршем великих народов вперед через многочисленные превратности войны.

Я глубоко надеюсь и верю, будучи твердо убежден, что полководец-государственный деятель, стоящий во главе России, поведет русский народ, все народы России через эти годы грозы и бури к солнечным дням более свободного и счастливого века для всех и что с ним в выполнении этой задачи будут идти страны Британского Содружества Наций и могущественные Соединенные Штаты Америки».

Вряд ли уже тогда премьер был искренен.

Подводя итоги визита, Черчилль, выступая 27 октября в Палате общин, сказал: Я рад сообщить Палате, что наши отношения с Советской Россией никогда еще не были столь прочными, доверительными и сердечными, как сегодня. Никогда ранее мы не имели возможности вести дискуссии столь открыто… Не говоря уже о том, что мы едины в том, чтобы довести войну до полной победы».

Но это была хорошая мина при плохой игре. Черчилль все больше сознавал, что не в состоянии помешать Сталину поставить под свой контроль Восточную Европу.

Надо признать, что дипломатия Сталина облегчалась тем, что союзники, заинтересованные в советской военной помощи, закрывали глаза на идеологические различия и отсутствие в СССР демократии. Они, особенно Черчилль, во время войны грубо льстили Сталину, называли Советский Союз «одной из трех «великих демократий», наряду с США и Англией, хотя прекрасно знали, что никакой демократии в СССР нет и в помине.

Все это отчетливо проявилось в феврале 45-го в Ялте, где Большая Тройка в последний раз встречалась в прежнем составе. Черчилль, как казалось, был в хорошем настроении. Он нашел Рузвельта «здоровым и телом, и душой» (что не имело ничего общего с действительностью), а также нахваливал организованный для гостей «восхитительный ланч» с шампанским и икрой.

6 февраля на встрече Черчилль заявил о готовности признать линию Керзона восточной границей Польши с оставлением Львова в советских руках. Но польский вопрос и на этот раз не был решен. Предложения об объединении лондонских и люблинских (а теперь варшавских) поляков Сталин отверг, ссылаясь на мнение ПКНО.

Согласно записи в дневнике Майского от 6 февраля, «вдруг Сталин встал (до сих пор он всегда говорил сидя) и сделал широкий жест правой рукой. Ему хотелось выйти из-за стола и начать ходить из угла в угол, как это он часто делает во время бесед в своем кабинете, но он вовремя опомнился и сдержался: на конференции Большой Тройки такая манера была не совсем удобна. Поэтому Сталин лишь отодвинул свое кресло и, освободив таким образом некоторое пространство, с необычной горячностью заговорил: «Господин Черчилль только что сказал, что вопрос о Польше для британского правительства является вопросом чести. Мне это понятно. Со своей стороны, однако, я должен сказать, что для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства. Дело не только в том, что Польша пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападавший на Россию. Достаточно вспомнить хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги так легко до сих пор

проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства…

Чем дольше говорил Сталин, тем напряженнее становилась тишина за круглым столом, тем мрачнее делались лица Рузвельта и Черчилля…

Когда я подошел к Черчиллю проститься, он отвел меня слегка в сторону и сказал:

Я очень огорчен. Сталин слишком неуступчив. В своей последней речи я старался быть возможно более мягким и осторожным. Я говорил о наличии «различной информации»… Но если говорить откровенно, то ежедневно к нам поступает много сведений, которые рисуют внутреннее положение в Польше в крайне мрачном свете: люблинское правительство не пользуется популярностью, многие его ненавидят, идут массовые аресты и высылки в Сибирь всех инакомыслящих, все держится на ваших штыках…»

8 февраля 1945 года на приеме в Юсуповском дворце в Ялте Черчилль в славословии дядюшки Джо перешел последние пределы приличия и здравого смысла: Я не прибегаю ни к преувеличению, ни к цветастым комплиментам, когда говорю, что мы считаем жизнь маршала Сталина драгоценнейшим сокровищем для наших надежд и наших сердец. В истории было много завоевателей. Но лишь немногие из них были государственными деятелями, и большинство из них, столкнувшись с трудностями, которые следовали за их войнами, рассеивали плоды своих побед. Я искренне надеюсь, что жизнь маршала сохранится для народа Советского Союза и поможет всем нам приблизиться к менее печальным временам, чем те, которые мы пережили недавно. Я шагаю по этому миру с большей смелостью и надеждой, когда сознаю, что нахожусь в дружеских и близких отношениях с этим великим человеком, слава которого прошла не только по всей России, но и по всему миру». В общем, британский премьер, казалось, просто готов был лопнуть от счастья, что живет в одну эпоху с таким великим и во всех отношениях достойным человеком, да еще может называть его своим другом.

Сталин ответил Черчиллю по принципу – кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку: Я провозглашаю тост за

лидера Британской империи, за самого мужественного из всех премьер-министров, сочетающего в себе политический опыт и военное руководство, за человека, который в момент, когда вся Европа была готова пасть ниц перед Гитлером, заявил, что Англия не дрогнет и будет сражаться против Германии одна, даже без союзников. Даже если нынешние и возможные союзники покинут ее, сказал он, она будет продолжать сражаться. За здоровье человека, который может родиться лишь раз в столетие и который мужественно поднял знамя Великобритании. Я сказал то, что чувствую, то, что у меня на душе, и то, в чем я уверен».

Однако черчиллевская лесть ничуть не сделала дядюшку Джо более уступчивым. Сталин в любовь к себе Черчилля никогда не верил, да и британский премьер на самом деле не питал теплых чувств к советскому генералиссимусу. Особенно теперь, когда до краха Германии оставались считаные месяцы, и ум Черчилля был озабочен советской опасностью, надвигавшейся вместо германской. Сдержать ее можно было только с помощью США, а уверенности, что американские войска останутся в Европе после войны и что Америка будет и дальше активно участвовать в делах Старого Света, все еще не было. Тем более что опыт американской политики после Первой мировой войны не внушал оптимизма.

14 февраля, перед возвращением в Англию, Черчилль заявил: «…С тех пор, как двенадцать дней тому назад мы приземлились на этом аэродроме в разоренном войной Крыму, в мире произошли большие события. Постоянная дружба и сотрудничество трех великих держав были провозглашены более точно и более авторитетно, чем когда-либо раньше. Теперь нам предстоит вступить в сердце вражеской страны и сокрушить навсегда отвратительную нацистскую тиранию, которая грозила воспрепятствовать движению человечества вперед, его дальнейшему прогрессу. Противник поставил свои преграды на этом пути, и все наши народы вместе, наши три народа и многие другие нации мира, сокрушили эти преграды. В авангарде всей этой борьбы советские армии покрыли себя неувядаемой славой. Мы все обязались работать вместе после окончания нынешней войны для того, чтобы обеспечить более счастливую жизнь и рост благосостояния широких масс народа в каждой стране, для того, чтобы нации получили возможность жить в мире, не боясь больше подлой агрессии, жестокой агрессии, никогда не подвергаясь больше *тяготам* войны. Перед нами открылись перспективы. Давайте же посвятим достижению этого наши объединенные усилия, наши непоколебимые намерения, нашу неиссякаемую жизненную энергию.

Я рад, что мы сегодня собрались здесь все вместе и что подразделение Королевских Военно-Воздушных Сил, которое находилось здесь с вами, имело возможность узнать, что представляет собой действительное русское гостеприимство.

Это семена урожая, который в будущем соберут другие поколения. Эти поколения будут пользоваться плодами нынешних усилий своих отцов.

Я благодарю всех вас, и, покидая землю России, воскресший Крым, очищенный от гуннов благодаря русской доблести, покидая советскую территорию, я выражаю всем вам и вашим руководителям и особенно вашему великому вождю, Верховному Главнокомандующему маршалу Сталину, благодарность и восхищение доблестным русским народом и его армией, испытываемое британской расой, разбросанной по всему миру, по всем океанам и всем частям земного шара. Мы молимся, чтобы никогда русский народ больше не подвергался тяжелым испытаниям, из которых он вышел с такой славой».

Больше в СССР Черчилль не приезжал.

13 мая 1945 г. в выступлении по радио Черчилль призвал англичан к бдительности ввиду угрозы восстановления в Европе власти «тоталитарных или полицейских правительств».

А 19 мая 1945 года советский посол Ф. Гусев телеграфировал из Лондона: «Во время приема в посольстве 16 мая миссис Черчилль пригласила меня с женой к себе на квартиру на завтрак 18 мая.

На завтраке были: сам Черчилль, миссис Черчилль, Керр и я с женой.

Миссис Черчилль с восхищением рассказывала о своей поездке в СССР и произнесла краткую речь, в которой отметила большую заботу, проявленную советским правительством, всеми лицами в тех местах, где она была, а также и теми, кто ее сопровождал. Миссис Черчилль просила меня передать ее глубокую благодарность советскому правительству и всем советским представителям, которые так много сделали для нее во время пребывания в СССР.

В своем ответе миссис Черчилль я сказал, что я очень рад, что ее визит в СССР был приятным и полезным и она могла при этом ознакомиться, в каких трудных условиях живет советский народ во время войны. Я обещал миссис Черчилль передать ее благодарность.

Во время завтрака были произнесены тосты за дружбу между народами, правительствами и руководителями СССР и Великобритании, за совместную победу. Завтрак прошел в дружественной атмосфере, и только в конце завтрака и после

того, как миссис Черчилль и моя жена удалились в другую комнату, а мы остались с Керром вместе с Черчиллем, он начал свою речь.

Черчилль заявил, что сейчас он ведет переписку с президентом Трумэном об очередной встрече глав трех правительств где-либо на территории Германии. На мой вопрос, какое место в Германии имеется в виду, Черчилль сказал, что можно было бы подыскать какой-либо небольшой пункт, например, Иена, где можно было бы обеспечить безопасность. Черчилль считает, что было бы очень хорошо организовать встречу в середине июня. Трумэн в принципе согласен, но он предлагает организовать встречу в конце июня. Я спросил Черчилля, внесены ли конкретные предложения на рассмотрение маршалу Сталину. Черчилль ответил, что как только ему удастся договориться с Трумэном о приблизительной дате встречи, то он немедленно пошлет телеграмму маршалу Сталину. Черчилль добавил, сказав, что он не уверен, пожелает ли маршал Сталин встретиться. Черчилль считает, что теперь, когда победа достигнута, перед союзниками возникло так много больших вопросов, что без личной встречи руководителей трех стран невозможно лишь с помощью телеграмм разрядить весьма напряженную обстановку. Черчилль вновь подчеркнул, что он считает положение весьма напряженным и встрече трех он придает исключительно важное значение. От этой встречи зависит будущее мира, будущие отношения между тремя странами. Одно из двух, сказал Черчилль, или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять советскому миру, и сейчас трудно предвидеть могущие быть результаты, если события будут развиваться по второму пути. При этом Черчилль повысил голос и продолжал, – мы полны жалоб (протестов) (We are full of complaints) (фактически эта речь была своеобразной репетицией, пусть в смягченном виде, Фултонской речи. – *Б. Б.)*.

Я спросил Черчилля, какие жалобы он имеет в виду. Черчилль начал перечислять повышенным голосом и с раздражением следующие вопросы:

1) Триест. Тито подкрался к Триесту и хочет завладеть им. Черчилль показал руками на столе, как Тито подкрадывается к Триесту. Мы не позволим, – прорычал Черчилль, – чтобы территориальные вопросы решались путем захвата, а не на мирной конференции. Мы и американцы едины в своей решимости и считаем, что все территориальные вопросы должны решаться на мирной конференции.

Я заметил, что, поскольку мне известно, Тито не претендует на решение территориальных вопросов сейчас. Черчилль, не обращая внимания на мои слова, продолжал: – Тито не желает отводить свои войска из Триеста. Положение в этом районе весьма напряженное. Армии стоят друг против друга. В любое время могут возникнуть большие неприятности, если не будет проявлено благоразумие. Триест входит в нашу зону оккупации, и, как порт, он должен стать международным под итальянским флагом. Этот порт должен обслуживать нужды оккупационных войск в Австрии. Покойный Рузвельт придерживался той точки зрения, что Триест должен быть международным портом под итальянским флагом. Черчилль еще раз упомянул о серьезности положения в районе Триеста, добавив, что со своей стороны он предпринял необходимые меры по усилению концентрации воздушных сил.

2) Прага. Вы не пускаете наших представителей в Прагу, – заявил Черчилль. Нашему послу, аккредитованному при правительстве Бенеша, не разрешили въезд в Чехословакию, нашим самолетам не разрешают прилетать в Прагу.

Я заметил, что только вчера Рипка и другие представители чехословацкого правительства вылетели на британском самолете из Лондона в Прагу.

Вы хотите создать для себя какое-то исключительное право во всех столицах, где находятся ваши войска, – продолжал Черчилль. Британское правительство само не может понять и не может объяснить британскому народу такую позицию советского правительства, имея в виду, что мы обязались быть друзьями и сотрудничать друг с другом. Я готов разрешить вашим представителям в любом количестве посещать какие угодно пункты в Италии, в Германии, в Дании, здесь в Англии, где угодно. А почему вы не можете проявить одинакового отношения к британской нации? Мы – британцы – представляем из себя достойную нацию, и мы не позволим, чтобы нас третировали.

Не желая выслушивать каких-либо замечаний, Черчилль перешел к следующему пункту.

3) Вена. Вы не пускаете нас в Вену. Наши представители сейчас, после окончания войны, не могут посмотреть на месте, что им предлагают для расквартирования своих солдат в Вене.

Я остановил Черчилля и заявил ему следующее: еще в прошлом году Европейская Консультативная Комиссия выработала соглашение о зонах оккупации в Германии и управлении Большим Берлином. Правительства утвердили это соглашение. Одновременно с этим Европейская Консультативная Комиссия начала обсуждение вопросов, связанных с Австрией, и

вот уже в течение 10 месяцев ведутся переговоры. Комиссия была уже близка к соглашению о зонах оккупации в Австрии и в городе Вене. Но по инициативе британской и американской делегаций переговоры были приостановлены. Советская делегация согласна продолжать обсуждение, но не по ее вине переговоры были приостановлены.

– Почему вы не разрешаете нашим представителям посетить Вену? – заявил Черчилль. Мы обратились к советскому правительству с просьбой разрешить нашим представителям посетить Вену, а оно отослало нас опять в Европейскую Консультативную Комиссию. Теперь, когда закончилась война, какими мотивами можно объяснить отказ советского правительства нашим представителям посетить Вену?

Я заявил, что советское правительство полагало, что обсуждение вопросов на Европейской Консультативной Комиссии было бы наиболее быстрым путем достижения соглашения. Если каждая из делегаций будет отбирать себе квартиры по своему собственному желанию, то вряд ли можно было бы достигнуть соглашения в ближайшее время. Мы уже ведем переговоры в течение 10 месяцев. Сколько же времени потребуется еще для того, чтобы закончить переговоры?

Я полагаю, говорит Черчилль, посадить Европейскую Консультативную Комиссию вместе с военными советниками на самолет и отправить в Вену для того, чтобы представители четырех держав на месте достигли соглашения. Это является моим предложением, заявил Черчилль.

Я заметил, что вряд ли такой путь был бы наиболее быстрым в достижении соглашения.

Вы создали австрийское правительство, сказал Черчилль.

Я заметил, что советское правительство не создавало правительства в Австрии, а лишь не препятствовало австрийцам создать правительство, которое могло бы оказать помощь в борьбе против немцев.

Черчилль заявил, что он не критикует австрийское правительство. Может быть, оно и не плохое, но создано оно сепаратно от союзников.

4) Берлин. Вы не пускаете нас в Берлин. Вы хотите сделать Берлин своей исключительной зоной.

Я заявил, что утверждения Черчилля не имеют основания, так как мы имеем соглашение о зонах оккупации и управлении Большим Берлином… Мы не претендуем на то, чтобы посылать кого-либо в те районы, которые предназначены для оккупации советскими войсками, а сейчас там находятся союзные войска. Черчилль вновь повторил, что он готов разрешить какому угодно

количеству советских представителей посещение любых мест.

Черчилль перешел к вопросу о Польше и говорил с еще большим раздражением…

5) Польша. Черчилль заявил, что польские дела все ухудшаются и сейчас он не видит пути к удовлетворительному решению. Мы назвали польских кандидатов для переговоров, а вы посадили их в тюрьму. Парламент и общественность проявляют большую тревогу. Парламент настойчиво требует новых прений по польскому вопросу и, по-видимому, после 10-дневного перерыва в заседаниях правительство должно будет предоставить отчет о состоянии польских дел.

Черчилль предполагает, что этими прениями будет выражено сильное негодование британской нации и он будет находиться в затруднении, как ему успокоить общественное мнение. Он намерен успокоить парламентское общественное мнение обещанием предстоящей встречи трех, если к этому времени удастся получить согласие маршала Сталина. Говоря об этом еще год тому назад, он согласился на линию Керзона, он полагал, что это будет являться большим вкладом в дело соглашения по польскому вопросу, но на деле оказалось не так. Далее Черчилль глухо упомянул о том, что, решая удовлетворительным образом польский вопрос, можно было бы одновременно решить и прибалтийские дела.

Не желая выслушать мои замечания, Черчилль вновь перешел к характеристике серьезности общего положения.

Ваш фронт проходит от Любека до Триеста, вы держите в своих руках столицы и никого туда не пускаете, положение в Триесте угрожающее, польские дела загнаны в тупик, общая атмосфера накалена – все это не может не вызвать у нас тревогу.

Я заявил Черчиллю, что ему хорошо известна позиция советского правительства, которое не предъявляет каких-либо территориальных претензий и не претендует на европейские столицы. Наш фронт не проходит до Триеста. Там войска маршала Тито. Мы не отвечаем за действия Тито. Он и югославский народ своей борьбой заслужили почетное место среди Объединенных наций.

Я знаю, сказал Черчилль, вы являетесь великой нацией и своей борьбой заслужили равное место среди великих держав, но и мы – британцы – являемся достойной нацией, и мы не позволим, чтобы с нами обращались грубо и ущемляли наши интересы. Я хочу, сказал Черчилль, чтобы вы поняли, что мы весьма обеспокоены существующим положением, и я приказал задержать демобилизацию воздушного флота.

Черчилль быстро закончил беседу, извинился за свою

откровенность и отправился вести переговоры с Эттли о предстоящих выборах в парламент».

Эта речь Черчилля дает понять, насколько накалились отношения между союзниками уже через несколько дней после победы над Германией. Черчилль надеялся сгладить противоречия во время следующей встречи со Стешиным и Трумэном.

В Потсдаме Черчилль и Сталин встретились в последний раз. В ходе беседы 17 июля 1945 года Сталин сообщил Черчиллю, что он отклонил просьбу Японии о посредничестве в переговорах с США. На следующий день Черчилль сказал советскому лидеру, что 25 июля он на один день уедет в Англию в связи с выборами, на которых думал победить. Сталин ободрил его, выразив уверенность, что консервативная партия получит большинство в 80 депутатских мест. Но Иосиф Виссарионович оказался плохим пророком. На выборах победили лейбористы, и Черчилль в Потсдам уже не вернулся.

Англичане и американцы в Потсдаме турецкую Армению и Проливы Сталину не отдали. Напрасно Сталин и Молотов убеждали Черчилля и Трумэна в необходимости разрешить СССР заключить с Турцией договор о размещении в Проливах советских военных баз, подобно российско-турецкому Ункяр-Искелесийскому договору 1833 года. Западные лидеры выразили уверенность, что Турция на такие условия никогда не пойдет, а в дальнейшем поддержали Турцию в этом вопросе. Они также отметили, что одно дело пересматривать конвенцию в Монтре в плане разрешения прохода через Проливы советских военных судов и совсем другое – согласиться на размещение советских войск и флота в зоне Проливов.

23 октября Сталину, отдыхавшему в Сочи, доставили радиоперехват французского радио, сообщавшего из Вашингтона: «В некоторых кругах полагают, что в случае, если глава советского правительства решит покинуть официальное руководство советской политикой, возможно, что его преемником будет маршал Жуков. Поэтому высказанное Жуковым желание посетить США до конца этого года вызвало появление многочисленных комментариев». В тот же день корреспондент лондонской «Дейли мейл» Рона Черчилль (невестка Черчилля. – *Б. Б.)* утверждала: «Между маршалами Красной Армии идет борьба за власть, борьба за то, кто унаследует сталинское руководство. Жукову, который является «партийным генералом», отдается предпочтение». Она также писала о «кризисе в среде высшего командования и довольно распространенном дезертирстве среди рядовых. Полагают, что, по крайней мере, 3

тысячи русских дезертировали в Вене и 10 тысяч в Берлине».

Как хорошо известно, по настоянию Сталина маршал Жуков еще в начале октября 1945 года вынужден был отказаться от поездки в США по приглашению генерала Эйзенхауэра. Иосиф Виссарионович в отличие от западных политиков отнюдь не хотел видеть Жукова своим преемником. Отклики зарубежной прессы, подчеркивавшие, что Жуков пользуется поддержкой армии, еще больше убедили Сталина в необходимости попридержать «маршала Победы» (а придерживать своего заместителя Верховный Главнокомандующий начал еще в последний год войны). Сталину нужна была в будущем диктатура не армии, а связанной с его собственным именем политической доктрины. Закономерным финалом стало то, что в 1946 году Жуков был смещен с поста главкома сухопутных сил и отправлен, в малопочетную ссылку командовать Одесским округом.

9 ноября 1945 года речь Черчилля в Палате общин, произнесенную 7 ноября в качестве лидера консервативной оппозиции, с некоторыми сокращениями перепечатала «Правда». Бывший британский премьер признался в любви к Сталину и советскому народу: Я должен сначала выразить чувство, которое, как я уверен, живет в сердце каждого, – именно чувство глубокой благодарности, которой мы обязаны благородному русскому народу. Доблестные советские армии, после того как они подверглись нападению со стороны Гитлера, проливали свою кровь и терпели неизмеримые мучения, пока не была достигнута абсолютная победа.

Поэтому… глубокое стремление этой палаты, а эта палата говорит от имени английской нации, заключается в том, чтобы чувства товарищества и дружбы, развившиеся между английским и русским народами, не только были сохранены, но и систематически развивались».

Говоря о тов. Сталине, Черчилль заявил: Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения, по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правившему судьбой своей страны во времена мира и победоносному защитнику во время войны. Даже если бы у нас с советским правительством возникли сильные разногласия в отношении многих политических аспектов – политических, социальных и даже, как мы думаем, моральных, – то в Англии нельзя допускать такого настроения, которое могло бы нарушить или ослабить эти великие связи между двумя нашими народами, связи, составляющие нашу славу и безопасность в период недавних страшных конвульсий».

На следующий день отдыхавший в Сочи Сталин разразился

грозным посланием в адрес оставленной в Москве руководить страной четверки в составе Молотова, Маленкова, Берии и Микояна: «Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля с восхвалением России и Сталина. Восхваление это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР, в частности, замаскировать тот факт, что Черчилль и его ученики из партии лейбористов являются организаторами англо-американо-французского блока против СССР. Опубликованием таких речей мы помогаем этим господам. У нас имеется теперь немало ответственных работников, которые приходят в телячий восторг от похвал со стороны Черчиллей, Трумэнов, Бирнсов и, наоборот, впадают в уныние от неблагоприятных отзывов со стороны этих господ. Такие настроения я считаю опасными, так как они развивают у нас угодничество перед иностранными фигурами. С угодничеством перед иностранцами нужно вести жестокую борьбу. Но если мы будем и впредь публиковать подобные речи, мы будем этим насаждать угодничество и низкопоклонство. Я уже не говорю о том, что советские лидеры не нуждаются в похвалах со стороны иностранных лидеров. Что касается меня лично, то такие похвалы только коробят меня. Сталин».

Иосифу Виссарионовичу были нужны и полезны восхваления со стороны Рузвельта и Черчилля в годы войны, когда он нуждался в них как в союзниках и в поднятии собственного авторитета в западном общественном мнении. Теперь же, когда Сталин собирался переходить к конфронтации с Америкой и Англией и бороться с «безродными космополитами» и «низкопоклонством перед Западом» внутри страны, такого рода речи Черчилля, да еще опубликованные в «Правде», были ему только во вред, поскольку создавали у советской общественности абсолютно ненужное в данный момент впечатление, будто на Западе видные политические деятели отнюдь не левого направления по-прежнему с симпатией относятся к СССР и к его лидеру. С этой точки зрения гораздо полезнее для Сталина оказалась Фултонская речь Черчилля, произнесенная полгода спустя.

11 ноября оставленный руководить четверкой Молотов незамедлительно покаялся: «Опубликование сокращенной речи Черчилля было разрешено мною. Считаю это ошибкой, потому что даже в напечатанном у нас виде получилось, что восхваление России и Сталина Черчиллем служит для него маскировкой враждебных Советскому Союзу целей. Во всяком случае ее нельзя было публиковать без твоего согласия. Молотов».

4 декабря ТАСС сообщил содержание ранее задержанной

цензурой, а теперь опубликованной в «Дейли телеграф энд Морнинг пост» статью московского корреспондента Рэндольфа Черчилля (сына лидера консерваторов) о правительстве СССР. Там «заявляется, что 13 членов Политбюро коммунистической партии «представляют собой подлинное и действительное правительство России. Жданов, Маленков, Андреев и Берия, пишет Рэндольф Черчилль, являются более мощными фигурами, чем Молотов, и именно из числа их, вероятно, выйдет преемник Сталина».

Насчет А.А Андреева корреспондент попал пальцем в небо. Как раз незадолго до этого, 10 ноября, Сталин сообщал четверке, что из-за болезни Андрей Андреевич не может долго оставаться наркомом земледелия. А вот мысли Черчилля-младшего по поводу Молотова и других потенциальных преемников Иосиф Виссарионович учел, в скором времени отодвинув в тень наркома иностранных дел и возвысив Жданова.

7 декабря Маленков, Берия и Микоян сообщили Сталину: «Мы указали Молотову, что он неправильно поступил, дав 7 ноября на банкете согласие на прием сыну Черчилля, который в это время находился в Москве как корреспондент газеты и хотел получить интервью у Молотова. Прием сына Черчилля не состоялся, так как мы высказались против».

На этом личные отношения Стешина с семейством Черчиллей закончились навсегда.

Арденнское сражение. Просил ли Черчилль помощи у Сталина

В Советском Союзе существовал миф, благополучно сохранившийся в постсоветской России: Черчилль и Рузвельт будто бы слезно молили Сталина поскорее начать наступление на советско-германском фронте, чтобы спасти союзные армии в Арденнах от казавшегося неминуемым разгрома.

24 декабря 1944 года Черчилль писал Сталину: Я не считаю положение на Западе плохим, но совершенно очевидно, что Эйзенхауэр не может решить своей задачи, не зная, каковы Ваши планы. Президент Рузвельт, с которым я уже обменялся мнениями, сделал предложение о посылке к Вам вполне компетентного штабного офицера, чтобы ознакомиться с Вашими соображениями, которые нам необходимы для руководства. Нам, безусловно, весьма важно знать основные наметки и сроки Ваших операций. Наша уверенность в наступлениях, которые должны быть предприняты русской армией, такова, что мы никогда не задавали Вам ни одного вопроса раньше, и мы убеждены теперь, что ответ будет успокоительным; но мы считаем, исходя из соображений сохранения тайны, что Вы скорее будете склонны информировать абсолютно надежного офицера, чем сообщать это каким-либо другим образом».

Сталин ответил на следующий день: «Получил Ваше послание насчет приезда в Москву компетентного офицера от ген. Эйзенхауэра. Я уже сообщил Президенту о своем согласии и о том, что готов обменяться информацией с упомянутым офицером».

5 января 1945 года Черчилль информировал Сталина о положении на Западном фронте: «Я только что вернулся, посетив по отдельности штаб генерала Эйзенхауэра и штаб фельдмаршала Монтгомери. Битва в Бельгии носит весьма тяжелый характер, но считают, что мы являемся хозяевами положения. Отвлекающее наступление, которое немцы предпринимают в Эльзасе, также причиняет трудности в отношениях с французами и имеет тенденцию сковать американские силы. Я по-прежнему остаюсь при том мнении, что численность и вооружение союзных армий, включая военно-воздушные силы, заставят фон Рундштедта пожалеть о своей смелой и хорошо организованной попытке расколоть наш фронт и по возможности захватить порт Антверпен, имеющий теперь жизненно важное значение…»

Черчилль вспоминал, что «на этот период Эйзенхауэр и его

штаб, конечно, жаждали узнать, могут ли русские что-либо сделать со своей стороны, чтобы облегчить нажим, которому мы подвергались на Западе. Все усилия офицеров связи в Москве получить ответ у своих русских коллег терпели неудачу. Для того чтобы наиболее убедительно изложить дело советскому командованию, Эйзенхауэр послал своего заместителя главного маршала авиации Тедцера со специальной миссией. Он сильно задержался в пути из-за погоды.

Как только я узнал об этом, я заявил Эйзенхауэру: «Вы можете столкнуться с многочисленными проволочками в штабных сферах, но я полагаю, что Стешин сообщит мне, если я спрошу его. Попытаться мне?»

Он просил меня сделать это…»

На следующий день, 6 января, британский премьер сообщил советскому генсеку: «На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению наш эмиссар главный маршал авиации Теддер вчера вечером находился в Каире, будучи связанным погодой. Его поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным».

Сталин ответил 7 января: «Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному

фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

9 января Черчилль рассыпался в благодарностях:

«1. Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему благородному предприятию полная удача!

2. Битва на Западе идет не так уж плохо. Весьма возможно, что гунны будут вытеснены из своего выступа с очень тяжелыми потерями. Это битва, которую главным образом ведут американцы; и их войска сражались прекрасно, понеся при этом тяжелые потери.

Мы и американцы бросаем в бой все, что можем. Весть, сообщенная Вами мне, сильно ободрит генерала Эйзенхауэра, так как она даст ему уверенность в том, что немцам придется делить свои резервы между нашими двумя пылающими фронтами. В битве на Западе согласно заявлениям генералов, руководящих ею, не будет перерыва».

К 15 января в Москву наконец добрался маршал авиации Тедцер, и Сталин в этот день писал Черчиллю: «Сегодня имел беседу с маршалом Теддером и сопровождающими его генералами. Мне кажется, что взаимная информация получилась достаточно полная, о чем Вам, должно быть, доложит маршал Тедцер. Должен сказать, что маршал Тедцер произвел на меня очень хорошее впечатление. Несмотря на неблагоприятную погоду, наступление советских войск развивается по намеченному плану. Приведены в движение войска всего центрального фронта – от Карпат до Балтийского моря. Немцы бешено сопротивляются, но вынуждены отступать. Надеюсь, что это обстоятельство облегчит и ускорит намеченное генералом Эйзенхауэром наступление на Западном фронте».

17 января Черчилль ответил Сталину столь же вежливо *: «* Я очень благодарен Вам за Ваше послание, и я очень рад, что маршал авиации Тедцер произвел на Вас такое благоприятное впечатление. От имени Правительства Его Величества и от всей души я хочу выразить Вам нашу благодарность и принести поздравления по случаю того гигантского наступления, которое Вы начали на Восточном фронте.

Вам, несомненно, теперь известны планы генерала Эйзенхауэра и в какой степени осуществление их было задержано превентивным наступлением Рундштедта. Я уверен, что на всем нашем фронте бои будут идти непрерывно. Британская 21-я

армейская группа под командованием фельдмаршала Монтгомери начала сегодня наступление в районе к югу от Роермонда».

Эйзенхауэр довольно быстро понял, что теми силами, которые немцы имеют в Арденнах, они не смогут окружить значительные силы союзников, и их наступление обречено на провал. В мемуарах он писал, что быстро понял, что немецкое наступление «не грозит катастрофой, а дает благоприятную возможность нанести противнику поражение… Несмотря на развернувшиеся в декабре оборонительные бои, мы не переставали разрабатывать планы по возобновлению нашего общего наступления. 31 декабря я направил Монтгомери и Брэдли краткую записку, в которой рассматривались все операции на период, пока мы не достигнем Рейна по всему фронту – от Бонна и далее на север».

Собственно, для координации своих планов с Москвой Черчилль и Рузвельт запрашивали информацию о советских военных планах. Эйзенхауэр вспоминал: «В ходе предыдущих кампаний Объединенный англо-американский штаб информировал нас об общих намерениях советских войск и этим обеспечивалась достаточная координация действий, пока одна зона боевых действий отделялась от другой достаточно большим расстоянием. Однако теперь настала пора обмениваться информацией относительно конкретных планов операций, их целей и времени осуществления».

Главнокомандующий союзными силами в Европе утверждал: «Нам уже было известно, что русские готовились в ближайшее время начать наступление в западном направлении с исходных рубежей вокруг Варшавы. Мы знали, что они сосредоточили войска для наступления в начале года, но ввиду плохих условий местности и особенно из-за густых туманов и облачности, мешавших использованию авиации, откладывали наступление до установления более благоприятных погодных условий. Через Объединенный англо-американский штаб мы узнали, что, даже если погодные условия не улучшатся, наступление русских начнется не позднее 15 января. Оно началось 12 января и успешно развивалось».

Распространенное в советской историографии мнение, что Стешин, идя навстречу пожеланиям Черчилля и Рузвельта, начал наступление на 8 дней раньше запланированного срока – 12 января вместо 20 января, не соответствует действительности. Висло-Одерская операция началась не раньше, а позже намеченной даты – войска были готовы уже к 8-10 января, но по причине плохой погоды наступление было задержано до 12–14

числа. Да и никаких просьб о помощи со стороны западных союзников не было. Они лишь хотели выяснить советские намерения, чтобы учитывать их при планировании заключительных операций в войне против Германии. А сам Сталин никогда не называл дату 20 января как первоначальную дату начала советского наступления.

В ходе Арденнского сражения потери трех немецких армий составили 10 749 убитыми, 22 487 пропавшими без вести и 34 225 ранеными, что в сумме дает 67 461 человек. Союзники потеряли 8697 убитыми, 47 059 ранеными и 21 134 пропавшими без вести, что в сумме дает 76 890. Общее соотношение потерь оказывается 1,14:1 в пользу немцев. Соотношение безвозвратных потерь оказывается в пользу союзников 1,08:1. Из числа англо-американских пропавших без вести пленных было около 12,5 тыс. человек, а среди немецких пропавших без вести – около 16 тыс. человек.

«Немыслимое»

В 1999 году британское правительство рассекретило план операции «Немыслимое» (Unthinkable), разработанный по приказу Черчилля в мае 45-го на случай, если Красная Армия не остановится на согласованных границах зон оккупации, а продолжит победоносный марш на Запад вплоть до Атлантического океана. Российский историк и дипломат Валентин Фалин полагает, что в апреле или даже в конце марта Черчилль поручил начальникам штабов готовить операцию «Немыслимое», означавшую «войну против Советского Союза. Уже в новой коалиции – в составе американских, британских, канадских войск, польского экспедиционного корпуса и 10–12 дивизий вермахта, которые были интернированы англичанами и держались не расформированными в земле Шлезвиг-Гольштейн и в Южной Дании. Она должна была начаться 1 июля 1945 года».

Но посмотрим, планировалась ли агрессия с британской стороны (американцы о «Немыслимом», как кажется, так и не узнали). Наиболее полный текст плана на русском языке содержится в публикации Олега Ржешевского в № 3 журнала «Новая и новейшая история» за 1999 год. Здесь мы находим немало интересного. План «Немыслимое» – это доклад Штаба объединенного планирования британского Военного кабинета, датированный 22 мая 1945 года. По мнению Ржешевского, разработка этого плана должна была занять не менее месяца, и значит, задание на его выполнение было дано еще в апреле, когда продолжалась война с Гитлером (Фалин вообще относит разработку «Немыслимого» к марту, до начала битвы за Берлин). Между тем для разработки подобного этюдного плана с использованием уже имевшейся информации достаточно было 7-10 дней, и приказ о его разработке вполне мог быть отдан и сразу после капитуляции Германии. Тем более что одно из приложений плана было посвящено анализу только что закончившейся кампании в Европе. А в публикации плана в британской Daily Telegraph прямо говорится, что «Черчилль опасался, что после дня победы в Европе 8 мая советские войска могут продолжить движение на Запад и угрожать Англии. Черчилль полагал, что наступление против Советского Союза было бы тогда единственным решением, и его надо будет предпринять до того, как американцы перебросят свои силы на Тихоокеанский театр. И он приказал *своему* штабу «думать о немыслимом» и разработать проект плана». Да и в самом плане содержались пункты, явно указывавшие на советскую

агрессивность. Так, в качестве одной из предпосылок «Немыслимого» указывалось, что СССР вступает в союз с Японией. Насчет же союзных армий в связи с предполагаемой датой начала военных действий 1 июля 1945 года говорилось: «До 1 июля продолжается осуществление планов передислокации и демобилизации войск, затем оно прекращается». Никакой агрессор не стал бы проводить демобилизацию до самого дня агрессии. Также и предположение о том, что «акция получает полную поддержку общественного мнения как Британской империи, так и Соединенных Штатов, соответственно, высоким остается моральный настрой британских и американских войск», могло относиться только к тому случаю, когда «Немыслимое» стало бы ответом на советскую агрессию. Ибо британское и американское общественное мнение никогда бы не поддержало неспровоцированное нападение на вчерашнего союзника.

В русском переводе британским военным и политикам приписываются вполне людоедские намерения в отношении СССР, сродни гитлеровским. В плане «Немыслимое» можно встретить такую фразу: «Если они (русские) хотят тотальной войны, то они ее получат». Получается, что британские генералы цитировали доктора Геббельса. Но вот в английском оригинале плана «Немыслимое», появившемся в газете Daily Telegraph 1 октября 1998 года и в журнале Executive Intelligence Review за октябрь 1998 года, это место звучит совсем иначе: «That is for the Russians to decide. If they want total war, they are in a position to have it…» Что в переводе означает: «Это решать русским. Если они хотят тотальной войны, то они в состоянии вести ее…» Смысл здесь прямо противоположен. Британские генштабисты доказывали, что даже в случае успешной наступательной операции союзников сокрушить СССР в ходе одной кампании не удастся и придется вести затяжную тотальную войну. Но как раз план «Немыслимое» призван был, по замыслу Черчилля, продемонстрировать невозможность для союзников осуществить наступательную операцию против Красной Армии в Европе. Ведь Красная Армия имела подавляющее численное превосходство – 264 дивизии против 103 дивизий у союзников, и ни о каком быстром успехе наступления против нее не могло быть и речи, а тем более о нападении первыми уже 1 июля 1945 года, как утверждают российские историки. Эта дата была лишь чисто условным временем начала боевых действий для расчетов.

Цель операции заключалась в том, чтобы «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию за пределы Польши».

Как отмечалось в докладе, в Европе силы Красной Армии сосредоточены преимущественно в центральной ее части. В ходе контрдействий вероятна оккупация ею Хорватии, Греции, Турции, блокада Черноморских проливов, а следовательно, и действия военно-морских сил союзников в Черном море.

На Среднем Востоке возникнет крайне опасная ситуация в Персии и Ираке. Почти наверняка Россия предпримет наступление в этом регионе с учетом возможности получения ценных нефтяных ресурсов и исключительного значения для нас этих районов. Примерно одиннадцати советским дивизиям здесь противостоят три бригады наших войск. Практически этот район окажется беззащитным, а утрата его нефтяных источников будет крайне серьезной потерей. Сложности тылового обеспечения и обстановка в Центральной Европе не позволят русским в начальных стадиях конфликта развернуть наступление на Египет. Вместе с тем они будут стремиться организовать беспорядки во всех странах Среднего Востока.

В Индии со стороны России также будут предприняты попытки организации беспорядков, но ее военные действия в этом регионе маловероятны.

На Дальнем Востоке любое русско-японское соглашение высвободит японские силы для укрепления обороны метрополии или возобновления наступления в Китае. Война союзников против Японии скорее всего зайдет в тупик.

Отсюда следовал вывод, что главным театром военных действий будет Центральная Европа и важный для союзников район Персии и Ирака. В Европе наиболее предпочтительным является наступление в северо-восточной ее части, что даст возможность использовать морское преимущество союзников на Балтике, обеспечить левый фланг их армий и оказывать давление на правый фланг противника. Расчеты на успех связывались также с бомбардировками центров коммуникаций на территории СССР и тактическим использованием авиации.

Конкретно указывались два основных направления наступления войск западных союзников: ось Штеттин – Шнейдемюль – Быгдощ и ось Лейпциг – Коттбус – Познань – Бреслау. При этом на картах, приложенных к «Немыслимому», Лейпциг показывался как находящийся под советским контролем, тогда как в реальности к 22 мая его все еще занимали американские войска. Это еще раз доказывает сугубую теоретичность плана, который ориентировался на формальные границы советской зоны оккупации, а не на фактическую линию соприкосновения советских и англо-американских войск.

Британские генералы пришли к неутешительному выводу:

а) Если начнется война против России, она может стать длительной и дорогостоящей тотальной войной.

б) Численное превосходство противника делает маловероятным достижение быстрого успеха союзными армиями».

Преимущество же союзников в стратегической авиации было во многом обесценено тем, что в Германии и Польше не было стратегических целей, и «летающие крепости» пришлось бы использовать для решения не свойственных им тактических задач.

Вряд ли Черчиллю нужен был специальный доклад для того, чтобы убедиться в подавляющем советском численном превосходстве, он был хорошо осведомлен об этом в последние месяцы войны. Вероятно, он хотел иметь под рукой этот документ, чтобы с цифрами в руках продемонстрировать американским союзникам советское превосходство и побудить их не убирать войска из Европы. Не случайно британский премьер 8 июня писал генерал-лейтенанту сэру Хастингсу Исмею, начальнику своего личного штаба, передавшему премьеру план «Немыслимое»: «Используя кодовое название «Немыслимое», штабы должны понимать, что это остается исключительно изучением того, что, я надеюсь, является чисто гипотетической конструкцией на случай чрезвычайных обстоятельств (contingency)». И в плане «Немыслимое» особо подчеркивалось, что одолеть СССР в тотальной войне можно, только мобилизовав значительные людские ресурсы как за счет мобилизации в Америке, так и за счет восстановления германской армии, причем подчеркивалось, что оба эти проекта могут быть долговременными. Кстати, в плане действительно упоминались 10 немецких дивизий, которые частично сохранили свою организационную структуру в английских лагерях в Северной Германии и в Дании, но при этом отмечалось, что к 1 июля они никак не могут быть подготовлены к боям. И в письме Исмею от 8 июня Черчилль поручал ему изучить возможности обороны союзниками Западной Европы от возможного советского вторжения, поскольку союзные силы находятся в соприкосновении с советскими войсками и в любой момент могут быть втянуты в столкновения. Оборонительный как и наступательный планы имели чисто теоретический характер и не предполагали перемещений войск.

А каков мог бы быть исход Третьей мировой войны, если бы Сталин вдруг начал летом 45-го вторжение в Западную Европу? Надо признать, что для наступательных операций у союзников действительно не было сил. Однако их оборона имела бы шансы

на успех даже без применения ядерного оружия. В плане «Немыслимое» отмечалось, что «в нынешней войне русские потеряли ориентировочно 10–11 млн человек, общая численность отмобилизованных сухопутных сил русских на 1 июля может составить чуть более 7 млн человек. Более 6 млн из них, по нашим оценкам, задействованы на европейском театре военных действий». Численность действующей армии была определена близкой к действительности, а вот безвозвратные потери Красной Армии были значительно преуменьшены. По нашей оценке, Красная Армия потеряла погибшими более 26 млн человек. Поэтому людские ресурсы СССР были практически полностью истощены. Сталин не знал точной величины потерь, но он был наверняка в курсе, что призывать в армию уже почти некого. Так что если бы Красной Армии не удалось сразу же прорвать фронт и сбросить союзников в море, советские войска, понеся большие потери, которые нечем было бы восполнить, оказались бы в сложном положении, тогда как союзники имели бы в своем распоряжении практически не затронутые войной людские ресурсы США и возможность со временем создать новую армию из примерно 8 млн германских военнопленных. К тому же СССР нельзя было полагаться ни на армию коммунистической Польши, ни на призывников из Прибалтики и Западной Украины, которые бы в случае Третьей мировой войны наверняка перебежали бы на Запад. Господство союзной авиации, которая, уступая в численности советской, превосходила ее как качеством машин, так и особенно уровнем управления и подготовки экипажей, делало маловероятным успех советского наступления, тем более что фронт этого наступления, учитывая характер местности, должен был ограничиться Центральной и Северной Германией, т. е. быть сравнительно узким, а, следовательно, у союзников хватило бы дивизий, чтобы его оборонять и остановить советское наступление. В затяжной же войне вопреки мнению британских генералов у Сталина не было шансов на победу. В такой войне Англия и США, скорее всего, вытеснили бы в конце концов Красную Армию из Восточной Европы и Прибалтики, но вряд ли бы рискнули оккупировать советскую территорию, остановившись где-то на линии Керзона. «Возможность революции в СССР и политического краха нынешнего режима» в плане «Немыслимое» даже не рассматривалась, также как и возможность продвижения союзных армий дальше Польши. Планировщики прямо признавали: «В 1942 г. немцы дошли до рубежей Москвы, Волги и Кавказа, но методы эвакуации заводов в сочетании с развертыванием новых ресурсов и помощью союзников позволили СССР продолжить боевые действия. Фактически невозможно

говорить о пределе продвижения союзников в глубь России, при котором дальнейшее сопротивление станет невозможным». Помимо всего прочего, с прекращением ленд-лиза советская промышленность не смогла бы долго питать войска всем необходимым, а на освоение германских трофеев требовалось время. Союзники переоценивали реальную мощь Красной Армии и способность СССР к продолжению тотальной войны. Сталин же, сознавая, что ресурсов для длительной войны у него уже нет, а сокрушить союзников одним ударом не удастся, вовсе не собирался в 1945 году вторгаться в Западную Европу. Но окончательно страхи Черчилля и других западных лидеров прекратились только после того, как в июле 45-го в США была испытана атомная бомба.

Фултонская речь

После войны Черчилль был очень популярен в США 5 марта 1946 года, выступая в Вестминстерском колледже Фултона (Миссури), он произнес речь, озаглавленную «Мускулы мира»: «Мы не можем закрыть глаза на то, что свободы, которые имеют граждане в США, в Британской империи, не существуют в значительном числе стран, некоторые из которых очень сильны. В этих странах контроль над простыми людьми навязан сверху через разного рода полицейские правительства до такой степени, что это противоречит всем принципам демократии. Единственным инструментом, способным в данный исторический момент предотвратить войну и оказать сопротивление тирании является «братская ассоциация англоговорящих народов». Это означает специальные отношения между Британским содружеством и Империей, и Соединенными Штатами Америки…

Тень упала на сцену, еще недавно освещенную победой Альянса. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намерены делать в ближайшем будущем и есть ли какие-то границы их экспансии. Я очень уважаю и восхищаюсь доблестными русскими людьми и моим военным товарищем маршалом Сталиным… Мы понимаем, что России нужно обезопасить свои западные границы и ликвидировать все возможности германской агрессии. Мы приглашаем Россию с полным правом занять место среди ведущих наций мира. Более того, мы приветствуем или приветствовали бы постоянные, частые, растущие контакты между русскими людьми и нашими людьми на обеих сторонах Атлантики. Тем не менее моя обязанность, и я уверен, что и вы этого хотите, изложить факты так, как я их вижу сам… От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент, был опущен «железный занавес». За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой, и все они, в той или иной форме, объекты не только советского влияния, но и очень высокого, а в некоторых *случаях* и растущего контроля со стороны Москвы… Коммунистические партии, которые были очень маленькими во всех этих восточноевропейских государствах, были выращены до положения и силы, значительно превосходящих их численность, и они стараются достичь во всем тоталитарного контроля…

В большом числе стран, далеких от границ России, во всем мире созданы коммунистические «пятые колонны», которые работают в полном единстве и абсолютном послушании в выполнении директив, получаемых из коммунистического центра… я отвергаю идею, что новая война неотвратима… Я не верю, что Советская Россия жаждет войны. Она жаждет плодов войны и неограниченного расширения своей власти и идеологии». И далее: «Из того, что я видел во время войны в наших русских друзьях и соратниках, я заключаю, что ничем они не восхищаются больше, чем силой, и ничего они не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость. Поэтому старая доктрина баланса сил ныне неосновательна…»

Черчилль заявил: «Леди и джентльмены, безопасность в мире требует нового союза в Европе, из которого ни одна нация не может быть постоянно исключена. Именно из-за ссор между сильными расами в Европе происходили все войны как в прошлое время, так и та мировая война, свидетелями которой мы были. Дважды за время нашей жизни мы видели, как Соединенные Штаты – вопреки собственным желаниям и традициям, вопреки аргументам, силу которых нельзя не признать, – ведомые непреодолимой силой вовремя сохраняли победу, но только после страшных кровопролитий и разрушений. Дважды Соединенные Штаты посылали через Атлантику свои миллионы молодых ребят на войну, но теперь война может настигнуть любую нацию между сумерками и рассветом. Без сомнений мы должны осознанно действовать в целях решительного умиротворения Европы в рамках Объединенных Наций». Эту идею он развил 19 сентября 1946 года, выступая в Цюрихском университете. Там Черчилль призвал бывших врагов – Германию, Францию и Британию к примирению и созданию «Соединенных Штатов Европы»: «Этот благородный континент, приютивший самые красивые и просвещенные страны мира, этот континент с умеренным и ровным климатом – колыбель и пристанище всех великих братских народов западного мира, очаг христианской веры и морали. Именно в Европе, начиная с античности и до Нового времени, зарождалось большинство культур, искусств, наук, философских течений. Если бы страны Европы в один прекрасный день объединились и по-братски разделили это общее наследие, не было бы границ счастью, процветанию и славе трехсот или даже четырехсот миллионов ее обитателей… Первый шаг к воссозданию европейской семьи – это примирение и заключение партнерских отношений между Францией и Германией.

Только так Франция вновь станет духовным светочем Европы.

Возрождение Европы невозможно без духовного возрождения Франции и Германии».

В Фултоне Черчилль призвал к единению англосаксонских народов и поискам взаимопонимания с Россией: «Никогда не было в истории войны, которую было бы легче предотвратить своевременным действием, чем ту, которая только что опустошила огромную область на планете. Такой ошибки повторить нельзя. А для этого нужно под эгидой Объединенных Наций и на основе военной силы англоязычного содружества найти взаимопонимание с Россией. Тогда главная дорога в будущее будет ясной не только для нас, но для всех, не только в наше время, но и в следующем столетии».

После Фултонской речи Черчилль признался Трумэну: «Если бы я мог вторично появиться на свет, я хотел бы родиться в Америке. Это единственная в мире страна, где молодой человек знает, что перед ним распахнуты ворота в будущее неограниченных возможностей».

Из британского посольства в Вашингтоне Черчилль послал письмо премьер-министру К. Этгли и министру иностранных дел Э. Бовину, где, в частности, писал: Я убежден, что некоторая демонстрация мощи и силы сопротивления необходима в целях положительного урегулирования отношений с Россией. Я предвижу, что это станет превалирующим мнением в Соединенных Штатах в ближайшем будущем».

Выступая в Фултоне в 1990 году Рональд Рейган говорил, что Черчилль в 1946 году «обращался к нации, находившейся на вершине мировой власти, но не привыкшей к тяжести этой власти и исторически не желавшей вмешиваться в дела Европы. Но он надеялся, что поездка в самое «сердце Америки» позволит ему достичь ее сердца».

Черчилль предложил немедленно «достигнуть полного взаимопонимания с Россией по всем вопросам» и добиться проведения свободных выборов в странах Восточной Европы. Он призвал к объединению военных усилий стран Запада: «Судя по моим встречам с русскими, я уверен, что они больше всего восхищаются силой, и нет ничего такого, к чему бы они питали больше уважения, чем военная мощь». В СССР речь Черчилля получила даже больший резонанс, чем на Западе. Советская пропаганда стала утверждать, что именно речь в Фултоне стала объявлением «холодной войны». Между тем последняя в полном объеме началась лишь два года спустя – с коммунистического переворота в Праге и блокады Берлина. В 1946 году бывшие союзники еще взаимодействовали в Германии и Австрии. А вот то, что в Фултонской речи прозвучало впервые после Второй

мировой войны, – так это призыв к анло-саксонскому, европейскому и североатлантическому единству, что воплотилось позднее в создании Евросоюза и НАТО.

Уже 13 марта 1946 года Сталин прокомментировал в интервью «Правде» Фултонскую речь Черчилля (на следующий день текст интервью был опубликован): «По сути дела, г-н Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И г-н Черчилль здесь не одинок – у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки.

Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира».

По сути дела, г-н Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке – в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство Гитлеров господством Черчиллей. Вполне вероятно, поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство…

Несомненно, что установка г-на Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР…

Г-н Черчилль утверждает, что «Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София – все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы». Г-н Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ «экспансионистские тенденции» Советского

Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что г-н Черчилль грубо и беспардонно клевещет здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь *Ул* часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру (но Черчилль-то имел в виду прежде всего военный контроль. И Вена, и Берлин находились в советских зонах оккупации, и находившиеся в обеих столицах западные представители и контингенты войск фактически чувствовали себя в окружении гораздо более многочисленных соединений Советской армии. – *Б. Б.)*.

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Болгарию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на каторгу – около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечивающие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них. Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?..»

Здесь Сталин передергивает, причем довольно грубо. Черчилль совсем не призывал вести войну против СССР, а лишь принять меры к тому, чтобы «железный занавес» не передвинулся дальше на Запад. И здесь главную надежду он возлагал на Америку. Если американские войска уйдут из Европы, то сдерживать Сталина, думал Черчилль, будет некому. И характер влияния американцев в Западной Европе был совсем иным, чем советского влияния – в Восточной Европе. Вашингтон, безусловно, влиял на политическую ситуацию – как экономической помощью

в рамках плана Маршалла, так и пропагандистскими средствами, но при этом президент Трумэн и не думал отменять там демократические свободы и свободные выборы. Стешин же осуществлял контроль с помощью своих войск и послушных марионеток-коммунистов, и в результате уже к концу 1948 года о демократических свободах и альтернативных выборах в Восточной Европе было приказано забыть.

В интервью «Правде» по поводу Фултонской речи Черчилля в марте 1946 года Сталин впервые козырнул величиной советских потерь как для оправдания советской политики в Восточной Европе, так и для унижения, как он думал, вчерашних союзников. Как смеете, мол, учить нас демократии, когда вы потеряли в минувшей войне жалкие сотни тысяч, тогда как мы – полновесные семь миллионов. Потом эту традицию восприняли все преемники Сталина, от Хрущева до Путина. Цифра при этом выросла сначала до 20, а затем до 27 млн человек, но все равно осталась достаточно далека от истинной, особенно в части потерь Красной Армии. Официальная цифра 8668 тыс. погибших и умерших красноармейцев и командиров, обнародованная в 1993 году, также примерно втрое меньше истинной.

В начале 1947 года Сталин одобрил карикатуру на Черчилля в связи с его речью в Фултоне. До этого публикации карикатур на союзников в войне в советской печати не допускались. Так был сделан важный шаг к «холодной войне».

После Фултонской речи ни о каком сохранении даже внешней формальной дружбы между Сталиным и Черчиллем говорить уже не приходится. Тем не менее в феврале 1947 года Черчилль направил частное послание Сталину в ответ на переданный через побывавшего в Москве фельдмаршала Монтгомери сталинский привет: Я постоянно вспоминаю наши товарищеские отношения в те годы, когда все было поставлено на карту. Я также был счастлив узнать от Монтгомери, что Вы в добром здравии. Ваша жизнь драгоценна не только для Вашей страны, которую Вы спасли, но и для дела дружбы между Советской Россией и Великобританией и даже всем говорящим на английском языке миром, дружбы, от которой зависит будущее счастье человечества. Верьте мне, искренне Ваш Уинстон Черчилль».

Возможно, в тот момент Уинстон на самом деле верил, что со Сталиным еще можно договориться. Окончательный разрыв между бывшими союзниками по Антигитлеровской коалиции произошел только в следующем, 1948 году.

Фултонская речь Черчилля стала одним из первых признаков того, что в Вашингтоне и в Лондоне рассматривают американо-

британский союз в качестве краеугольного камня любой будущей системы международной безопасности, и изоляционизму пришел конец. Отсюда и столь резкая реакция Сталина на выступление «самого мужественного из всех британских премьеров». Стешин еще смог советизировать страны Восточной Европы и отыграться за вывод советских войск из Ирана тем, что при массированной советской поддержке коммунисты выиграли гражданскую войну в Китае. В 1948 году он устроил блокаду Западного Берлина в надежде, что это устрашит западных союзников и побудит США все-таки уйти с континента. Однако ответом на блокаду Берлина и советизацию Чехословакии стало создание блока НАТО и Федеративной Республики Германии из западных оккупационных зон. В условиях американской монополии на атомное оружие Сталин не мог и помышлять о вторжении в Западную Европу. И даже после того, как благодаря усилиям разведки и ученых у советского диктатора появилась своя атомная бомба, у него все равно не было средств доставки ее на территорию главного потенциального противника. Не было шансов и уничтожить американские базы в Великобритании из-за слабости советского флота. Сталин и его преемники оказались обречены на длительное противостояние вдоль «железного занавеса», причем без каких-либо шансов на успех.

Последнее послание Черчилля Сталину, сохранившееся в архиве последнего, датировано 4 ноября 1951 года. Оно очень короткое: «Теперь, когда я вновь во главе правительства Его Величества, позвольте мне ответить одним словом на Вашу прощальную телеграмму из Берлина в августе 1945 года: «Привет!» Через день в посольство СССР в Лондоне пришла срочная и еще более короткая телеграмма из Москвы: «Немедленно передайте по назначению следующее послание И.В. Сталина: «Уинстону Черчиллю, премьер-министру Великобритании. Благодарю за привет! И. Сталин. Исполнение срочно телеграфьте».

Теперь, когда после начала Корейской войны, юридического оформления раскола Германии и создания Организации Северо-Атлантического договора «холодная война» была в разгаре, о восстановлении былых доверительных отношений между Сталиным и Черчиллем не могло быть и речи. Процитированные весьма краткие и сухие письма оказались последними в многолетней переписке. Здоровье двух государственных деятелей, особенно Сталина, оставляло желать много лучшего. Иосифу Виссарионовичу было уже не до переписки с Черчиллем. Тем более что Молотов, готовивший или писавший под диктовку, согласно сталинским указаниям, первоначальные проекты

посланий Черчиллю и Рузвельту, вышел из доверия и в 1949 году был снят с поста министра иностранных дел.

Теперь у Черчилля уже не было никаких побудительных мотивов льстить Сталину. 9 октября 1954 года в речи «Мир посредством силы» перед конференцией Консервативной партии Черчилль высказался о дядюшке Джо весьма откровенно: «Сталин в течение многих лет был диктатором России, и чем больше я изучал его карьеру, тем более меня шокировали те ужасные ошибки, которые он допускал, и та крайняя жестокость по отношению к людям и массам, которыми он управлял. Сталин был нашим союзником в борьбе против Гитлера, когда Россия подверглась агрессии, но когда Гитлер был уничтожен, Сталин превратился в главную угрозу для нас.

После нашей общей победы стало очевидно, что его действия вновь разделили мир. По-видимому, его захватили мечты о мировом господстве. Он превратил треть Европы в сателлита Советского Союза, навязав им коммунизм. Это было прискорбным событием после всего, через что мы прошли.

Но вот уже год, как Стешин умер – это несомненно, и с тех пор я питаю надежду, что открывается новая перспектива для России, новая надежда на мирное сосуществование с русским народом, и наш долг – терпеливо и настойчиво удостовериться, есть ли такой шанс или нет».

Черчилль и спорт

Черчилля обычно считали лентяем и лежебокой, не любящим спорт. На самом деле вся жизнь Уинстона прошла под девизом «Ни один человек не имеет права на лень». Но миф о себе как о лентяе и приверженце пассивных форм отдыха во многом создавал он сам. Уинстон настаивал: «Я всегда следовал правилу: не беги, если можешь стоять; не стой, если можешь сидеть; не сиди, если можешь лежать». Еще он утверждал: «Чтобы оставаться в форме, необходим покой, хорошая еда и, самое главное, никакого спорта». Но сам этому правилу не следовал.

Вопреки распространенному мнению, в том числе нередко распространявшемуся самим Черчиллем, он был хорошим спортсменом. Еще в военном училище он неоднократно побеждал в соревнованиях по фехтованию и в конном спорте. Он очень любил лошадей, впервые сел на коня в девять лет и из всех видов спорта предпочитал поло, африканское сафари и английские скачки. Уинстон был убежден, что «научиться держаться в седле и управлять лошадью – это одна из важнейших вещей в мире». После ухода из политики в апреле 1955 года он признается своему лечащему врачу, что собирается заняться конным спортом: «Это не будет меня утомлять. Я смогу великолепно держаться в седле, выбрав себе тихую лошадку».

В 4-м гусарском полку Черчилль пристрастился к конному поло. В 1899 году он неудачно оступился на лестнице в доме одного из своих знакомых и при падении серьезно повредил правое плечо. Но Уинстон все равно продолжил играть в поло и даже забил решающий мяч в матче команды своего полка в финале кубка Меерута, самого известного спортивного турнира на всем индийском субконтиненте.

Став политиком, Черчилль продолжал играть в поло, теперь уже выступая за команду Палаты общин. Последний раз в поло он сыграл 10 января 1927 года на Мальте. Сыграть ему предложил старый друг адмирал флота сэр Роджер Кейс. Черчиллю идея пришлась по вкусу *: «Я* с радостью буду играть, хотя не играл уже целый сезон. Мне только придется немного потренироваться скакать галопом, чтобы размять мышцы. Я захвачу с собой пару клюшек и покажу все, на что способен. Если уж мне суждено рухнуть на землю и умереть, это будет достойным концом». В своем последнем матче Уинстон выглядел вполне достойно и умирать не собирался.

В 1907 году Черчилль, будучи заместителем министра колоний, совершил трехмесячное путешествие по Африке,

побывав в Сомали, Кении и Уганде, а также в Адене. Значительную часть пути он проделал верхом на лошади и верблюде.

А весной 1948 года 73-летний Черчилль в своем поместье Чартвелл удивил директора голландского цирка Яна Ван Леера, демонстрировавшего ему своих дрессированных лошадей. Отставной премьер неожиданно вскочил на белую лошадь и провел с ней несколько туров вальса, а потом проскакал галопом по парку.

В жизни Черчилля было немало падений с лошади. 18 апреля 1922 года во время игры в поло с герцогом Вестминстерским он упал с лошади, неожиданно вставшей на дыбы, почувствовал резкую боль и лишь чудом избежал перелома. А с 1949 года Черчилль стал разводить скаковых лошадей. Более сорока его питомцев одержали свыше 70 побед на разного рода скачках. Только в 1964 году Черчилль перестал посещать скачки и продал свою конюшню.

Черчилль увлекался не только спортивными, но и азартными играми. Особенно после ухода из политики. Надо было куда-то выплеснуть присущий ему азарт и жажду риска. В последнее десятилетие жизни на политику и спорт уже не оставалось сил, зато Черчилль пристрастился к рулетке, хотя играл не по-крупному. Он зачастил на отдых в Монте-Карло. Крупье вспоминали, что отставной британский премьер обычно ставил на красные номера 18 и 22 и чаще всего проигрывал. Летом 1962 года Черчилль в Монте-Карло сломал ногу. Вечером 28 июня перед сном в номере «Отель де Пари» Уинстон поскользнулся и сломал ногу. До кровати ему было уже не дойти. Он расположился на полу, накрылся пледом, подложил под голову пару подушек. Через час его нашла горничная, вызвала медсестру. Увидев медсестру, Черчилль улыбнулся: «Леди, по-моему, я сломал ногу». Когда ему наложили гипс, Уинстон сказал секретарю: «Энтони, если это конец, то *я* хочу умереть только в Англии». Его доставили в Лондон на присланном за ним самолете Королевских ВВС. После того, как Черчиллю сделали операцию, он уже через три недели смог передвигаться самостоятельно, что в его возрасте было просто чудом. В таком возрасте переломы чаще всего навсегда приковывают человека к постели или к инвалидному креслу. В больнице он пробыл еще пять недель, причем в палате ежедневно устраивались киносеансы. Среди прочих фильмов демонстрировали любимый фильм Уинстона «Леди Гамильтон» с Лоуренсом Оливье и Вивьен Ли.

Диета Черчилля

В мире у Черчилля была стойкая репутация обжоры и пьяницы. Одним из грехов Уинстона, несомненно, было чревоугодие, да и к спиртному, равно как и к гаванским сигарам, он не был равнодушен.

Однако ни обжорой, ни злостным курильщиком (сигары все же безопаснее сигарет), ни алкоголиком он не был, иначе вряд ли бы дожил до 90 лет. Гастрономические утехи были для него одними из главных радостей в жизни. Выше были для него радости политической борьбы. Никаких диет он сроду не придерживался, всегда ел вкусную, но нездоровую пищу. Уинстон утверждал: «В молодости я взял себе за правило не пить ни капли спиртного до обеда. Теперь, когда я уже в возрасте, я держусь правила не пить ни капли спиртного до завтрака».

День Черчилль начинал с плотного завтрака, причем предпочитал принимать пищу в гордом одиночестве. Уинстон был убежден, что такого испытания, как совместные завтраки, не сможет выдержать ни один семейный союз: «Мы с женой два или три раза за 40 лет брака пробовали завтракать вместе, но это оказалось невыносимо, и пришлось это прекратить». Меню завтрака, который Черчиллю часто подавали в постель, обычно состояло из дыни, омлета или яичницы с беконом, отбивной котлеты или ножки цыпленка, тостов с джемом и кофе с молоком.

К обеду, главной трапезе дня, британский премьер относился куда серьезнее. Достойным он считал такой обед, когда сначала можно было вкусно поесть, а затем со вкусом обсудить съеденное, а «после того, как хорошая еда будет всесторонне разобрана, надо просто поговорить на приятную тему. Главное условие – беседу должен вести я». Обед состоял из супа по-савойски и устриц, затем следовали закуски, а после них филе камбалы, завернутое в копченую лососину, с гарниром из креветок под чесночным соусом. Далее шло жаркое из оленины, фаршированное паштетом из гусиной печенки, под соусом из трюфелей. И наконец, сыр «Стилтон», пирожное или мороженое и кофе с бренди и с кувшинчиком сливок. За обедом Черчилль мог также отведать традиционные английские блюда – дичь, ростбиф и йоркширский пудинг, хотя больше предпочитал французскую кухню. Кроме того, он любил сырые устрицы и дрожжевую пасту Petite Marmite. Летом 1915 года он писал брату с фермы Хо Джек, что здесь есть все, что требуется для нормальной жизни: «Горячая ванна, холодное шампанское, свежий горошек и старый коньяк». Больше всего Черчилль любил шампанское «Pol Roger». А еще он с

удовольствием пил портвейн, коньяк и бренди и виски. На ужин Уинстон лишь пил консоме – крепкий бульон из мяса или дичи, а перед отходом ко сну он съедал несколько сэндвичей, запивая их все тем же шампанским.

За обедом разговоры обычно велись вокруг актуальных политических проблем, причем говорил главным образом сам Черчилль. Когда однажды сын Рэндольф, по его мнению, говорил слишком долго, отец попробовал его прервать словами: «Не перебивай меня, когда я пытаюсь перебить тебя».

Болтливость Черчилля вошла в поговорку. Его супруга советовала друзьям и коллегам премьера: «Все, что хотите сказать, давайте ему в письменном виде. Он совершенно не слушает или не хочет слушать, когда думает о чем-то своем. Зато Уинстон всегда рассмотрит все, что написано на бумаге».

В июне 1953 года у Черчилля случился инсульт. Левая сторона тела оказалась парализована, а речь затруднена. Через несколько недель после удара секретарь кабинета лорд Норманбрук навестил Черчилля. Он вспоминал: «Джон Колвилл и я обедали с премьером, который сидел в инвалидной коляске. После обеда Уинстон заявил: «А теперь я хочу самостоятельно встать на ноги».

Мы стали его отговаривать, но Уинстон не хотел нас слушать. Он продолжал повторять: «Я хочу встать и сделаю это!»

Осознав, что переубедить премьера не удастся, мы решили встать позади коляски, чтобы подхватить его в случае падения. Заметив это, он замахнулся на нас тростью и резко произнес: «Отойдите подальше, я хочу встать самостоятельно!»

Затем он спустил ноги на пол, схватил ручки коляски и огромным усилием, так что даже капли пота выступили на его лбу, поднял себя. Продемонстрировав нам, что он в состоянии сделать это, Уинстон сел обратно в коляску, улыбнулся и закурил сигару». Обладая огромной жизненной силой и силой воли, Черчилль сумел оправиться от удара и уже в октябре выступал перед публикой. А 30 ноября с размахом отметил свое 80-летие. Накануне этого юбилея Уинстон признался Чарльзу Уилсону: «Жизнь больше не кажется мне интересной и привлекательной. В ней уже не осталось ничего веселого. Люди либо низменны, либо слишком глупы, чтобы совладать с новыми вызовами современного мира». В тот момент Уинстон понял, что ему пора уходить с политической арены. 10 декабря 1953 года ему присвоена Нобелевская премия по литературе, прежде всего за его шеститомные военные мемуары, причем шведские академики предпочли его Эрнесту Хемингуэю.

Не правы те, кто утверждает, будто во время своего второго

премьерского срока Черчилль был слишком дряхл физически, чтобы адекватно исполнять свои обязанности. Как справедливо отмечает британский историк Генри Пеллинг, пока Черчилль был хозяином резиденции на Даунинг-стрит, именно он «приводил в движение правительство», а его «тщательно продуманные речи определяли политический курс». В одном из своих выступлений в Палате общин в качестве премьера Черчилль заявил: «Быть может, наступит день, когда восторжествуют терпимость и любовь к ближнему, справедливость и свобода, – тогда страждущие ныне поколения обретут покой, преодолев и избавившись от всех несчастий, омрачающих наше существование. А до тех пор не сдавайтесь, не поддавайтесь унынию и никогда не отчаивайтесь!»

Когда в апреле 1955 года Черчилль решил уйти на покой и подал в отставку, королева предложила ему герцогский титул. Уинстон рассказывал своему секретарю Джону Колвиллу: «Знаешь, во время моего разговора с королевой Елизаветой случилось невероятное. Она предложила мне стать герцогом.

«И что же вы ответили?» – поинтересовался секретарь.
«Я уже готов был согласиться. Меня так тронули ее красота, обаяние и доброта, что сначала я решил принять это предложение. Но затем я понял, что должен умереть с именем, данным мне при рождении, – Уинстоном Черчиллем».

Черчилль и армянский коньяк

Во время Ялтинской (вариант: Тегеранской) конференции в феврале 1945 года Сталин угостил Черчилля армянским коньяком. Якобы после этого Черчилль ежедневно выпивал по бутылке пятидесятиградусного коньяка «Двин», который Сталин ему ежемесячно присылал по ящику. Однажды, в 1951 году, он обнаружил, что коньяк утратил прежний вкус, Черчилль пожаловался Сталину. Оказалось, что главный технолог Ереванского коньячного завода Маркар Седракян, который занимался купажом «Двина», был сослан в Сибирь. Его вернули, восстановили в партии. И Черчилль вновь был удовлетворен качеством коньяка. А Седракян 20 лет спустя, в 1971 году, получил звание Героя Советского Союза.

Есть еще один вариант этой легенды. На Тегеранской конференции британскому премьеру подарили два ящика армянского коньяка «Двин». На целый год Черчилль почему-то забыл о подарке, но однажды, возвратившись в неурочное время на Даунинг-стрит, застал своего мажордома с сигарой и бокалом неизвестного напитка, который и оказался «Двином». Узнав, что этот коньяк прекрасно сочетается с его любимыми сигарами, Черчилль уже на Ялтинской конференции сказал об этом Сталину и в дальнейшем до самой смерти получал по ящику «Двина» в месяц.

В этой легенде верно только то, что в СССР Черчилль действительно попробовал армянский коньяк «Двин», что его действительно разработал главный технолог Ереванского коньячного завода Маркар Седракян. Никаких данных, что он был сослан в Сибирь, нет, зато в справочниках утверждается, что Седракян был бессменным главным технологом Ереванского коньячного завода с 1948 года до самой своей смерти в 1973 году. Следовательно, в 1951 году его никто не ссылал. Более того, получается, что в период как Тегеранской, так и Ялтинской конференций Седракян главным технологом не был, что, однако, не мешало высоким вкусовым качествам «Двина». И уж совсем нелогично, почему в Тегеране (а З.В. Зарубина вспоминала, что ящик армянского коньяка Черчилль получил именно в Тегеране) Черчилль достоинств коньяка не оценил, а год спустя, вдохновленный примером собственного мажордома, понял, какой замечательный напиток этот «Двин». Получается также, что в Тегеране ему почему-то запрещали курить его любимые сигары, и только опыт слуги убедил его, что армянский коньяк очень неплохо идет с кубинскими сигарами. Замечу, что поскольку

«Двин» начал производиться только в 1945 году, Черчилль мог попробовать его только в Ялте, но никак не в Тегеране. Поэтому история с пьяницей-мажордомом – явная фантастика. Но фантастикой является и вся легенда с Черчиллем и армянским коньяком. Очень трудно поверить, что Сталин продолжал регулярно посылать коньяк Черчиллю после Фултонской речи. И уж тем более непонятно, зачем надо было делать это сталинским преемникам.

Смерть Черчилля

К смерти Черчилль относился философски. Он говорил: «Я готов встретиться с Творцом, но не знаю, готов ли Творец к такому тяжкому испытанию, как встреча со мной!» Еще Черчилль утверждал: «Я не боюсь смерти, но собираюсь сделать это наилучшим образом».

8 апреля 1963 года Черчилль стал Почетным гражданином США. Ранее этой чести удостоился только герой войны за независимость французский генерал маркиз Жильбер де Лафайет. А в мае 1963 года Черчилль объявил, что больше не будет участвовать в заседаниях парламента. 27 июля 1964 года он последний раз в своей жизни посетил заседание Палаты общин, чтобы проститься с ней. Бывший премьер Гарольд Макмиллан приветствовал сидевшего на почетном месте Черчилля: «Жизнь человека, которого мы сейчас приветствуем, уникальна. Старейшие члены парламента не смогут вспомнить кого-нибудь, сравнимого с ним. Молодые же члены, как бы долго им ни довелось жить, вряд ли увидят ко-го-либо более достойного».

В августе 1964 года Черчилля сразил очередной инсульт. В больнице его навестил Дуайт Эйзенхауэр, приехавший в Европу в связи с юбилеем высадки в Нормандии. Черчилль, хотя и был парализован и не мог говорить, узнал старого друга, и его глаза загорелись. Уинстон лишь положил ладонь на правую руку генерала и президента. Через десять минут Черчилль разжал руку и поднял ее вверх, продемонстрировав V – знак победы. Выйдя из палаты, Эйзенхауэр сказал: «Я только что простился с Уинстоном, но его мужество навсегда останется с нами».

Когда 30 ноября 1964 года Черчиллю исполнилось 90 лет, лечащие врачи сочли это удивительным достижением для человека со столь вредными привычками. К тому времени он уже оправился от инсульта и смог сидеть со своими близкими за праздничным столом. Клементина подарила ему золотое сердечко с выгравированными цифрами «90», и Уинстон повесил его на цепочку для часов рядом с подарком, сделанным в день их свадьбы, – рубиновой «каплей крови».

Даже в последние месяцы жизни Уинстон не изменил себе, наслаждаясь обильной едой, сигарами и стаканчиком бренди каждый вечер. 10 января 1965 года после очередного инсульта он впал в кому, а утром 24 января умер, ровно через 70 лет после смерти своего отца. Это была его месть – умереть в годовщину смерти лорда Рэндольфа. В телеграмме соболезнования, присланной генералом де Голлем, говорилось: «В минуты великих

испытаний он был самым великим из нас». А ведь президент Франции излишней скромностью никогда не страдал.
На похоронах Черчилля, как он того и хотел, было девять военных духовых оркестров. Сами похороны, как и жизнь усопшего, превратились в событие всемирного масштаба. ООН, Совет НАТО, Конгресс США, Совет Европы не только выразили соболезнование, но и на несколько минут приостановили работу. На отпевании Черчилля присутствовала королева Елизавета II – редчайший случай для похорон того, кто не был лицом королевской крови. Кроме членов британской королевской семьи и правительства, на траурной церемонии в базилике Святого Павла присутствовало три тысячи человек из 112 стран. Присутствовали его соратники по Второй мировой войне генералы де Голль и Эйзенхауэр, четыре короля и одна королева, три президента и два вице-президента, одиннадцать премьер-министров, два канцлера, шестнадцать министров иностранных дел. Двенадцать самых близких сотрудников Черчилля в годы Второй мировой войны держали концы гробового покрывала. Гроб отвезли поездом и, в соответствии с завещанием, опустили в землю на кладбище близ Бленхеймского дворца. При въезде в деревушку катафалк встретили мальчики из окрестных селений, каждый из них нес большую свечу. Пастор приходской церкви прочитал божественную литургию. Сценарий похорон написал сэр Уинстон. Когда гроб везли на катере вверх по Темзе к вокзалу Ватерлоо, крановщики всех лондонских доков склонили к реке стрелы своих кранов в память о великом человеке, который навсегда уходил в легенду.

Образ Черчилля

Преемник Черчилля на посту премьера Энтони Иден как-то назвал его гениальным шоуменом. Друг Уинстона французский писатель Андре Моруа утверждал: «Черчилль – большой знаток законов психологии. Он умело обыгрывает свою диковинную шляпу, непомерно толстые сигары, галстуки бабочкой и пальцы, раздвинутые буквой «V». Я знал французского посла в Лондоне, который не говорил по-английски, но зато носил галстук в горошек, завязанный пышным бантом, что умиляло англичан и Черчилля, а ему позволяло сохранять свой пост».

Черчилль шутил, что «карикатуристы стали жить за счет моих шляп. Как много их, насколько они странны и нелепы, как часто я их меняю? Некоторые даже утверждали, будто я придаю шляпной палитре некое специальное значение. Все это чушь, идущая от одной-единственной фотографии. Но если распространение подобных слухов помогает досточтимым джентльменам в их тяжкой работе, я ничуть не возражаю. Я даже готов превратить легенду в правду, купив еще одну шляпу».

Фирменным знаком Черчилля стало опаздывать на все важные мероприятия, дабы привлечь к себе дополнительное внимание. Не у Черчилля ли заимствовал эту привычку Владимир Путин? Впрочем, у российского президента она достигла гипертрофированных размеров, поскольку время опоздания порой измеряется часами.

Еще Черчилль придумал фирменный знак победы – «V», указательный и средний пальцы, поднятые вверх, очень быстро ставший международным. Этот знак появился в 1940 году, когда Черчиллю передали, что отряды движения Сопротивления оставляют на стенах в оккупированной Франции, Голландии и Бельгии латинскую букву «V», означающую по-французски – победа (Victoire), а по-нидерландски – свобода (Vrij heid). Потом Би-би-си, обнаружив, что передача V азбукой Морзе точка-точка-точка-тире напоминает мотив Судьбы Пятой симфонии Бетховена – соль, соль, соль, ми-бемоль, и этим фрагментом стала предварять передачу военных новостей.

Сигары для Черчилля тоже были не столько жизненной потребностью, сколько еще одним знаком, делавшим его узнаваемым для широкой публики.

Мифом является утверждение, будто Уинстон был заядлым курильщиком и в день выкуривал от 8 до 15 «гаван». Когда в 1947 году ему удаляли грыжу, он бросил курить за две недели до операции, опасаясь спровоцировать осложнение. А перед

выступлением в Фултоне в марте 1946 года Черчилль специально зажег сигару, объяснив сопровождающим: «Публика будет ждать моего фирменного знака, и ее нельзя разочаровать».

Все, что он делал в жизни, Уинстон заставлял работать на свой позитивный имидж, будь то цилиндр, сигары, шутки и остроты, произнесенные речи, написанные мемуары и биографии и нарисованные картины. Вячеслав Молотов на старости лет жаловался внуку: «Хорошо было Черчиллю сидеть в ванне, курить при этом сигару и, держа в руках свои документы, надиктовывать стенографистке толстые мемуары. У меня же нет доступа ни к документам, ни к стенографистке…»

И Черчилль навсегда остался в памяти миллионов как премьер-министр самого сурового для Англии 1940 года, руководившего обороной Британских островов под германскими бомбами. Вот какой портрет Черчилля нарисовал русский писатель-эмигрант Марк Алданов. Он писал о Черчилле: «Ему предписано врачами оставаться возможно больше в лежачем положении. Этот человек, который может считаться чудом энергии и силы воли, физически слаб и непрочен. У него пошаливает сердце и не в слишком хорошем состоянии легкие.

В детстве он много болел; врачи предполагали, что он не выживет. Пятнадцати лет от роду он на уроке фехтования вывихнул руку и до сих пор владеет ею не совсем свободно. Еще тремя годами позднее с ним произошел другой несчастный случай, очень отразившийся у него на почках. Предки Черчилля, как большая часть английских аристократов, учились в Итонской школе. Его туда нельзя было отдать, так как климат Виндзора, где находится эта старинная школа, был признан недостаточно благоприятным для мальчика со столь слабым здоровьем. Все это не мешает ему в 66 лет есть за троих, пить за двоих и работать от четырнадцати до семнадцати часов в сутки… В 11.30 утра начинается заседание Кабинета министров, происходящее в большой продолговатой комнате, занятой в длину столом красного дерева…

После завтрака премьер спит около часа, затем возвращается в кабинет и принимает посетителей. Затем, если необходимо, отправляется в парламент или к королю. Обедает он в своей частной квартире во втором этаже… Вечером, после обеда, в связи с наступлением часа ночных воздушных налетов, Черчилль опять спускается в подвальную комнату и там работает всегда до полуночи, а иногда до трех часов ночи. На письменном столе у него стоят три телефона разных цветов. За работой он напевает единственную песенку, которую знает: «Run, rabbit, run!» – это если Черчилль в хорошем настроении духа.

В хорошем настроении духа он бывает гораздо чаще, чем в дурном. Все знающие его люди говорят о его веселом, оптимистическом характере. Говорит об этом и он сам. Вдобавок он считает себя счастливым человеком. Однажды, лет двадцать тому назад, Черчилль сказал одному своему другу: «Моя жизнь, в общем, очень счастливая и становится все счастливее. 51 многому научился в жизни и продолжаю учиться каждый день»».